

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ИЗ СЕРИИ **Опустошение**

Восстановление

ОТЕМ ГРЕЙ

vk.com/kn_books

Порой можно выиграть, порой проиграть, особенно, если речь идет о любви. Ремингтон уже играл в эту игру и проиграл. Но, несомненно... он даже мысли не допускает, что может потерять Селену. Когда их жизням начинает угрожать опасность, он понимает, что один неверный шаг, и Селена может исчезнуть из его жизни навсегда. Время идет, и Ремингтон пытается обыграть его, чтобы спасти женщину, которая заняла место в его сердце.

Но что случится потом? Останется ли она с ним или его прошлое уничтожит возможность совместного будущего с ней?

Только любовь остается после того, как наши ожидания не оправдывают себя; или когда наши демоны выходят поиграть.

Селена понимает, что всего лишь вопрос времени, когда произойдет что-то ужасное. И кто бы ни руководил всем этим, этот человек жаждет крови. Ее крови. Ей следовало порвать с Ремингтоном в ту же секунду, когда прочитала первое письмо, а теперь выбора у нее уже нет. Слишком сильно влюбилась она, слишком быстро, и теперь зависима от него как физически, так и эмоционально.

Порой тайны объединяют, но иногда наоборот, могут разрушить наши жизни. Сможет ли тайна разрушить будущее Селены и Ремингтона? Или же напротив, восстановит разрушенные связи и сделает их прочнее?

ВОССТАНОВЛЕНИЕ

Автор: Отем Грей

Рейтинг: 18+

Серия: Опустошение #3 (про одних героев)

Главы: 24 главы+Эпилог

Переводчик: Александрина Царёва

Редактор: Таня П.

Вычитка и оформление: Натали И.

Обложка: Таня П.

*Лес чуден, темен и глубок.
Но должен я вернуться в срок.
И до ночлега путь далек,
И до ночлега путь далек.
~ Роберт Фрост ~*

Ремингтон

Я переживаю самый худший кошмар в своей жизни.

Три часа.

Прошло уже три часа с тех пор, как Селену увезли в операционную. Никто ничего не говорит. А она там борется за свою жизнь.

Селена. Женщина, которую я поклялся защищать, но все равно не смог ничего сделать, чтобы спасти ее. Вылечить. Унять любую боль, которую она испытывает.

Я вытащил письмо из переднего кармана рубашки. Несколько дней тому назад я проснулся задолго до рассвета и, поскольку больше не смог уснуть, написал его ей. Тогда мне не хватило смелости отдать ей это письмо, но я планировал устроить Селене сюрприз накануне ее отъезда в Берлин.

Сделав глубокий вдох, я перечитал написанные мною слова, и искренность, заключенная в них, буквально лишила меня способности дышать.

Черт! Все полетело к черту. Но я собираюсь все исправить.

Аккуратно сложив письмо, я убрал его обратно в карман и повернулся посмотреть на Адриана, спящего на диване. Я укутал его до подбородка хлопковой простыней, которую нам дала одна из медсестер, и погладил по головке, отбрасывая темные кудри с лица. Последние сорок восемь часов стали для него серьезным испытанием.

Когда он со мной, мне кажется, что я в состоянии контролировать ситуацию.

Последние несколько часов он всхлипывал у меня на плече, и впервые в жизни я почувствовал себя уязвимым. Даже когда мой родной отец угрожал мне и бил ремнем по спине, я не ощущал этой уязвимости. Я храбро стоял и принимал все, с чем он набрасывался на меня. Но сейчас, черт. Все так запуталось к чертовой матери.

Я откинулся на спинку стула и вспомнил события последних нескольких недель, начиная с того момента, когда увидел Селену в отеле, наш первый обед в парке Тюильри, танцы в клубе, как ее глаза загорелись, когда она поняла, что танцует со мной. До сих пор поверить не могу, как быстро я утратил бдительность рядом с ней, хотя знал ее всего несколько дней.

Ярость заструилась по моим венам, когда в голове возник образ того, что случилось с Селеной. С тех пор, как несколько часов назад я уложил Адриана спать, а доктора Бланшетта вызвали в палату, чертова система оповещения молчала. Вокруг кровати Селены суетился медицинский персонал, пытаюсь помочь ей. Мне следовало лучше защищать ее.

Но я не защитил.

И теперь мы в больнице в ожидании того, как решится ее судьба.

Я запустил пальцы в волосы и, вцепившись в них, потянул назад, наслаждаясь болью. Это немного отрезвило меня.

— Месье Сен-Жермен?

Я резко вскинул голову и вскочил на ноги, когда передо мной появился доктор Бланшетт. Его лицо не выражало никаких эмоций.

Блядь!

Меня начало трясти, сердце заколотилось как сумасшедшее, и я сжал руки в кулаки.

— Как она? — спросил я хриплым голосом.

— Давайте присядем, — он махнул в сторону стула, на котором я сидел несколько секунд назад.

У меня подкосились ноги, и пришлось вцепиться в подлокотник стула, чтобы удержать равновесие, пока садился, затем я уронил голову на руки и зажмурился.

— Господи, нет.

— Месье Сен-Жермен.

Надо глубоко дышать.

Делать чертовски глубокие вдохи.

Он прочистил горло.

— Операция прошла успешно. Нам удалось снять отек прежде, чем мозг получил повреждения.

Проглотив комок в горле, я поднял голову и, медленно повернувшись, посмотрел на доктора.

— Так с ней все будет в порядке?

Он кивнул и слабо улыбнулся.

— На данный момент у нас все под контролем.

Я шумно выдохнул.

— *Боже, спасибо.* Она... Можем мы увидеть ее?

Он наклонился вперед, поджал губы и нахмурился. В груди все сжалось от боли, когда в голове возникли различные сценарии, один хуже другого.

Боже, нет. Пожалуйста, не поступай так со мной. Не забирай ее у меня.

— Мы оставили ее в реанимационном отделении, чтобы понаблюдать за ее состоянием в течение нескольких часов, — он сложил ладони в форме буквы «А». — Но для начала вы кое-что должны узнать. За все это время она так и не пришла в себя. Она практически не реагировала на внешние раздражители в ходе проведенных нами тестов.

Меня бросило в холодный пот.

— Что вы пытаетесь мне сказать, доктор?

Он тяжело вздохнул и сказал:

— Она в коме.

— Погодите, вы же сказали, что она в порядке, *разве нет?* Что у вас все под контролем.

— Так и есть. Но это не означает, что она вне опасности. Следующие несколько дней будут решающими, но мы постараемся сделать все возможное, чтобы она пришла в норму.

Я резко выдохнул, и перевел взгляд на сына.

— Как долго она будет в этом состоянии?

— Невозможно предугадать, когда она выйдет из комы. Нам просто нужно наблюдать за ней, — вздохнул он и выглядел при этом устало. — Почему бы вам с сыном не пойти отдохнуть и вернуться позже, чтобы навестить вашу жену? По вашей просьбе мы поставили двух полицейских охранять ее палату на следующие несколько дней.

Я кивнул, глядя на Адриана. Ему нужен нормальный ночной сон и еда. И, конечно же, ему нельзя постоянно находиться в больнице. Я выпрямился на стуле. Мой сын заслуживает лучшей заботы. И я не собираюсь лишать его этого. Адриан и Селена нуждаются во мне.

— Я пришлю свою собственную охрану в дополнение к вашей, — я больше не уверен, кому можно доверять.

Пожав мне руку, доктор заверил меня, что позвонит, если что-то изменится, и ушел. Я

вытащил мобильный из кармана и набрал Эрика. Час назад он приехал в Марсель на машине и заказал нам номер в отеле неподалеку от больницы.

Велев ему забрать нас и отвезти в отель, а также же организовать охрану Селене, я подхватил Адриана на руки и вышел из комнаты ожидания, которая служила нам домом последние сорок восемь часов.

Селена

Очнись, Селена.

Очнись. Я хочу видеть твои глаза, ma belle.

Моргнув, я открыла глаза и увидела белые стены и большие окна, но по какой-то причине не увидела обладателя этого такого знакомого голоса. Успокаивающего. Почему я не вижу его?

Где я?

Я посмотрела по сторонам, взглядом пытаюсь найти обладателя голоса. Голоса, который отчаянным страстным шепотом требовал, чтобы я открыла глаза. Но не увидела его лица.

Ma belle. Я хочу, чтобы ты вернулась ко мне. Мне не хватает тебя. Боже, мне так жаль.

Я попыталась повернуть голову, но по какой-то причине мне это не удалось.

Голос снова побуждал меня открыть глаза. Но разве они не открыты? Я моргнула, чтобы убедиться в том, что не сплю.

Тогда почему голос этого человека звучит так печально? И почему ему жаль?

От голоса мужчины, умоляющего вернуться к нему, меня мгновенно отвлекло какое-то движение, после которого раздалось хихиканье, такое тихое, что я подумала, оно мне просто почудилось. Я повернула голову и ахнула. Затем моргнула. Я пристально изучала личико, вздернутый маленький носик, крошечный ротик, улыбающийся мне, ямочки на щечках, голубые глазки.

Я остановилась на носике, кончик которого был слегка вздернут, и на глазах. Очень знакомых глазах. Как я и представляла до ее рождения, у нее глаза Джеймса. Мысль о нем вызвала вспышку боли и ничего больше. Я не испытала боли, рвущей душу на части, которую чувствовала, когда обнаружила, что он изменяет мне с моей лучшей подругой.

Моя милая малышка Инес, которую я назвала в честь своей матери. Я помню выражение ее лица, когда сказала ей, что мы назовем ребенка в честь нее. Я никогда не видела ее более счастливой и гордой, чем в тот момент.

Но как, как моя девочка оказалась здесь? Как такое возможно? Она же еще не родилась, когда я потеряла ее. Я сплю? *Боже, зачем ты так поступаешь со мной?*

Малышка улыбнулась, взбрыкнула крошечными ножками, замахала ручками и заворковала.

Я снова моргнула, чтобы убедиться, что это не сон. О, мой Бог, это не сон. Я передвинулась, повернулась набок и, протянув руку к ее личику, прикоснулась к ней. Я прикоснулась к ней, а она мне это позволила. На какую-то долю секунды она закрыла глазки, словно наслаждаясь моим прикосновением.

Она настоящая.

— Привет, моя красивая, идеальная девочка, — прошептала я, и мои глаза обожгли слезы. — Мне так тебя не хватало, так сильно не хватало, — я провела пальцем по мягкому изгибу ее щеки. Я не позволила себе сомневаться, насколько реально то, что она здесь, потому что мысль, что ее здесь нет, убивала меня. Поэтому я просто улыбалась и смотрела на нее.

— Я думала о тебе так много дней, месяцев, лет. О тебе милая малышка, о тебе. Я так сильно люблю тебя, и мне тебя ужасно не хватает. Остайся со мной, пожалуйста, — я так боялась прикоснуться к ней снова, волновалась, что она может исчезнуть, поэтому устроилась поудобнее и просто изучала ее красивое личико.

Останься со мной, пожалуйста.

Ремингтон

Вчера у нас с Адрианом был тяжелый день. Я вернулся в больницу пять часов спустя и снова вместе с взволнованным Адрианом. Он отдохнул, но никак не мог успокоиться, пока мы не отправились навестить Селену.

Сегодня Эрик отвез его на местную закрытую игровую площадку, что, кажется, значительно улучшило его настроение. Он сразу же подружился с несколькими ребятами, и, видимо, ждал новой встречи с ними целый день.

Я посмотрел на Селену — у нее такое расслабленное выражение лица. Мирное. В комнате раздается только пиканье электрокардиографа, который фиксирует перепады сердечного ритма Селены, когда оно становится слишком быстрым или наоборот слишком слабым, шипение и свист вентилятора, и шарканье ног медперсонала, доносящееся из-за двери. Доктор упомянул, что она, вполне возможно, слышит, что происходит вокруг нее, поэтому я продолжаю поглаживать тыльную сторону ее ладони большим пальцем и разговаривать с ней, чем занимаюсь с тех пор, как зашел в палату.

— Ты не говорила мне, что склонна к драматизму, *ma belle*, — я представил, как она рассмеялась бы над моими словами. — Эндрю и Грейс звонили узнать о твоём состоянии. Они скучают и передают тебе привет. Я когда-нибудь рассказывал тебе, как познакомился с Эндрю? Я сидел в одном из парижских баров и топил свои печали в алкоголе. Он зашел в бар как раз тогда, когда какая-то дамочка собиралась ограбить меня.

— После того, как спас мою задницу, он посадил меня в такси и отвез к себе домой. На следующее утро, когда я проснулся, он задал мне трепку и вышвырнул из своего дома. Черт, даже я был впечатлен, хотя со мной такое редко случается. Я вернулся через два дня, когда стал лучше себя чувствовать и выглядел уже не так ужасно, чтобы поблагодарить его. Видимо я излил ему душу, когда был пьян в ту ночь. Он посоветовал мне завязывать. Сказал, что я несправедлив к людям, которых люблю — к своей семье. Что у меня есть те, кто нуждается во мне, зависят от меня. Адриан. Его слова быстро привели меня в чувство. Представляешь, он даже записал меня на прием к психотерапевту, хотя ничего не знал обо мне.

Я рассмеялся, вспомнив, как упрявился по этому вопросу.

— Я посетил три сеанса и больше ни разу не ходил туда. Я хорошо усвоил урок. Я не очень открытый человек, особенно, когда речь идет о моей жизни, — я поднес ее руку к губам. — Мне всегда было интересно, что из себя представляет настоящая любовь. И я нашел эту любовь с тобой. У меня есть собственная теория. Да, можешь закатывать глаза, если хочешь. Но я согласен с тем, что когда-то очень давно сказала мне мать. Когда встретишь ту единственную, которая поразит тебя в самое сердце так, что не сможешь отвести от нее глаз, значит ты нашел любовь всей своей жизни. Когда наши сомнения исчезают, когда мы выпускаем наших демонов на волю, остается только любовь. Пожалуйста, вернись ко мне. Ты нужна мне.

И мне жаль, что я не знаю, кто ты на самом деле. Хотя не думаю, это что мне помешало бы сказать тебе «да».

Дверь за моей спиной тихо скрипнула, прерывая мои размышления. Я обернулся и

увидел, что на пороге стоит моя мать. Эстелла Сен-Жермен славится своей элегантностью и стоицизмом, но эти два определения не имели никакого отношения к ней, когда она вошла в двери и направилась ко мне. Ее взгляд метался между мной и Селеной. Положив руку Селены на кровать, я встал и подошел к матери.

— О, мой мальчик, — сказала она и обняла меня. — Я приехала в замок, но как только узнала, что произошло, отправилась сюда. Ты держишься?

Я покачал головой и провел рукой по волосам.

— Я в жизни не был так напуган, — пробормотал я себе под нос. Она коснулась моей щеки, и я прижался к ее ладони.

— Как Адриан? Где он? — спросила она, после того как убрала руку, отошла от меня и направилась к кровати.

— Один из моих людей отвез его на игровую площадку, — я тоже подошел к кровати и остановился рядом с матерью. Мне было любопытно, как пройдет встреча моей матери и Селены.

Пристально всматриваясь в каждый миллиметр лица Селены, она нахмурилась. Я услышал, как ее дыхание резко прервалось, и она повернулась посмотреть на меня широко раскрытыми глазами. Бросив свою сумочку на стул, который я только что освободил, она махнула рукой в сторону двери, призывая меня следовать за ней. Как только мы вышли из палаты, она уперлась руками в бедра и сделала глубокий вдох, как обычно, когда расстроена и старается взять себя в руки.

— Что, ради всего святого, ты делаешь? Умоляю, скажи мне, что ты не вернулся к... — она покачала головой, не решаясь закончить предложение.

Я быстро схватил ее за руки.

— Нет, нет. Это не то.

Она сжала челюсти.

— А что тогда это такое? Я думала, ты давно прекратил это.

— Она другая. Я знаю, о чем ты подумала, но уверяю тебя, я с ней не по этой причине, — хотя мысленно я вернулся к своей последней беседе с Жилем.

Кто же ты, Селена?

— И по этой причине ты отказывался знакомить нас раньше?

— Нет, — я глубоко вздохнул, гадая, как объяснить ей, что Селена отличается от всех женщин, с которыми я встречался раньше. И что я не веду себя так, как вел после смерти Колетт. — Она понимает меня. Она очень хорошо относится ко мне и к Адриану, и я чувствую между нами связь, которой раньше ни с кем не чувствовал.

— Связь, — она повторила это слово, словно взвешивая его на языке. — Какого рода связь?

— Просто доверься мне, мама.

Снова глубоко вздохнув, она открыла дверь в палату Селены и вошла внутрь. Я последовал за ней, пытаюсь догадаться, о чем она думает. Она остановилась напротив Селены.

— Ты ее любишь? — шепотом спросила она, не глядя на меня.

— Да, — ответил я. — Я уверен в этом как никогда в своей жизни.

Услышав это, она обернулась и посмотрела на меня. Ее изучающий взгляд был полон недоверия, а затем она фыркнула.

— Ты любишь ее? Ремингтон, это не любовь. Вероятно, ты любишь ее внешность,

потому что она напоминает тебе Колетт.

— Я люблю ее, — повторил я твердо. — Она очень сильно отличается от Колетт. Я неплохо узнал ее за прошедшие несколько недель.

— А что Адриан? Все эти годы ты оберегал его от женщин, с которыми встречался. Это уже не в счет? Никогда не видела, чтобы ты так заикливался на женщине.

— Я еще никогда не видел Адриана таким счастливым. И никогда не был уверен ни в чем так сильно, как в своем желании быть с Селеной. Звучит безумно, да?

Она прошла к креслу, стоящему у стены, и присела, закрыв лицо руками.

— Не знаю, как к этому относиться. Пожалуйста, не думай, что я против твоих отношений с женщинами. Но мы через это уже проходили. Я была свидетелем того, как это влияло на тебя, и мне бы не хотелось видеть, как ты снова проходишь через это, — она убрала руки от лица и сосредоточила свой взгляд на мне. Ее глаза полны беспокойства и боли. Казалось, будто, увидев Селену, она постарела на десять лет.

Черт!

Я спровоцировал это. Ей и так пришлось иметь дело со столькими моими неприятностями. Но я должен убедить ее, что мои чувства к Селене не то, что она думает. Ей удалось проскользнуть сквозь мою защиту и занять место в моем сердце, чего никогда не удавалось ни одной другой женщине. И я не намерен изгонять ее из своего сердца.

— Надеюсь, ты понимаешь, что я желаю тебе только добра. Могу я поинтересоваться, как вы встретились?

Я взял стул, на котором недавно сидел, и поставил его рядом с креслом. Боже, я люблю эту женщину. Она так сражалась за меня; она защищала меня всю мою жизнь. Я понимаю, что она заботится обо мне. Но те чувства, которые я испытываю к Селене, они первобытные. Их не описать.

— Впервые мы встретились в отеле, где она должна была провести следующие три месяца своего пребывания в Париже, — и я рассказал ей все, что случилось после этого. Она неотрывно смотрела на меня, бесстрастно внимая моим словам.

— А ее семья? Они знают о произошедшем?

— Я позвонил ее младшей сестре вчера, чтобы разузнать необходимую врачам информацию. Я не стал рассказывать ей, что конкретно произошло. Я разберусь с этим, когда она прилетит через несколько дней.

— *Боже мой*, какая неприятность. А ее родители? Они тоже прилетят?

Я провел рукой вниз по лицу.

— Они прилетят в ближайшее время, как только врач разрешит ее матери путешествовать.

— Значит, она вернется обратно в Штаты, — сделала вывод она. — Как ты планируешь поступить, когда она уедет?

Чертовски хороший вопрос.

Сердце бешено забилося, когда подумал, что больше никогда не увижу Селену, но я быстро отбросил эти мысли. Я не имею права позволять себе думать подобным образом. Я должен мыслить позитивно ради Адриана и Селены. Она нужна мне ради моего душевного равновесия. И ради Адриана тоже. Подозреваю, что мы нужны ей точно так же, как она нужна нам, черт возьми.

— Помнишь, как-то ты сказала мне, что все рано или поздно налаживается? Что просто нужно верить? Вот, я полагаюсь на эти слова сейчас.

Она фыркнула и покачала головой.

— Никогда не видела тебя таким влюбленным ни в одну женщину. Даже в Колетт. Должно быть, она хороший человек, раз оказывает на тебя такое влияние.

— Она не просто какая-то женщина, — я улыбнулся, что за последние двое суток случилось нечасто. — Хорошая — это мягко сказано.

Мои мысли автоматически переключились к тому моменту, когда я последний раз видел ее смеющейся. Она выглядела чертовски красивой и беззаботной. Затем это воспоминание сменилось другим. Адриан устроился у нее на коленях, пока она читала ему сказку и они оба выглядели такими довольными, что от этого воспоминания мне стало трудно дышать. Я быстро бросил взгляд на кровать, стараясь сморгнуть слезы.

Вернись ко мне, Селена. Я не могу потерять тебя. Если тебя не станет, я не буду знать, что делать и как жить дальше. Борис и возвращайся ко мне.

Я прочистил горло, так как эмоции грозили задушить меня. В мыслях промелькнул образ крошечного личика Адриана. Никак не могу забыть, какая боль и огорчение появляются на его лице всякий раз, когда он спрашивает о Селене. Не время терять голову. Я должен взять себя в руки. Сейчас он нуждается во мне сильнее, чем когда либо, да и Селена тоже.

Я выпрямился на стуле и снова посмотрел на мать, решив, по крайней мере, изменить ситуацию и позаботиться о том, чтобы жизнь Адриана не вращалась исключительно вокруг визитов в больницу и местной игровой площадки. Я также хотел найти лучших докторов, которых могут себе позволить Сен-Жермены, чтобы они лечили Селену.

Лицо матери смягчилось.

— Знаешь, тебе тоже можно чувствовать боль.

Я мягко рассмеялся, вспомнив, что Селена сказала то же самое, и то, как она продемонстрировала мне это своим телом. Когда мать нахмурилась глядя на меня, я поерзал на сиденье, так как мое тело сразу отреагировало на воспоминание о Селене на моих коленях, дважды кашлянул и объяснил:

— Селена сказала мне то же самое, — на краткий миг глаза матери распахнулись, и она бросила взгляд на кровать, затем снова посмотрела на меня. — Я пытаюсь, мам. Крошечными шажками.

Она кивнула, и ее плечи немного расслабились.

— Она права.

Я отбросил волосы со лба, осознав, как сильно они отросли. Селена любит пропускать мои волосы сквозь пальцы. Я отрастил их длиннее обычного, чтобы порадовать ее. Быстро покачав головой, я снова сосредоточил внимание на матери.

— Мне нужно поговорить с врачом о том, чтобы перевезти ее в больницу в Париже. Адриану нужно вернуться к обычной жизни. По крайней мере, чтобы его мозг отвлекся от того, что сейчас происходит.

Она нахмурилась.

— Думаешь разумно перевозить ее в таком состоянии?

— Я узнаю, как только побеседую с врачом, но если существует возможность сделать это, я перевезу ее. Кроме прочего, я буду чувствовать себя спокойнее, если поблизости будут охранники Жилия.

В кармане завибрировал телефон, сообщая о входящем звонке. Я вытащил его и посмотрел на экран.

Легко на помине...

— Но сначала я должен ответить на звонок.

Она кивнула, теребя пальцами край свитера — все ее внимание было сосредоточено на Селене — и я вышел из палаты в коридор.

— Сен-Жермен.

— Ремингтон, — поздоровался со мной Жиль как обычно спокойным голосом. — Как у нее дела?

Я провел рукой по лицу.

— Так же, как и вчера, — вздохнул я. — Как продвигается расследование?

— Мы отслеживаем передвижения твоего преследователя. Она всегда отсутствует по средам, так что мы с командой собираемся проверить ее жилье как раз минут через сорок пять.

Я выпрямился.

— Я же сказал тебе, что хочу быть там, когда вы начнете предпринимать какие-то действия, — сказал я.

Он вздохнул.

— Мы уже это обсуждали, Ремингтон. Ты недостаточно квалифицирован для этой операции.

— Черт возьми!

Мы оба замолчали после моей вспышки. Я глубоко дышал, стараясь успокоиться.

— Послушай. Ты позаботься о Селене, а нам позволь разобраться с этим. Ты не в состоянии заниматься этим. Не в твоём нынешнем состоянии. Ты в смятении из-за того, что происходит. Я сообщу тебе новости, как только вернусь в офис.

Блядь.

Он прав. *Я сбит* с толку и мне лучше оставаться здесь ради Селены. Но я так же хочу увидеть человека, который угрожает моей семье, подвергая их риску.

Закончив разговор, я нажал отбой и засунул телефон в карман, после чего разыскал доктора Бланшетта в его кабинете.

— Месье Сен-Жермен, — он поднялся и, обойдя вокруг стола, протянул мне руку. Я пожал ее, а затем устроился на стуле, на который он мне указал. Деловой подход доктора Бланшетта при моем появлении приободрил меня.

Когда он сел обратно за свой стол, по множеству раскрытых карточек я понял, что он занят. В его расслабленной позе не чувствовалось отчаяния, и мне показалось, что он искренне заинтересован помочь Селене, когда спросил меня:

— Чем я могу вам помочь?

Я откинулся на спинку стула и впился в него взглядом.

— Я бы хотел обсудить возможность транспортировки моей жены в Париж.

— Вы уверены в этом?

Я кратко кивнул.

Он прочистил горло, тоже откинулся в своем кресле и несколько минут изучал меня.

— Могу я узнать причину такого решения?

— Буду честен с вами, доктор Бланшетт. Как мы уже говорили с вами ранее, несчастный случай, произошедший с мадам Майклз не совсем несчастный случай. Кто-то угрожает мне — нам. Я наивно полагал, что поездка в Прованс с несколькими охранниками обеспечит нам безопасность. Как вы понимаете, я ошибся в своих предположениях. И единственный

вариант, когда я могу гарантировать ей и своему сыну безопасность, пока проблема улаживается, это переезд в Париж. Одна из самых лучших известных мне охранных компаний расследует это дело. И к тому же мне бы хотелось, чтобы сын вернулся к повседневной жизни, а это возможно, только если мы вернемся в Париж. Поэтому, скажите мне, доктор, — я наклонился вперед, упираясь локтями в бедра и сложив пальцы домиком, — могу ли я перевезти свою жену в больницу в Париже?

Он продолжал неотрывно смотреть на меня, а затем хмыкнул.

— Вы по-прежнему продолжаете придерживаться этой версии? Что мадам Майклз ваша супруга?

Я вынул бровь, но уголки моих губ поползли вверх, пока я старался не улыбнуться.

— Да, продолжаю.

Он с улыбкой покачал головой.

— Это возможно, но не мне решать. Сначала мы должны убедиться, что ее состояние позволяет транспортировку, но перед этим этот вопрос должен решиться руководством больницы, с привлечением нескольких врачей-неврологов, — выражение удивления исчезло с его лица. — К сожалению, для этого потребуется присутствие члена ее семьи.

— Не проблема. Ее сестра прилетает через несколько дней.

Выражение его лица стало чуть менее угрюмым, и он поудобнее откинулся в кресле.

— Давайте посмотрим, смогу ли я вам помочь в таком случае.

— Но это ведь возможно, *да?* Вы уже проделывали это раньше?

Он кивнул и стал рассказывать мне, что конкретно потребуется, чтобы осуществить транспортировку. Закончив, он скрестил руки на груди, давая мне время усвоить информацию.

Я снова провел рукой по лицу. *Боже мой!* Я скучаю по ней. Скучаю по ее шаловливой улыбке и дерзкому поведению, по ее робости. По всему, что касается Селены. Черт подери, я хочу гарантий, что она вскоре придет в себя. Испытывая нетерпение, я вскочил со стула и начал вышагивать по кабинету.

— Как ваш сын воспринимает сложившуюся ситуацию?

— Уже лучше, — ответил я. После того как в первый день Адриан навестил Селену, доктор направил нас к психологу, женщине под шестьдесят, которая отнеслась к моему сыну как бабушка, что очень пошло ему на пользу.

Сначала он колебался, но после недолгих уговоров стал отвечать ей. Эрик, моя мать и я решили отвлекать его как можно больше, и стараться, чтобы он не проводил в больнице много времени, если в этом нет необходимости. Но то, что он может время от времени навещать Селену, тоже хорошо для него.

— Он, кажется, увлечен доктором Мартинез.

Доктор кивнул и улыбнулся.

— Она, видимо, оказывает такое влияние, как на пациентов, так и на посетителей.

Я вышел из офиса доктора несколько удовлетворенным и начал готовиться к еще одному спору с матерью. У меня сложилось впечатление, что наш с ней разговор ни в коей мере не уменьшил ее тревогу. Не могу винить ее за предположение, что я с Селеной из-за ее схожести с Колетт. Когда она умерла, я был еще глуп и пребывал в отчаянии.

На сей раз все иначе.

Селена *не такая*. Она полная противоположность той женщине, которая протащила меня через ад.

Ремингтон

Три дня спустя...

Телефон на тумбочке напугал меня, оторвав от моего занятия. Я швырнул блокнот и карандаш на стол и посмотрел на часы. Три часа ночи. Я слишком увлекся, рисуя Селену, и совершенно забыл о времени. Она выглядела такой спокойной и красивой, пока спала, и я не мог упустить эту возможность, поэтому вытащил из сумки блокнот для рисования и ручку и начал работать над рисунком, пока разговаривал с ней.

Я схватил телефон со столика и, посмотрев на экран, вышел из палаты, чтобы ответить на звонок.

Жиль.

— Я ждал твоего звонка, — рявкнул я в телефон. Мое терпение исчерпало себя, и я был не в настроении для вежливости. — Что происходит? Ты должен был позвонить мне три дня назад после того, как вы посетили ее квартиру.

— К сожалению, операция пошла не так, как мы ожидали, но нам удалось проникнуть к ней во вторник, — спокойно ответил он. — Как быстро ты сможешь приехать? Мы хотим, чтобы ты посмотрел кое-какие ее вещи. Возможно, это даст подсказку о том, кем может оказаться этот человек.

— Может, отсканируешь то, что у тебя есть, и сбросишь мне на мобильный?

— Одну минуту, — я услышал кликанье компьютерной мышки и жужжание — наверное, сканера. — Отправил.

— Перезвоню тебе через несколько минут, — я прервал звонок и быстро открыл письмо с фотографиями. На фотографиях были изображены несколько детективных романов, ножницы, перчатки и дневник с фотографией. Увидев фотографию, я содрогнулся. На ней были я и Адриан на кухне, оба в пижамах.

Селена стояла в гостиной и смотрела на нас. Я не мог видеть ее лица, но узнал бы эти изгибы где угодно. Ее фигуру перечеркивал крест, нарисованный, полагаю, красной ручкой. Наверное, эта фотография была сделана в ту ночь, когда она ночевала в моем загородном доме.

Я вскочил со стула и стал ходить туда-сюда.

Твою мать! Кто этот человек? Как ему удалось так близко подобраться к дому, и никто этого не заметил?

Я бросил еще один взгляд на фотографию. На ней нет ничего, что может пролить свет на то, кто эта женщина. Я набрал номер Жилия.

— По тем фото, что ты прислал мне, нам не догадаться с кем мы имеем дело. Что еще у тебя есть для меня?

Жиль шумно выдохнул, и мне показалось, что он огорчен.

— Нам придется еще раз осмотреть ее квартиру, и нам понадобится ты. Возможно, ты заметишь что-то, что мы упускаем. Как быстро ты можешь прилететь в Париж?

— Буду к девяти утра.

— Супер. Не волнуйся. Мы поймаем эту сучку.

— Хорошо. Потому что я более чем просто зол. Я в ярости, — я запустил руку в волосы. — А что по второму вопросу? Нашел еще какую-нибудь информацию о Селене? — спросил я беззаботным тоном, надеясь скрыть, что меня все еще беспокоит то, что он рассказал мне в тот вечер, когда на Селену напали.

— Да, нашел. Но я бы сначала хотел дать тебе время разобраться с тем, что происходит, — я услышал, как он шуршит бумагами. — Как я уже упоминал раньше, в том отчете указывается, что она родилась в Париже. При дальнейших поисках мой человек обнаружил, что у Селены на самом деле была еще одна сестра, не Марли. Ее звали Диана. Согласно отчету она исчезла двадцать шесть лет назад. Никакой информации после ее исчезновения найти не удалось, поэтому никто не знает где она.

Я закрыл глаза, пытаюсь бороться с ужасом, охватившим все мои внутренности.

— Там указано, кто отец Дианы?

Он вздохнул.

— *Нет.* Графа не заполнена.

— Ладно, — сказал я, потирая шею, чтобы снять напряжение. — Увидимся завтра.

Закончив звонок, я сделал несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться, прежде чем возвращаться в палату, и обдумал полученную информацию. И на какую-то долю секунды схожесть между Селеной и Колетт промелькнула в моей голове.

Черт, нет. В жизни не бывает таких совпадений. Или бывают?

Отбросив эти мысли, я остановился рядом с кроватью Селены, и из головы исчезли вообще какие-либо мысли.

Что за черт?

По ее щекам текли слезы, а пальцы подергивались. Что происходит? Я взял ее руку и накрыл своей ладонью, когда в голове пронеслись варианты того, что может происходить. Один страшнее другого. Монитор запищал чаще, давление начало расти. Я схватил кнопку вызова медсестры и нажал на нее.

Где все эти чертовы медсестры?

Отбросив кнопку, я выскочил в коридор и посмотрел по сторонам. Два полицейских и один охранник выпрямились, напуганные моим неожиданным появлением.

Охранник шагнул ко мне.

— Месье Сен-Жермен, могу я... — он не закончил свою мысль, так как я нахмурился и быстрым шагом направился к посту медсестер, не в силах ждать.

Четыре медсестры болтали и смеялись. Одна из них подняла голову, а затем быстро сделала знак своим коллегам. Один взгляд в моем направлении и они вскочили со своих стульев, делая вид, что раскладывают карточки, или черт там их знает, чем еще они занимаются, кроме невысокой медсестры со светлыми волосами, которая казалась смелее остальных.

— Эта штука мигает, как чертов маяк, а вы просто стоите здесь болтаете и смеетесь? — проворчал я.

Она покраснела и, вскочив со стула, прошла мимо меня.

— *Пардон,* месье Сен-Жермен, — прошептала она, но достаточно громко, чтобы я расслышал. Она смотрела в пол, пока спешила к палате Селены.

Я бросил взгляд на остальных трех медсестер, а затем развернулся и последовал в палату. Вздохнув, я зашел внутрь. Она посмотрела на меня, но быстро отвела взгляд, как только наши глаза встретились.

— Что с ней не так? — сорвался я, указывая на Селену, лежащую на кровати.

Медсестра вытерла ладони о свой белый халат.

— Кажется, все в порядке, месье Сен-Жермен. Ее жизненные показатели в норме и...

— Этот монитор чуть не взорвался. И моя жена плачет, — сквозь зубы прорычал я.

Медсестра откинула голову назад и испуганно округлила глаза, услышав мой тон.

— Какого черта она плачет?

Она обошла вокруг кровати и подошла ко мне.

— Ее давление, кажется, нормализовалось. Иногда, когда пациент испытывает какие-то эмоции в ее нынешнем состоянии, это может повлиять на жизненные показатели, особенно на давление. Совершенно естественно для пациентов в коме демонстрировать эмоции, — она подняла руки в успокаивающем жесте. — Смотрите, — она указала на кровать. Я проследил взглядом за ее рукой и резко втянул воздух, пока смотрел на Селену. — Она улыбается.

Я обошел вокруг медсестры и устремился к кровати.

— Она *улыбается*. Но в то же время плачет, — я услышал удивление в собственном голосе, увидев, как на лице Селены одновременно отражаются радость и печаль. — Что же тебе снится, *ma belle*? — пробормотал я, присаживаясь на стул, который прочно завоевал место рядом с кроватью. Я взял руку Селены в свою и переплел наши пальцы, поглаживая большим пальцем нежную кожу на костяшках. — Всякий раз ты умудряешься шокировать меня, маленькая шалунья.

Я услышал, что медсестра вышла, но не стал отводить взгляд от красивой женщины на кровати. Не мог отвести взгляд. *Боже мой*, я люблю Селену, и это не подлежит сомнению.

— Боже, я люблю тебя, Селена. Я совершенно точно помню тот миг, когда влюбился в тебя. Ты открыла дверь номера в отеле и стояла на пороге такая красивая, пока я стоял и боролся с собой. Боролся с демонами, захватившими власть над моим разумом. Ты могла бы уйти, но вместо этого обняла меня и стала успокаивать. Ты шептала мне что-то и помогла мне. Пожалуйста, вернись ко мне. Я не могу жить без своего «дома», — неужели подобные откровения делают из меня слабака, или, как сказал бы Люк, подкаблучника? На самом деле мне глубоко наплевать, как я выгляжу. Я готов быть слабым для нее, готов упасть на колени и умолять, если это поможет снова увидеть ее улыбку.

Дверь открылась, и в палату вошли моя мать, Адриан и Эрик. Я встал со стула и направился к ним, когда Адриан помчался вперед. Я поймал его в свои объятия, поцеловал мать в щеку и мы вышли в коридор. Эрик кратко улыбнулся и кивнул, приветствуя меня. Я заметил, что ему сложно встречаться со мной взглядом после того, что случилось. Мы наконец-то обсудили случившееся несколько дней назад в замке и этот разговор, кажется, слегка уменьшил его чувство вины.

— Все в порядке? — спросил я, вынуждая его посмотреть на меня.

Он кивнул, затем вкратце отчитался, как все прошло, после того как он отвез мою мать и Адриана в отель вчера вечером. Я сообщил ему, что удалось обнаружить Жилю и что я улетаю в Париж завтра рано утром. Мы договорились, что он заберет Марли из аэропорта через три часа и после этого я вернулся в палату с Адрианом на руках. Когда я приблизился к кровати, он заерзал, как обычно желая увидеть Селену.

— Она по-прежнему спит, папа, — прошептал Адриан, зачарованно глядя на Селену. — Как принцесса в сказке, которую мне вчера читала бабуля, — он повернулся и посмотрел на меня своими огромными невинными глазами. — Может быть, если ты поцелуешь ее, она

проснется?

Я ухмыльнулся и, бросив взгляд на кровать, облегченно вздохнул. *Боже, спасибо.* На лице Селены не было слез.

— Ты же знаешь, что это просто сказка, милый, — мы с матерью обменялись взглядами. Кажется, теперь, когда трубки убрали, он воспринимает все гораздо проще. — Спорим, что она ждала тебя. Хочешь поговорить с ней или спеть ей песенку?

Он быстро кивнул, улыбнулся и помчался к кровати.

— Адриан, — он резко развернулся и посмотрел на меня. — Помни, тут нельзя бегать, — напомнил я спокойно, но твердо. Он кивнул и прижал указательный палец к губам, шепотом произнес «шшш», а затем на цыпочках подошел к кровати.

Мама фыркнула, затем повернулась и посмотрела на меня.

— Есть улучшения? Что сказал врач о... ее состоянии? — я слышал неуверенность в ее голосе, словно она боялась называть Селену по имени.

— Ее? Ты имеешь в виду Селену? — уточнил я, выгибая бровь. Она посмотрела на кровать, затем снова на меня, одарив взглядом, который словно говорил мне прекратить вести себя дерзко, и кивнула.

Я рассказал ей об улучшении в состоянии Селены, борясь с улыбкой, когда наблюдал, как она украдкой бросает взгляды в сторону кровати.

— Отдохни, Ремингтон. Отправляйся в отель, прими ванну или душ и переоденься, — велела она, когда я закончил рассказывать.

— Я в порядке. По крайней мере, еще пару часов продержусь, — отказался я. — Скоро приедет Марли из Парижа. Я хочу быть здесь и встретить ее.

Она закатила глаза.

— Мне жаль сообщать тебе это, но ты выглядишь неважно.

— Я здесь не для того, чтобы производить впечатление, — игриво ответил я.

Она приподняла бровь.

— Значит, ты не стараешься поразить ее? — подбородком она кивнула в сторону кровати. — Как думаешь, что бы она сказала, если бы увидела тебя сейчас?

Отличное замечание, мама.

— Ладно, — я повернулся к Адриану. Он наклонился вперед и туда-сюда водил своей любимой игрушкой «Лего» по простыне, что-то тихо рассказывая.

— Я вернусь через несколько часов, Адриан. Присмотришь за Селеной, ладно?

Он уронил игрушку на кровать, выпрямился и выпятил грудь.

— Да, папа. Бабуля принесла книжку, чтобы почитать маме.

Я вовремя обернулся, чтобы увидеть, как вытянулось лицо матери, и легкий румянец окрасил ее щеки.

— Я подумала, что ей может понравиться, — объяснила она.

Я улыбнулся, подошел к ней и обнял.

— Спасибо, мам, — я поцеловал ее в лоб и отошел.

— Пустяки, правда, — она отмахнулась от моей благодарности.

Я обхватил ее лицо ладонями, чтобы убедиться, что она смотрит мне в глаза.

— Это важно, — уверенно заявил я. Она кивнула, выражение ее лица смягчилось, пока она изучала мое лицо. Я опустил руки и схватил свою сумку, стоящую рядом с кроватью.

— Ему хорошо с ней.

Я улыбнулся.

— Ей хорошо с ним. Если кто-нибудь и сможет вернуть ее, это Адриан, — я направился к двери и бросил взгляд через плечо. Мать, задумавшись, нахмурилась, словно пыталась понять что-то. Я все еще не рассказал ей об утрате Селены. Мне хотелось, чтобы Селена понравилась ей без жалости, и уже потом она узнала больше о ней.

Ремингтон

За два часа я успел переодеться и теперь мерял шагами номер, в котором мы остановились, когда прибыли в Марсель. Чуть раньше, когда только приехал, я оставил сообщение на ресепшене, чтобы Эрику позволили подняться ко мне, когда он приедет.

Я позвонил матери, чтобы убедиться, что все в порядке, и они с Адрианом благополучно уехали из больницы и отправились на игровую площадку на свежем воздухе. Завершив звонок, я снова начал мерить шагами номер.

Раздался звонок в дверь, вырвав меня из раздумий. Я подошел к двери и открыл ее, и мой взгляд автоматически опустился на женщину, стоящую рядом с Эриком. Я бы догадался о ее родстве с Селеной, даже если бы не знал, кто она.

Марли немного ниже Селены, пожалуй, сантиметров на десять. Ее прямые волосы собраны в конский хвост, у нее смуглая кожа и широкий лоб. Единственное, что отличает ее от Селены, это нос — его кончик не вздернут, как у нее. Селена упоминала, что Марли двадцать один год.

Она с любопытством разглядывала меня. Ее глаза покраснели, как будто она плакала весь полет до Франции. У меня сдавило грудь от осознания, что это я виноват в состоянии ее сестры.

— Месье Сен-Жермен, — позвал Эрик, нарушая тишину. Он приподнял бровь, и я прочистил горло.

— Привет, Марли, — голос прозвучал хрипло, меня душило чувство вины.

Ее глаза сразу же заволокло слезами. Со всхлипом и надломленным голосом она произнесла мое имя и бросилась ко мне. Я обнял Марли и крепко прижал к себе ее сотрясающееся от рыданий тело. Мои глаза тоже защипало от слез, и я крепко зажмурился.

Черт! Сейчас не время проявлять слабость. Я нужен Марли.

— Как она? — прошептала она, уткнувшись лицом мне в грудь. Я открыл глаза и посмотрел на ее склоненную голову.

Я был не в состоянии говорить. Мне хотелось рассказать ей, что у ее сестры все в порядке, что она пришла в себя и готова увидеть ее. Мне было ненавистно разочаровывать ее.

Марли отстранилась и встретила со мной глазами, столь похожими на глаза ее сестры.

— Ремингтон, она... она?.. — она подавилась всхлипом, прикрыла рот рукой и покачала головой.

— Нет! Нет, она не. Она не... — я не мог выговорить слово, о котором она думала. *Мертва.* — Пожалуйста, проходи, и мы поговорим, прежде чем ехать в больницу.

Я положил руку ей на плечо, подталкивая внутрь, и поверх ее головы встретился с угрюмым взглядом Эрика. Он страдает от своей собственной вины. Мысленно вздохнув, я провел Марли в гостиную, пока Эрик закрывал за нами дверь. Подвел ее к дивану, схватил коробку с бумажными платочками и поставил перед ней на столик.

Затем ободряюще сжал ее плечо и спросил, не нужно ли ей чего. Когда она покачала головой, я извинился, быстро направился к холодильнику и вытащил оттуда бутылку воды.

Затем схватил бутылку скотча, плеснул немного в стакан и залпом выпил.

— Как вы справляетесь? — спросил Эрик.

Я вздохнул.

— Гораздо лучше, чем несколько дней назад, — я посмотрел туда, где сидела Марли и промокала глаза платочком.

— Она держалась, пока мы не приехали сюда. У вас есть подход к леди, — сказал Эрик, но его лицо быстро приняло виноватое выражение.

Я ухмыльнулся, несмотря на ощущение, что нахожусь в шаге от прыжка в адское пламя, и покачал головой. Я не злился на него за это. После всего, что случилось, нам обоим нужна эмоциональная разрядка.

— Да, я такой. Сердцеед.

Он прочистил горло, как всегда, перед тем как собирался что-то сказать.

— Сообщите мне, если вам что-нибудь понадобится.

У Сен-Жерменов нет собственного ангара в Марселе, поэтому мне пришлось заказать билет.

— Скорее всего, меня нужно будет подбросить в аэропорт к рейсу на Париж в шесть утра. Тебе удалось заказать билет для меня?

— Да. Я распечатал билеты для вас. Ваша мать положила их на тумбочку у кровати.

Я кивнул.

— Премного благодарен.

После того, как Эрик ушел, я зашел в гостиную, неся бутылку с водой и стакан со скотчем. Поставив все это на столик, я сел напротив Марли.

Ну, вот и все.

— Спасибо, что прилетела во Францию так быстро, — начал я, будучи не в состоянии подобрать правильные слова для разговора. — Хочу заверить тебя, что твоей сестрой занимается лучший врач в городе.

Ее нижняя губа задрожала, и она прижала тыльную сторону ладони к лицу, затем выпрямилась, упрямо выпятила вперед подбородок и кивнула.

— Просто... расскажи мне, что с ней случилось, ладно? Я справлюсь с этим.

Боже мой, Марли так похожа на свою сестру. Я вспомнил, как всего несколько недель назад Селена бросила мне вызов точно с таким же видом. От этого воспоминания сдавило грудь, но я быстро отмахнулся от него, чтобы сосредоточиться на том, что собираюсь рассказать Марли. Не хочется лгать ей, потому что ложь похожа на призраки прошлого. Им свойственно возвращаться и набрасываться в самое неподходящее время. Кроме того, мне нужно, чтобы она понимала, что происходит — что она тоже находится в опасности.

Сделав глубокий вдох, я рассказал ей о состоянии Селены. Затем рассказал про женщину, преследующую нас.

Полтора часа спустя, мы с Марли прибыли в больницу и направились в палату Селены. Перед тем как уйти из отеля, я сообщил ей, что существует вероятность того, что Селена слышит все или большую часть того, что происходит вокруг нее. И нам нужно продемонстрировать оптимистичное настроение.

А если человек ошеломлен, то ему лучше покинуть палату. Я ни в коем случае не допущу, чтобы рядом с Селеной находилось что-то негативное. Она и так заперта в месте, где Бог его знает, что происходит, или через что ей приходится пройти. Этого достаточно.

Марли кивнула, давая понять, что готова войти в палату. Увидев сестру, она замерла на

середине шага, прижала руку ко рту и широко распахнула глаза.

— О, мой Бог! — ее плечи затряслись и из-под руки, прижатой ко рту, вырвались сдавленные всхлипы.

Иисусе, просто глядя на все это я испытываю боль, обжигающую, уничтожающую меня все сильнее. Я шагнул к Марли и молча привлек ее к своей груди.

— Это моя вина, — призналась она, ее голос прозвучал глухо, так как лицом она уткнулась мне в грудь.

— Что?

— Это я уговаривала ее поехать в Париж. Но, Господи, она была такая счастливая...

— Шшш. Это вовсе не твоя вина. Уверен, если бы Селена могла, она бы сказала тебе то же самое.

Она вытащила платок из своей сумочки и отстранилась, улыбаясь мне дрожащими губами.

— Черт. Она наверняка отругала бы меня за то, что я плачу.

— Не сомневаюсь, что твоя сестра так бы и сделала, — согласился я, вспомнив мою уверенную и бойкую Селену.

Мне ее так не хватает.

В кармане дважды пропищал мобильный телефон, сообщая о входящем вызове.

— Ты справишься с этим сама? — спросил я, доставая телефон.

Она кивнула и, указав на мобильный, сказала:

— Ответь на звонок.

Я слабо улыбнулся ей и принял вызов, не глядя на экран.

— Сен-Жермен.

— Это доктор Хейс, врач Калеба Ньюпорта, — представился спокойный голос с легким акцентом.

Я поднял вверх палец, прося Марли дать мне минуту.

— Он в порядке?

— Именно поэтому я и звоню. Как скоро вы сможете прилететь в Лондон? Его нужно срочно оперировать.

— Насколько срочно?

— Завтра, если это возможно. Сегодня у него начались судороги. Тело быстро отказывает, и я боюсь того, что может произойти, если мы не прооперируем его в ближайшее время. Если бы вы могли приехать сегодня вечером, было бы просто замечательно. Нам нужно провести несколько обязательных тестов перед операцией.

Я провел рукой вниз по лицу, крепко зажмурившись.

Его тело быстро отказывает.

Эти слова эхом звучали в голове, ускорив мое сердцебиение.

— Я вылечу ближайшим рейсом, чтобы быть у вас как можно быстрее.

Закончив разговор, я повернулся к Марли.

— Все в порядке? — спросила она, слегка нахмурившись.

Я покачал головой.

— Боюсь, мне нужно как можно скорее лететь в Лондон. Моему брату нужно сделать пересадку почки, и я его донор.

Она распахнула глаза.

— О, Господи, мне так жаль, — она шагнула ко мне с распростертыми объятьями, но

приостановилась на секунду, выглядя слегка неуверенной. Но затем обвила меня руками, крепко обнимая. Она такая искренняя и теплая девушка, и мне стало понятно, почему Селена любит ее так нежно.

Я отстранился и подтолкнул ее к кровати.

— Иди к ней. Я буду ждать в коридоре, — она кивнула и пошла к кровати.

Выйдя в коридор, я позвонил Жилю, чтобы сообщить ему новости и сказать, что прилечу в Париж после операции. Затем позвонил Люку, а после него набрал Дома. Они звонили ранее и спрашивались о состоянии Селены. Оба хотели прилететь сюда, но хоть я и очень сильно нуждался в них обоих, Люк принимал участие в Гран-При, которое стартует в России через несколько дней, и ему нужно сосредоточиться на гонке, а Дом взял отгулы и руководил работами, которые следовало провести в замке. Закончив все разговоры, я начал мерить шагами коридор, ожидая Марли. Мне хотелось провести с Селеной как можно больше времени, прежде чем улечу в Лондон. Боже, я буду жутко скучать по ней. Что, если она придет в себя, пока меня не будет рядом, и будет нуждаться во мне?

Я провел рукой по волосам и закрыл глаза.

Решай вопросы по одному, Ремингтон.

Но, даже мысленно повторяя эти слова, мне не удалось успокоиться.

Селена

Снова этот голос. Зовет меня, такой милый и добрый.

Марли.

Моя милая младшая сестричка. Я скучаю по тебе, сестренка.

В памяти проскользнуло милое личико и пара огромных зеленых глаз. Эта улыбка... Такое чувство, что я знаю его, но не могу точно вспомнить, кто он такой. Он улыбается мне и называет меня «мамой». И мне так сильно хочется быть ему мамой, что это причиняет боль.

Я повернулась, чтобы посмотреть на свою малышку. Больше не могу жить в этом крошечном мирке, который я создала для нас с Инес, потому что где-то там меня ждут люди. Люди, которые меня любят. Кроме того, это неразумно. В кои-то веки у меня есть люди, которым я нужна.

— Моя милая малышка Инес. Ты ведь знаешь, что я всегда буду любить тебя. Всегда буду жалеть, что тебя нет рядом со мной, и я не увижу, как ты вырастешь, — я закрыла глаза и сделала глубокий вдох. — Мне так тяжело говорить это, но... мне пора идти. Этот маленький мальчик, кем бы он ни был, нуждается во мне. Поэтому, малышка, я должна идти. Я тебя никогда не забуду. Я люблю тебя. Я так сильно люблю тебя.

— Проклятье, она снова плачет, — огорченно сообщил тот же низкий голос, который уговаривал меня открыть глаза.

Кто-то вздохнул.

— Месье Сен-Жермен, мы говорили...

— Да, я помню, помню, — прервал его первый мужчина — месье Сен-Жермен — и затем расстроено вздохнул. Сильные пальцы переплелись с моими, на тыльной стороне ладони я почувствовала теплое дыхание, а затем кожи коснулись мягкие губы. Захватывающие ощущения. Успокаивающие. Затем он прошептал: — Я так чертовски сильно скучаю по тебе. Я люблю тебя.

Я люблю тебя. Слова были сказаны с таким благоговением, что в груди все запело от радости.

Я открыла глаза и часто заморгала, пытаясь адаптировать зрение к светлой комнате.

— Селена? — Сен-Жермен прошептал мое имя, и в его голосе смешались неверие и облегчение. Я опустила взгляд на его лицо, и мое сердце забилося в три раза быстрее. Темные волосы, подбородок, покрытый щетиной, зеленые глаза, похожие на глаза

маленького мальчика в моем сне.

Черт!

Свет ламп жжет глаза. Я прищурилась и быстро закрыла глаза.

Что происходит? Где я?

Еще одно лицо появилось в поле моего зрения. Мужчина, с темными с проседью волосами и карими глазами. Если бы я могла угадать его возраст, то сказала бы, что ему от сорока пяти до пятидесяти пяти лет.

У него оказалась добрая, дружелюбная улыбка.

— Мадам Майклз? Меня зовут доктор Бланшетт, — она замолчал, выпрямился и моргнул. — Как вы себя чувствуете?

Я чувствовала, как мои руки задвигались, зацепили что-то, но на самом деле я не могла пошевелиться. Совсем. Все части моего тела казались тяжелыми.

— Доктор? — позвала я и посмотрела по сторонам, в надежде увидеть знакомые лица, но увидела Сен-Жермена, на его лице блуждала уверенная улыбка. Чем дольше я его изучала, тем шире она становилась.

— Селена?

— Вы кто? — прошептала я.

Улыбка исчезла и он нахмурился. Бросил взгляд на доктора. Почему он выглядит таким удивленным?

Голову прострелила боль и я, поморщившись, закрыла глаза.

— Что с ней происходит? — спросил Сен-Жермен. Его голос оказывает на меня успокаивающее действие, хотя я и не могу объяснить почему. Я открыла глаза, пытаюсь выяснить, кто он такой. *Я его знаю?*

— Я хотел бы осмотреть мадам Майклз. Вы нас не извините, месье Сен-Жермен? — сказал человек, который представился доктором.

Мужчина — Сен-Жермен — посмотрел на меня растерянным, даже обиженным взглядом, но затем успокоился, и его лицо приняло бесстрастное выражение. Он повернулся и, не оглядываясь, вышел. Доктор повернулся и посмотрел на меня.

— Как вы себя чувствуете, мадам?

Как я себя чувствую?

— Где я? Что вы здесь делаете?

Он опустил руку в карман своего белого халата и вытащил что-то, напоминающее ручку.

— Позвольте мне осмотреть вас. Потом я объясню, что случилось, хорошо?

Дыхание со свистом вырвалось из моей груди, когда меня охватила паника.

— Нет! — ноги двинулись сами по себе, и внезапно мое тело соскользнуло с кровати, и прежде чем доктор успел подхватить меня, я приземлилась на колени на ледяной пол. Распахнулась дверь и в проеме появился Сен-Жермен с выражением полнейшего ужаса на лице. Он посмотрел вниз на меня и буквально за секунду ужас сменился яростью.

— Какого черта! — он быстрым шагом подошел туда, где лежала я, оттолкнул руки доктора и наклонился так, что наши глаза оказались на одном уровне. Я захныкала и попыталась отползти назад, но с моим телом было что-то не так. Я не могла пошевелиться.

— Эй, эй, Селена, — позвал Сен-Жермен, с его лица сошло это пугающее выражение, сменившись нежностью.

Можно даже сказать, что это напоминало заботу. Но откуда мне знать? Если уж на то пошло, то понятия не имею, что я тут делаю.

— Я не собираюсь причинять тебе боль. Я обещаю, хорошо?

Я уставилась на него, по моим щекам текли слезы, а затем я опустила взгляд на колени, краем глаза заметив кое-что. Катетер? Что за черт? Мне ставили такой, когда я попала в больницу два года назад после... моя малышка, Инес. Что-то случилось?

Я прижала ладонь к животу, но не почувствовала никаких явных признаков выступающего живота. Боже, почему я ничего не помню? Может быть, эти двое мужчин могут объяснить мне что-нибудь. Схватив тонкое покрывало с кровати, я подняла глаза вверх и встретила с умоляющим взглядом Сен-Жермена, который протягивал ко мне обе руки ладонями вверх.

— Я не уверена. Что происходит? Почему я на этой койке?

— Меня зовут Ремингтон. Я хотел бы помочь тебе. Позволь мне сделать это, ладно? — попросил он спокойным голосом. Я кивнула.

Он аккуратно подхватил меня на руки и уложил на кровать. Поднес руку к моему лицу, и я застыла, ожидая. Наблюдая. Прошло несколько секунд, прежде чем Ремингтон отбросил несколько прядей волос с моего лба и заправил их мне за ухо. После чего выпрямился и через секунду, когда он повернулся к доктору, вся его мягкость сменилась суровостью.

— Что произошло? — поинтересовался Ремингтон, нет, прорычал, отрывисто произнося слова.

— Для пациента, который находился в коме, совершенно естественно пребывать в замешательстве и паниковать.

— Я имею в виду, почему она была на полу? — спросил мой рыцарь в сияющих доспехах, и вена на его виске опасно задергалась.

Забыв о собственном замешательстве, я зачарованно уставилась на него. Доктор напоминал мне оленя в свете фар приближающегося грузовика.

— Я собирался осмотреть ее, чтобы убедиться, что все в порядке. Полагаю, она напугана. Я бы хотел продолжить, если вы не возражаете выйти...

— Возражаю, — отрезал Ремингтон, свирепо глядя на доктора. Он уверенно стоял, скрестив руки на впечатляющей груди, и упрямо качнул подбородком в мою сторону. — Вы можете продолжать осмотр. Я все равно не уйду.

Доктор вдохнул, повернулся ко мне, держа в руке прибор, напоминающий ручку.

— Я просто хочу осмотреть вас, можно? Хочу убедиться, что с вами все в порядке.

Я бросила взгляд на своего рыцаря. Он ободряюще мне кивнул. Я крепко вцепилась в накрахмаленные простыни, чтобы не запаниковать и повернулась к доктору.

Двадцать минут спустя я уже лежала на кровати и теребила в руках край простыни, наблюдая, как доктор царапает что-то в моей карточке. И внезапно расплакалась.

— Да твою мать! А сейчас что происходит? — услышала я вопрос Ремингтона.

Доктор ответил что-то, но мне было не до этого. Я понятия не имела, почему плачу. Когда я, в конце концов, успокоилась, Ремингтон рассказал мне, что случилось, а доктор дополнял его рассказ, когда ему было что добавить. В голове у меня все перемешалось. Я помню только какие-то обрывки; какие-то эпизоды помню отчетливо, но некоторые словно в тумане, как ни стараюсь все вспомнить.

Пока я слушала и изучала мужчину, который сидел рядом и наблюдал за мной, словно ястреб, я положила голову на подушку и закрыла глаза всего на несколько секунд. Я знаю, что могу доверять этому мужчине, хотя и не могу объяснить, почему у меня такое ощущение. Помню, как кто-то целовал меня в лоб и прошептал:

— Спокойной ночи, *ma belle*.

— Спокойной ночи, Ремингтон, — пробормотала я и изнеможение победило.

Я открыла глаза, поморщившись, когда яркий свет резанул по ним, и быстро их закрыла. В комнате было тихо.

Где я?

Сделав глубокий вдох, я осторожно приоткрыла глаза и несколько раз моргнула, чтобы зрение стало четким. Белые стены, полوك выложен плиткой...

Я повернула голову и снова поморщилась. Шея одеревенела, как будто я не двигала ею очень долгое время. Я продолжила осматривать комнату, и мой взгляд остановился на голове с осветленными кончиками волос, которая в данную минуту лежала рядом с моим бедром.

Марли? Что она здесь делает? И почему я лежу на этой кровати, в этой комнате?

Я попыталась поднять руку, но у меня ничего не вышло, словно она была придавлена к кровати тяжестью собственного веса. Посмотрев в сторону, я увидела, что моя рука сжата в ладони Марли.

— Марли.

Что не так с моим голосом? Почему я не слышу себя?

Я пошевелила пальцами, но они казались такими тяжелыми, будто я не пользовалась ими много лет. Я моргнула, и внезапно в памяти вспыхнул отчетливый образ.

Я поерзала на стуле и потерла живот, чтобы облегчить внезапно появившуюся боль. Я съела слишком много? Нельзя не признать, что еда великолепна. Ремингтон нанял повара, специализирующегося на кухне Прованса, чтобы он приготовил ужин сегодня вечером. Наверное, мне нужно выгулять все то, что я съела.

Я встала и направилась к двери в патио, чтобы сделать глоток свежего воздуха, и с облегчением выдохнула, когда желудок успокоился. Мои мысли, как обычно впрочем, вернулись к отцу и сыну. Сегодня у нас был чудесный день, именно такой, какой нам был необходим после пожара, в результате которого сгорела большая часть виноградников. Мне очень хотелось провести вечер с Ремингтоном. Может быть, я скажу ему, что подумываю продлить свое пребывание во Франции.

Последние несколько дней я обдумывала варианты, от которых у меня кружилась голова. Я представляла, какой могла бы быть моя жизнь с Ремингтоном и Адрианом. Боже мой, я так сильно хочу этого. Но также я прекрасно понимаю, что с моей стороны эгоистично позволять Адриану называть меня мамой, зная, что через два с лишним месяца я планирую уехать. Мне нужно извиниться перед Ремингтоном, сказать ему, что он был прав, когда разозлился на меня. Сказать ему, что я остаюсь.

Господи, я готова лопнуть от нетерпения! Мне нужно поговорить с ним и Адрианом, прежде чем малыши заснут.

Я отправилась обратно в столовую и заново наполнила бокал, на этот раз водой, и поднесла его к губам. Сердце глухо билось в груди, и мне пришлось быстро сесть, иначе я бы, наверное, подпрыгнула и помчалась наверх и ждала Ремингтона в коридоре. Вместо этого, я рассмеялась и вся моя нервозность растаяла.

— Я остаюсь, — прошептала я слова, пробуя, каково это произносить их. По вкусу эти слова напоминали свободу от моего прошлого и надежду на будущее.

Я сделала глоток воды, но внезапно снова почувствовала себя нехорошо. Я прижала руку к животу и вскочила, оттолкнув стул. Черт! Мне срочно нужно в ванную комнату, прежде чем меня вырвет прямо на пол.

Раздался стук шагов по каменному полу. Я удивленно обернулась и хотела улыбнуться, надеясь, что это Ремингтон прокрался вниз, желая удивить меня. Но прежде, чем я успела сделать это, тошнота овладела мной. Я согнулась и меня вырвало.

— Давай, давай, сучка. Думала, я останусь в стороне и позволю тебе украсть у меня Ремингтона? Я наблюдала за тобой долгое время, терпела и ждала своего часа.

Я застонала и подняла голову, чтобы посмотреть на этого человека, но успела только увидеть, как передо мной мелькнуло лицо, а затем острая боль обожгла затылок. Я упала, ударившись лбом об пол. Попыталась подняться, но не получилось. Голова и желудок болели, я почувствовала жжение в горле и меня снова вырвало. Я закрыла глаза, чтобы прояснить зрение, а когда снова открыла их, то ничего не увидела. Темнота, окружавшая меня, была такой черной, такой пугающей. Мне казалось, что я открыла рот и зову Ремингтона, но не произнесла ни звука.

Стук высоких каблук, удаляясь, становился все тише и тише. Последние слова, которые я услышала:

— Прости, ничего личного, — а затем мир вокруг меня погрузился во мрак.

Дыхание рывками вырывалось из меня, когда я вспомнила этот эпизод. О, мой Бог, преследователь пытался убить меня.

Я не могу дышать.

Господи, я не могу дышать.

— Держите ее! — прокричал кто-то. Громкое пиканье заполнило комнату, по полу шуршали шаги.

— Ремингтон! — позвала я. — Мне нужно поговорить с ним. Предупредить его. О, Боже, пожалуйста. Эта женщина... — я боролась с полчищем рук, пытающихся удержать меня на месте.

— Сто шестьдесят на девяносто и продолжает расти, — раздался другой голос. — Нам нужно успокоить ее.

— Уровень кислорода слишком быстро падает!

— Селена! — знакомый голос. Марли. Я хочу видеть свою сестру, но не могу добраться до нее.

— Марли! Я хочу свою сестру. Пожалуйста, не отсылайте ее, — я билась на кровати, пытаясь добраться до нее. — Не забирайте у меня и ее тоже.

— Выведите ее отсюда! — прокричал кто-то.

— Дерьмо! Лучше не становится. Приведите обратно, — другой голос.

Неожиданно, мою руку сжала чья-то рука. Я обернулась, увидела рядом с собой Марли и крепче сжала ее руку.

— Не уходи, пожалуйста, не оставляй меня, — отчаянно попросила я. — Я не могу

потерять еще и тебя.

— Я рядом, сестренка. Я не оставлю тебя. Никогда, — пообещала она и по ее щекам струились слезы.

— Давление продолжает расти.

Затем я почувствовала, как что-то укололо меня в руку и несколько секунд спустя все вокруг расплылось.

Нет, я не хочу больше спать. Мне нужно поговорить с Ремингтоном.

Пожалуйста, нет.

Все погрузилось во мрак.

Ремингтон

Перелет в Лондон показался мне чересчур долгим. И все это время мои мысли были только о Селене. Она не смогла вспомнить меня. После того как мы вышли из палаты, чтобы обсудить последние детали по ее транспортировке в Париж, доктор сообщил мне, что у нее кратковременная потеря памяти, вызванная ударом по голове. И нет никакой возможности узнать, как долго это продлится.

В груди зародилась острая боль и распространилась по всему телу. Уехав из больницы, я позвонил матери и рассказал о состоянии Селены, а также попросил не привозить больше в больницу Адриана. Не хочу, чтобы его сердечко разбилось, особенно, если Селена не вспомнит, кто он такой.

Самолет приземлился в «Хитроу» ровно в 10:32 утра. Сорок пять минут спустя я уже был в больнице и стоял перед дверью в палату Калеба, пытаюсь перевести дыхание. Через дверь до меня доносились голоса.

Дерьмо.

Там мой отец. Перед операцией я планировал провести несколько минут наедине с Калебом. В голове и так путаница из-за всего происходящего с нашим преследователем и Селеной, которая пришла в себя, но была слишком взволнована и потеряла память, и я не позволю отцу причинить мне еще больше боли. Я развернулся и отправился на поиски доктора Хейса.

— Ремингтон? — услышал я знакомый голос.

Я оглянулся и увидел Адель. Она широко улыбалась, пока быстрым шагом шла ко мне.

— Рада тебя видеть, старший брат, — она обняла меня и затем отстранилась. Иисусе, до чего же невероятно, когда тебя просто вот так обнимают. Это успокаивает. — Как твои дела?

Я прищурился и посмотрел на нее, изучая ее лицо. Вокруг ее глаз залегли темные круги.

— Лучше чем твои, полагаю. Что случилось?

Она покачала головой.

— Калеб. Он выглядит неважно.

— Почему никто не позвонил мне раньше? Ты же знаешь, я бы...

— Шшш... Ремингтон. Нет, — сказала она, прерывая меня. — Селена нуждалась в тебе, в тебе и Адриане. За последние несколько недель тебе столько всего пришлось пережить. Калеб... мы можем подождать.

— Адель, — она поморщилась от тона моего голоса.

Черт!

Мой голос прозвучал строже, чем мне бы хотелось.

— Адель, — повторил я более мягко. — Пожалуйста, не делай этого. Уж кто-кто, а ты меня знаешь. Калеб мне кровная родня. Я должен знать, что происходит. Я в состоянии справиться с любой проблемой, понимаешь? — она кивнула. — И я хочу, чтобы ты позаботилась о себе, хорошо?

Она кивнула и быстро вытерла щеки ладонью.

— Ты собирался проведать Калеба?

Я отрицательно покачал головой.

— Доктора. Мне нужно получить кое-какую информацию перед операцией.

Она прищурилась, напомнив мне самого себя.

— В палате Калеба сейчас отец?

Я кивнул и поморщился. То, что Адель увидела в моем лице, заставило ее покачать головой, и она постаралась подавить улыбку.

— Ладно. Расскажешь мне как дела потом. Мама тоже в палате Калеба, так что там сейчас жарко, как в аду.

Я ухмыльнулся и протянул ей руку.

— Пойдем, пройдемся со мной.

Она выпрямилась, и почти сразу же я увидел ту Адель, которую знал четыре года. Собранную и уверенную. Мы направились в кабинет доктора, и по пути я рассказал ей о том, как обстоят дела во Франции.

Ремингтон

И вот настал день, когда я отдам часть себя брату. Я бросил взгляд на кровать, разглядывая Калеба. Его кожа кажется такой бледной. Желтоватой. Он выглядит хуже, чем вчера днем, когда я приехал.

— Не возлагай больших надежд на эту операцию, брат, — сказал он мне хриплым голосом, который прозвучал довольно весело. Я встретился с его взглядом и увидел, что на его губах играет шаловливая улыбка.

— О, заткнись. Тебе тоже не стоит выглядеть таким счастливым, — он закатил глаза. — Заботься хорошенько о моей почке.

Он рассмеялся слабым скрипучим голосом.

— Покрою ее золотом, чтобы сберечь.

— Умник, — ухмыльнулся я. — Готов к операции?

Он кивнул, подзывая меня рукой.

— Иди сюда, — я подтащил свой стул ближе к его кровати и сжал его ладонь в своей. — Спасибо... тебе.

— Тебе не нужно благодарить меня. Ты — моя семья. Пож...

— Да. Я... семья. Просто заткнись и позволь мне сказать, — он закрыл глаза, его дыхание было тяжелым, и я прикусил язык, ожидая. — Мне жаль, что я не ответил на все те письма, которые ты присылал. Отец позаботился, чтобы я не получил ни одно из них. Я узнал все только после того, как рассказал все Адель, и она решила найти тебя. Сестренка была настроена очень решительно, — он рассмеялся, но сразу же закашлялся.

— Давай наверстаем упущенное позже. А сейчас сосредоточимся на операции.

Он покачал головой, кашляя и волнуясь все сильнее. Прибор, следящий за его жизненными показателями, запищал быстрее. Дверь распахнулась, и в палату вбежали две медсестры.

— Сэр, пожалуйста, покиньте палату, — настойчиво потребовала одна из них, в то время как другая поспешила к кровати.

Я вскочил и отошел, чтобы не мешать им.

— Сэр, вы должны уйти сейчас же.

Я разочарованно заворчал себе под нос и повернулся, чтобы уйти.

Дерьмо. Этого не может быть. Я не могу потерять его. Не сейчас, когда он так близок к выздоровлению.

Я прикрыл за собой дверь и прислонился к ней спиной.

Твою мать!

Не в состоянии стоять спокойно я начал мерить шагами коридор. Похоже, что мерить шагами коридор больницы становится для меня обыденным делом. Я прислонился к стене и, чтобы отвлечься, вспомнил свой разговор с Адрианом, который состоялся у нас полчаса тому назад. Он взволнованно рассказал мне, что Эрик отвел его покататься на площадку картинга, что, видимо, отвлекло его от мыслей о Селене, и от еще более страшных мыслей, что мне будут делать операцию, но я знал, что рано или поздно он спросит о ней.

Мне нужно поговорить с кем-нибудь, иначе я сойду с ума. Но не успел я никому

позвонить, как в кармане знакомо загудел телефон.

— Сен-Жермен.

Когда Жиль заговорил, я посмотрел в окно и увидел отца и сына в парке, запускающих воздушного змея. Такие обыденные вещи. Нормальные.

За последние пару недель столько всего произошло, что я уже и не помню, что значит нормальная жизнь.

— Мистер Сен-Жермен? — позвал голос из-за спины.

Я оглянулся через плечо на медсестру. Она была в палате, когда у Калеба начался приступ. Я сильнее сжал мобильник в руке.

— Мне нужно идти. Я перезвоню тебе, как только смогу.

— Удачи, Сен-Жермен.

— Жиль, — быстро позвал я, прежде чем он отключился. — Моя семья... Я доверяю тебе позаботиться об их безопасности.

Он помолчал несколько секунд, а затем сказал:

— Ты же знаешь, что я буду защищать их ценой своей жизни, *да?*

Я поднял глаза к потолку, усиленно моргая.

Черт возьми!

С возрастом я становлюсь сентиментальным. Я закончил звонок, не ответив Жиллю, и повернулся к медсестре, стоящей передо мной.

— Пора, — сообщила она, и выражение ее лица смягчилось, пока она внимательно рассматривала меня. Что бы она ни увидела там, она смягчилась. Или это была жалость?

Я коротко кивнул ей, стараясь придать лицу нейтральное выражение. Непроницаемое. Взрослея, я в совершенстве овладел этим искусством. Всегда держать всех на расстоянии вытянутой руки. Я махнул рукой, призывая ее показывать мне дорогу.

Она улыбнулась, в ее голубых глазах заблестело что-то, напоминающее веселье, и она двинулась по коридору в сторону палаты Калеба, бросая на меня взгляды каждые несколько секунд.

Чему она, черт ее возьми, радуется?

Когда мы подошли к палате Калеба, она остановилась перед дверью и посмотрела на меня.

— Совершенно нормально испытывать волнение, понимаете?

Я в раздражении уставился на нее.

— Вы собираетесь отдать свой орган кому-то другому. Какие бы чувства вы не испытывали, это нормально. В вас достаточно смелости, чтобы сделать это для него.

— Он мой брат, — сказал я, позволив этим словам говорить самим за себя. Я посмотрел на табличку с именем, приколотую к ее форме. — Медсестра Патрикс.

Она поджала губы и вручила мне больничную рубашку.

Как только я закончил переодеваться, зазвонил телефон. Схватив его со стола, я бросил взгляд на экран, прежде чем принять звонок.

Мама?

— *Здравствуй*, Ремингтон, — поздоровалась моя мать, как только я поднес телефон к уху.

— *Здравствуй*, мама, — поприветствовал ее я. Я поднял глаза, когда в палату вошли четыре медсестры. — Я как раз собирался в операционную. Все в порядке?

— Она спрашивала про тебя и Адриана, — сообщила мама. Я услышал, как она

шмыгнула носом.

Мое сердце забилося чаще.

— С ней все в порядке? — я закрыл глаза, готовясь услышать любые новости, которые она хочет мне сообщить. Еще кое-что, что я не в состоянии контролировать.

— Ее память возвращается по частям. Большинство того, о чем она говорит, не имеет смысла, но она была взволнована и искала тебя. Она волнуется о тебе и твердит, что эта женщина собирается причинить вред и тебе тоже. Знаешь, я никогда не видела Адриана более счастливым. Он... он любит ее, — в ее голосе слышалось удивление.

Я выдохнул и открыл глаза.

— *Господи, спасибо!* — пробормотал я себе под нос. — Да, любит. А она любит его, — одна из медсестер указала на часы, висящие на стене. — Мне пора идти. Я позвоню тебе позже, ладно? Передай ей, что я скоро приеду, и Адриану тоже.

— Передам. Будь осторожен, сынок.

Закончив разговор, я повернулся к команде медиков и улыбнулся, когда почувствовал, как меня затопило облегчение и надежда. Впервые с тех пор, как все вышло из-под контроля, я ощутил прилив оптимизма. Я могу сделать это. Справлюсь со всем и верну свою жизнь на круги своя.

Я отбросил прочь маячащие на горизонте волнения по поводу того, что понятия не имею, что из себя представляет женщина, которую я люблю, и угрозы, что другая женщина, очевидно, хочет видеть Селену мертвой, и полностью сосредоточил свое внимание на том, чтобы моему брату стало лучше.

— Давайте сделаем это.

Селена

Прошла уже неделя с тех пор, как я пришла в себя, и моя память постепенно восстанавливается. Но в эмоциональном плане я в полном смятении. Мое настроение меняется без видимых причин. Доктор объясняет эти перемены последствиями черепно-мозговой травмы. Два дня назад я накричала на Марли за то, что она уговаривала меня съесть ланч. А уже через минуту я рыдала в три ручья. Слава Богу, что она с пониманием относится ко мне.

Вчера я была не в духе, когда Эстелла рассказала мне, что, пока я спала, звонил Ремингтон. Я поинтересовалась у нее, почему она не разбудила меня. Она объяснила, что мне нужен отдых, а ее сын обязательно позвонит еще раз. Затем недовольство прошло, и я спросила ее в лоб, почему не нравлюсь ей. Она пыталась успокоить меня, но я была безутешна. Позже, она объяснила мне, почему не питает ко мне теплых чувств. Эстелла была в ужасе, что ее сын снова вернулся в то состояние, в котором пребывал после смерти Колетт. Она волновалась, что, когда я окончательно покину Францию, ее сын и внук останутся в полнейшем замешательстве. Я заверила ее, что люблю обоих — и отца, и сына. После того, как я рассказала ей о своей малышке Инес, Эстелла раскрыла мне свои объятья и я плакала, пока она обнимала меня. В дальнейшем ее отношение ко мне смягчилось, но она по-прежнему смотрела на меня с опаской, когда сосредотачивала свое внимание на мне.

Я засыпаю в страхе, и каждый день просыпаюсь от собственных криков, так как ночные кошмары преследуют меня до самого пробуждения. Единственным утешением служат те моменты, когда я вижу, как в палату входит Адриан за руку с Эриком или со своей бабушкой, а также ежедневные беседы с Ремингтоном по телефону. И Марли. Она — гарант моей стабильности и мой краеугольный камень, пока я продолжаю восстанавливаться.

Доктор Бланшетт каждый день навещает меня, чтобы проверить мое состояние. Он рассказал мне о желании Ремингтона перевезти меня в Париж. Иногда я не могу вспомнить кое-какие детали, что очень меня огорчает. Временами мне кажется, что я тону — признак начала панической атаки. В большинстве случаев, когда я не могу успокоиться достаточно быстро, меня успокаивают с помощью укола.

Но сегодня один из тех дней, когда я ощущаю воодушевление, ведь напротив меня сидит Адриан и, сосредоточенно хмуря бровки, рисует мой портрет в одном из моих альбомов с зарисовками моделей нижнего белья. После того как Эстелла привезла Адриана ко мне, она уехала пообщаться с компанией, с которой Ремингтон подписал контракт о работах в замке. Марли растянулась на диване, стоящем у стены, и читает детективный роман одного из своих любимых авторов.

— Так кем ты хочешь стать, когда вырастешь? — спросила я Адриана.

Он замер. Затем поднял голову и сморщил носик.

— Пилотом. Нет. Хочу заниматься музыкой, — его глаза распахнулись, как будто он внезапно вспомнил что-то. — Хочу быть как папа, — он вернулся к рисованию и пробормотал, — еще хочу быть пожарником, — он широко улыбнулся, и на его левой щеке появилась ямочка.

Я сжала губы, стараясь не улыбаться. Он выглядит счастливым и таким миленьким.

— Ты можешь стать кем захочешь, тигренок.

Спустя несколько минут, в течение которых я слушала его огорченное бормотание, когда рисунок получился не совсем таким, как ему хотелось, он заявил:

— Я закончил, — и повернул альбом, чтобы я могла посмотреть.

— Вау, действительно хорошо получилось, Адриан, — он улыбнулся мне. Рисунок получился действительно неплохим для пятилетнего ребенка. Помимо волос и ушей, которые получились совершенно непропорциональными, он проделал очень хорошую работу. — Могу я оставить его себе?

Он кивнул и спрыгнул с кровати.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

— Хочу в туалет, — Адриан побежал в сторону ванной комнаты.

— Как ты себя чувствуешь, сестричка? — поинтересовалась Марли, запуская пальцы мне в волосы.

Я улыбнулась.

— Лучше.

Она внимательно изучала меня несколько секунд и в ее глазах блестели слезы.

— Пообещай мне кое-что. Больше никогда так не пугай меня, ладно?

— Я королева драмы, детка. Я должна играть свою роль, — улыбнулась я ей в ответ, так широко, как позволяли лицевые мышцы. Улыбка вызвала у меня странные ощущения. Марли часто заморгала и провела пальцами под глазами. *Черт, почему я всегда пытаюсь шутить в сложных ситуациях?* — Прости.

Я почувствовала, как что-то коснулось моих рук. Нежные руки Марли держали мои ладони в своих.

— Ты разговаривала с мамой и папой?

Она кивнула.

— Они прилетят в Париж через несколько дней, как только мама получит разрешение врача. Прежде чем позволить ей ехать, он хочет проверить уровень сахара в крови и убедиться, что лекарства, которые он прописал ей, не приносят вреда.

— Мне так жаль, что вам приходится проходить через все это. Они не заслужили очередные проблемы от меня, особенно после того, как выхаживали меня последние два года.

Она рассмеялась.

— Как будто родители могли иначе, — она хитро улыбнулась. — Ты кое-что утаивала от меня. Ремингтон сексуальный.

Я с улыбкой посмотрела на нее.

— Да, он такой, правда? И он так хорошо относится ко мне.

Она сжала мою ладонь.

— Самое время найти кого-то, кто будет обожать тебя такой, какая ты есть. Ты заслуживаешь этого.

Я покачала головой.

— Думаю, я вбила это себе в голову. Боже, я вела себя так эгоистично.

— Что ты имеешь в виду?

Я сделала глубокий вдох.

— Адриан спросил меня, можно ли ему называть меня мамой.

Ее глаза округлились, когда она поняла, что я сказала.

— Ох. Ох, пожалуйста, скажи мне, что ты не сказала ему то, что я думаю, ты могла сказать.

Я закусила губу и кивнула, чувствуя, как глаза защипало от слез.

— Сказала. Ощущения были такие приятные. Я просто... как я могла позволить ему называть меня так, зная, что через несколько месяцев уеду?

— Эй, послушай меня, — сразу же начала она, и на ее лице появилось озабоченное выражение. — Я бы не стала использовать слово «эгоистичная», чтобы описать тебя. Ни за что. Должно быть, ты ответила ему импульсивно, но ты совершенно бескорытна. Ты слишком сильно любишь, и это оказывает влияние на твои суждения. Я не говорю, что это плохо. Ты такая, какая ты есть, и я бы ни за что не стала менять тебя. Ты видела, как этот мальчик смотрит на тебя? Знаешь ли ты как выглядишь сама, когда видишь его?

Я замолчала, глядя на нее.

— Как?

— Словно он для тебя целый мир. От одного лишь упоминания имени Ремингтона твое лицо начинается светиться.

Я улыбнулась, устраиваясь поудобнее на подушках. Прищурившись, она изучала мое лицо, а затем сказала:

— Ты не собираешься возвращаться домой, да?

Как, черт возьми, она догадалась?

— Что?

— Ты приняла решение в ту минуту, когда встретила Ремингтона и Адриана. Просто не поняла сразу.

Я закатила глаза.

— Вижу, твой психиатр хорошо поработал.

Из ванной вернулся Адриан, шаркая ногами по полу.

— Мне скучно. Тетя Марли, мы уже можем пойти, пожалуйста?

Марли быстро отложила в сторону книгу и соскочила с дивана. Я усмехнулась, наблюдая, как она спешно нацепила свою обувь, пока Адриан носился по палате, изображая самолет. Он успешно въет из нее веревки. Она схватила сумочку со стола и устремилась к двери, но Адриан внезапно помчался ко мне, взобрался на кровать и обхватил меня своими ручонками за шею.

— Я так рад, что ты жива, мама.

Я сморгнула слезы.

— Я тоже, дорогой, — от того, как он произнес «мама», на сердце у меня потеплело. Марли права. Я не оставлю этого мальчика. Ни за что. Но мне нужно поговорить с Ремингтоном, чтобы выяснить, как он относится к этому.

Марли бросила на меня взгляд, и мне не удалось понять, что он означает. Она быстро вытерла слезы с глаз и улыбнулась.

— Я так счастлива за тебя, сестричка.

Марли, моя поддержка. Я так люблю эту девушку.

Раздался стук в дверь и через несколько секунд в палату вошел физиотерапевт. Он быстро осмотрел палату, а затем улыбнулся мне. Марли фыркнула и встала, собираясь уходить. Очевидно, при первой встрече Ремингтон произвел на него впечатление. Марли — мой главный источник информации — рассказала, что Ремингтон продемонстрировал один из своих знаменитых взглядов — строгое выражение лица, дополненное взглядом, следящим

за каждым движением его рук.

Адриан оставил на моей щеке влажный поцелуй, а Марли помахала рукой, после чего они ушли и начался сеанс терапии.

Прошлой ночью у меня никак не получалось уснуть. Всякий раз, когда я пыталась, мысли о том, что произошло в Провансе, одолевали меня. Я несколько раз просыпалась ночью и безумно боялась, что если врачи дадут мне лекарство, которое поможет уснуть, что-нибудь может произойти, пока я буду спать.

Поэтому сегодня днем я позвонила Марли и попросила ее прийти навестить меня раньше, чем обычно, чтобы я могла вздремнуть пару часиков. Как раз перед тем, как я уснула, больничный телефон на тумбочке начал звонить, напугав меня.

Марли нагнулась вперед, взяла его и вручила мне.

— Оу, может быть, звонит сексуальный Ремингтон, — хихикнула она, но прекратила, как только заметила, что я не улыбаюсь. Мне казалось, что я не спала уже несколько лет. — Я могу сказать ему, чтобы он позвонил позже, и ты могла бы немного поспать. Ты действительно выглядишь неважно.

Я покачала головой, и впервые со вчерашнего дня, мое сердце забилося в предвкушении. Я так по нему скучаю.

— Алло.

Сначала на другом конце провода было тихо, а затем я услышала:

— Так значит, это правда. Ты все еще жива.

От этого голоса по спине у меня прошла дрожь.

— Похоже, все твои попытки провалились. Лучше старайся в следующий раз, — глаза Марли округлились, и она беззвучно попросила «дай мне телефон». Я покачала головой. Если этой чокнутой нужна я, значит, мне и иметь с ней дело.

— Знаешь, эти полицейские, охраняющие тебя, не помешают мне добраться до тебя. Получила мой подарочек?

Я осмотрела комнату, и сердце в груди испуганно забилося.

— Похоже, его не доставили, — сказала я, надеясь, что мой голос звучит бодро. — Ты кто такая, черт возьми? Почему ты не можешь оставить нас в покое?

— Оставить в покое? — она холодно рассмеялась. — Ты скоро узнаешь, кто я такая, — и в трубке стало тихо. Я отдала ее Марли, пульс эхом отдавался в ушах. Меня затошнило, и стало одновременно жарко и холодно.

— Это была она?

Я кивнула, сбрасывая с себя простыни, чтобы легче дышалось.

Дверь открылась и показалась высокая светловолосая медсестра с коричневым бумажным пакетом под мышкой, похожим на те, которые выдают в цветочных магазинах.

Она улыбнулась Марли, а затем перевела взгляд на меня.

— Это прислали вам, — она положила пакет на тумбочку. — Готовы к уколу?

Я кивнула, пока Марли, дрожа, стояла рядом со мной. Она ненавидит уколы еще с тех пор, как была ребенком.

— Как долго мне еще нужно делать их?

— Я приду позже, чтобы взять кровь на анализ АПТВ. *(Примеч. АПТВ — время образования и активности тромбопластин в крови)*. Если оно стабилизировалось и кровь сворачивается в положенное время, мы можем прекратить колоть вам «Клексан» *(Примеч. «Клексан» — препарат для профилактики тромбозов)*, — она вытащила шприц из кармана своего халата. — Расслабьтесь, пожалуйста.

Я кивнула и сосредоточилась на шуршании бумаги — полагаю, моя сестра решила взять на себя задачу и развернуть коричневый пакет. Откинувшись на подушки, я закрыла глаза и сцепила зубы, ощутив острый болезненный укол иглой. Но это ощущение прошло так же быстро, как появилось.

— Какого черта! — заорала Марли.

Я распахнула глаза и увидела, как на пол падает букет ирисов. Подняв взгляд, я увидела, как Марли вцепилась в руку медсестры.

— Что происходит? — спросила я. Мой голос прозвучал странно, а перед глазами все поплыло.

— Она пытается убить тебя! Я была здесь, пока тебе кололи все лекарства, и это не те, что они обычно использовали, — она указала на пол. Я повернула голову и увидела шприц в углу.

Вот, черт!

Дверь распахнулась, и в палату вбежали двое полицейских и еще двое мужчин в штатском. Разверзся ад или, может быть, причина только во мне?

— Марли? Что происходит? Я... — слова замерли на губах, когда звуки и свет вокруг меня померкли, а затем все вокруг потемнело.

Ремингтон

Калеб хорошо шел на поправку, и я уже паковал свою сумку, готовый покинуть больницу. Мне хотелось как можно быстрее вернуться в Париж, а затем отправиться в Марсель. Операция прошла успешно. После последних анализов, доктор заверил меня, что я иду на поправку, но смогу вернуться к работе не раньше, чем через три недели. Легко. Я проведу все эти дни, даже, черт возьми, каждый день, целуя Селену. Член у меня в джинсах напрягся и по всему телу распространился жар. Я сделал глубокий вдох и запустил дрожащие пальцы в волосы.

Держи себя в руках, Ремингтон. В ее нынешнем состоянии она, вероятнее всего, не готова видеть тебя.

Серьезно. То, что я испытываю в данную минуту — облегчение от того, что, кажется, все части моего тела функционируют нормально. А от мысли, что я все еще в состоянии погрузить свой член глубоко в киску Селены, он затвердел, и я начал задыхаться. Поправив член в джинсах, я застонал.

— Ты ведь сейчас думаешь о ней? Что ж, не обращай на меня внимания, — объявил Калеб о своем присутствии, отрывая меня от моих похотливых мыслей. Удивленный, я развернулся и увидел, что он широко улыбается мне. Как, черт возьми, вышло, что я не услышал его?

— Медсестра привезла меня сюда, — самодовольно ухмыльнулся он. — Так когда ты привезешь к нам в гости свою богиню, о которой так восторженно отзываешься?

— Как только твою ленивую задницу выпишут из больницы.

Он засмеялся.

— Превосходно. Я позабочусь, чтобы была красная ковровая дорожка и играла группа мексиканцев.

Я фыркнул, поправляя сумку на плече.

— Позвони мне, как только выберешься отсюда, — я не рассказывал ему о драме, случившейся в моей жизни, и попросил Адель не делать этого. В его нынешнем состоянии ему совершенно не нужно волноваться.

Он опустил взгляд на колени.

— Мой отец — наш отец — сказал, что звонил тебе, но ты не отвечаешь ему. Он хотел поблагодарить тебя за то, что ты сделал, — Калеб поднял голову и посмотрел мне в глаза.

— Ты жив. Для меня достаточно такой благодарности, — я шагнул вперед, давая понять, что не в настроении говорить о нашем отце.

— Просто выслушай его, ладно? Я знаю, что он невыносимый кретин, как ты его называешь, но просто удели ему несколько секунд.

Я покачал головой.

— В моей жизни столько всего сейчас происходит. Я не могу... не позволю ему еще сильнее усложнять мою жизнь. Позвони мне как-нибудь, ладно?

Он вздохнул и кивнул.

Попрощавшись, я вышел из больницы и вытащил свой мобильный из куртки, чтобы проверить пропущенные звонки. Я замер на середине шага, пока шел к ожидающему меня

такси и слушал голосовые сообщения.

Да твою ж мать!

Во мне вспыхнула ярость и растеклась по венам. Единственное, что утешает, что медперсоналу удалось быстро откачать из организма Селены то, что ей вкололи. И что медсестру, которая вколола лекарство, арестовали. С меня хватит. Я должен найти виновника прежде, чем лететь в Марсель.

Позвонив Жилю и сообщив ему, что прилетаю через полтора часа, я широким шагом направился к ожидающему такси и отправился в аэропорт.

Ремингтон

— Ты уверен, что готов войти туда? Нам вовсе не обязательно делать это сегодня, — сказал Жиль, отвернувшись от шкафа, заполненного чем-то напоминающим аппаратуру для наблюдения, и посмотрел на меня.

— Хочу покончить со всем этим и забыть. Этот кошмар длится уже чересчур долго. К тому же, если мы не решим эту проблему, кто его знает, что еще придумает эта женщина? — я пожал плечами, вспомнив, что Селена была на волосок от смерти. Из-за меня.

Черт возьми.

— Она хочет избавиться от Селены. Я же намерен сохранить ее жизнь. Давай сделаем это.

Брови Жилия взлетели вверх.

— Я с тобой, *мой друг*. Надень вот это, — Жиль вручил мне кевларовый бронежилет, который вытащил из шкафа.

Я выгнул бровь.

— Ты не считаешь, что это уж слишком?

— Я не знаю, с каким сумасшествием мы имеем дело. Лучше перестраховаться сейчас, чем жалеть потом, *разве нет?*

Тушэ.

Надев жилеты, мы с Жилем присоединились на парковке к Алексею — одному из помощников Жилия — и поехали в 10-ый округ.

Семь минут спустя мы уже шли по коридору здания, построенного, наверное, еще в восемнадцатом веке. Было тихо, словно тут на самом деле никто и не живет. Алексей остановился возле коричневой деревянной двери, достал из кармана небольшую коробочку с инструментами и вытащил из нее какое-то приспособление. Через несколько секунд дверь открылась.

Я проследовал за Алексеем внутрь, а Жиль прикрывал нам спины, осматриваясь вокруг. Чем дальше мы продвигались, тем быстрее билось в груди мое сердце.

Наконец-то. Я в логове зверя.

Я обвел взглядом гостиную, изучая белые стены без каких-либо украшений, телевизора или радио. Единственными предметами, разместившимися в этом Богом забытом месте, был потертый диван и стол, которые выглядели так, словно знавали лучшие деньки.

Я бродил из комнаты в комнату, пытаюсь найти хоть какую-нибудь зацепку, хоть что-нибудь, что показалось бы мне знакомым, когда внезапно замер на середине шага, уловив аромат. Знакомый аромат. Я последовал за ним в спальню и далее в помещение, которое напоминало кладовку или гардеробную.

— Вот ты где.

Я вздрогнул и обернулся, сверкнув сердитым взглядом.

— Боже, Жиль. Сделаешь так еще раз, и я заеду тебе кулаком в лицо, — мой голос эхом разнесся в комнате.

Он хмыкнул и покачал головой.

Я оглянулся в поисках источника сильного запаха, в то время как в голове бешено

пульсировала кровь. Мой мозг буквально кричал на меня, чтобы я вспомнил этот аромат. Но у меня не получалось. Я стукнул ладонью по стене, пытаясь найти способ проследовать за знакомым запахом. Звук получился глухим, словно там за стенами находится еще одна комната. Я толкал и нажимал, но без толку.

— У Алексея есть что-нибудь, чтобы открыть эту стену? За ней еще одна комната.

Жиль протиснулся мимо меня и постучал по стене костяшками пальцев.

— Сукин сын, да ты прав.

— Я всегда прав, — констатировал я. Он фыркнул и позвал Алексея.

Несколько минут спустя тому удалось найти способ открыть проход с помощью почти незаметной трещины в стене — что на деле оказалось кнопкой, открывающей дверь.

Я скрупулезно осмотрел комнату, и к горлу подкатила тошнота.

— Что это, *мать вашу*, такое? — пробормотал я себе под нос. В комнате стоял стол, заваленный тысячами фотографий меня и Адриана. Также там стояли три фиолетовые свечи на одинаковом расстоянии друг от друга. На дальнем краю стола стоял CD-плеер. Я наклонился поближе и прищурился, разглядывая диск, вставленный в проигрыватель, и почувствовал, как лоб покрылся холодной испариной.

— Боже, — вот он где, мой пропавший диск «*Щелкунчика*».

На стенах висело еще больше фотографий, но на сей раз это были фотографии женщин, с которыми я встречался в прошлом, и все их лица были перечеркнуты крестом. А на тех фотографиях, где были изображены мы с Адрианом, лица были обведены кружком и подписаны «Моя Семья».

— Ремингтон?

Я лишился дара речи. *Блядь*. Мне нужен воздух. Этого не может быть. Неужели Бог настолько жесток, что заставляет меня пройти через это? Неужели я недостаточно страдал?

Запах духов казался мне невидимой рукой, вцепившейся в горло и душащей меня. Мне нужно выбраться из этого дома, подышать свежим воздухом.

— Есть идеи кем может быть эта женщина? — спросил Жиль.

Я покачал головой, не в силах произнести ни слова, затем пробормотал «Мне нужен воздух» и устремился прочь из маленькой комнатки и из дома. Я завернул за угол, намереваясь спуститься по лестнице, и замер. Мои глаза округлились, когда я лицом к лицу столкнулся с прошлым. С призраком, который охотился на нас.

Мой преследователь?

Я моргнул. Нет. *НЕТ!* Мои глаза обманывают меня. В жизни бы не поверил, что такое может произойти. Схватившись за стену, я крепко зажмурился, стараясь дышать спокойно и пытаюсь не упасть из-за сильного головокружения.

Этого просто не может быть. Я сжал в кулак руку, прижатую к бедру, и медленно открыл глаза. *Боже, она по-прежнему здесь.*

Ее глаза были широко распахнуты, она была шокирована и как рыба открывала и закрывала рот.

— Ремингтон?

— *Колетт?*

Ремингтон

В груди заболело. На лбу выступил пот, а затем распространился по всему телу. Живот скрутила как никогда острая боль.

Но помимо всего прочего, от шока я не мог пошевелиться. Я уставился в широко распахнутые глаза женщины, которую похоронил пять лет тому назад.

Я похоронил ее. Наблюдал, как гроб опускали в яму. Я вспомнил день, когда меня известили о ее гибели. Вспомнил, как посетил морг, и после того, как мне сообщили, что ее тело полностью сгорело при катастрофе, для опознания мне показали останки.

Так я похоронил тебя или нет? Похоже на ночной кошмар.

За эти пять лет она ничуть не изменилась. Ни на йоту. Она все так же красива, может, даже чересчур красива, когда смотрит на меня так, словно я единственный, кого она жаждет видеть. Она улыбнулась, и я втянул воздух сквозь зубы — именно так я всегда реагировал на ее улыбку до того, как она изменила мне с другим мужчиной. До того, как инсценировала свою смерть и угрожала Селене — женщине, которая сейчас владеет моим сердцем.

— Колетт? — ее имя кажется каким-то чужим, когда я произношу его. — Ты же умерла. *Боже мой*, я похоронил тебя пять лет назад. Ты мертва.

Ее взгляд метнулся к пустому коридору, затем она снова посмотрела на меня.

— Что ты здесь делаешь?

Я отпрянул, так как внезапность заданного ею вопроса была сродни пощечине. Она была жива все это время, но все, что ее интересует, что я здесь делаю? Поверить не могу. Ее коварство зашло гораздо дальше, чем я мог себе представить.

Я напряг руки, прижатые к бокам, и выпрямился, затем придал лицу более нейтральное выражение, заставив себя свыкнуться с тем, что она стоит напротив меня. *Дыши*. Я знал, что если предупрежу Жилия, то спугну ее и она сбежит. Поэтому решил отвлечь ее, надеясь, что Жиль рано или поздно отправится искать меня.

— Чего ты хотела добиться, угрожая женщинам, с которыми я встречался? — спросил я, надеясь, что мой голос прозвучал доброжелательно. Черт подери, мне хочется подкрасться, схватить ее и убить собственными руками.

Ее улыбка растаяла.

— Ремингтон, мне, правда, хочется извиниться за то, что я сделала. Я не планировала инсценировать свою смерть, но...

Я шагнул к ней, но она отступила на два шага и поставила ногу на одну из ступенек. Затем небрежно облокотилась плечом о стену таким образом, что ее не будет видно никому, кто бы ни шел в нашу сторону.

Умно.

— Хмм. Хочешь извиниться за то, что бросила своего сына, подстроила свою смерть или за то, что изменяла мне?

— Все перечисленное. Я была...

— Ремингтон? — слышался в коридоре голос Жилия, и пару секунд спустя раздалось эхо его тяжелых шагов.

Колетт выпрямилась и на ее лице отразилась паника. Я наклонился вперед и попытался

схватить ее за руку. Она увернулась, а я споткнулся. Боль прострелила низ живота, напомнив мне, что я недостаточно здоров, чтобы бороться с ней, но черт меня дери, если я позволю ей улизнуть. Прижав к животу руку, чтобы хоть немного облегчить боль, я рванулся вперед. В это время она выпрямилась, засунула руку в сумочку, свисающую с плеча, и вытащила что-то, напоминающее баллончик. Она развернулась как раз тогда, когда Жиль остановился возле меня, и прежде, чем я понял, что происходит, я услышал, как Жиль закричал, а затем выругался несколько раз. Раздался щелчок, за которым последовало рычание Жили и грохот падения тяжелого тела на пол. Вскинув голову, я увидел, что она нацелила эту штуку мне в лицо и нажала на кнопку. Я отпрянул, но было слишком поздно. Я согнулся пополам, когда содержимое баллончика, чем бы оно ни было, начало жечь глаза, и прижал руки к глазам, чтобы защититься от атаки.

— О, Ремингтон! — ее руки коснулись моего лица, откидывая назад волосы. Меня чуть не вырвало, когда до меня донесся аромат ее духов и проник глубоко в нос и горло.

— Я не собиралась использовать спрей против тебя. Я запаниковала, а ты хотел...

— Сумасшедшая сука. Не. Прикасайся. Ко мне.

Она убрала руки.

— Мне так жаль. Пожалуйста, прости меня, любовь моя... Мне нужно идти. Я не хотела, чтобы мы встретились вот так. Мы скоро увидимся, любимый. Я все еще люблю тебя, помни об этом. Все эти женщины не заслуживают тебя. Ты и я — мы всегда будем вместе.

— Держись от нас подальше, — холодно потребовал я.

— Она не любит тебя так сильно, как я. Никто не любит тебя так, как я.

Во мне вспыхнул гнев, перевесивший ощущение жжения от перцового спрея. Где, черт подери, Алексей?

Зажмурившись, я попытался схватить ее, ориентируясь по голосу, но схватил только воздух, затем поморщился, когда низ живота снова прорезала боль.

— Ты мой, Ремингтон. Ты и я, вместе. Помнишь, ты обещал мне это? Что мы всегда будем вместе? Я не собираюсь позволять этой суке забирать у меня тебя и Адриана.

— Тебе всегда было плевать на меня и на Адриана.

— Ты заблуждаешься, — сказала она. Я услышал тихие шаги по каменному полу. — Я никогда не отпущу тебя.

И в коридоре наступила тишина. Я напряг слух, повернувшись в ту сторону, где, как я видел, упал Жиль, и услышал тихие хрипы.

— Алексей! — проорал я, вслепую пытаюсь найти Жили на полу.

Блядь, глаза, будто огнем полыхают. Поверить не могу, что Колетт обошла нас.

— Жиль? Ремингтон? — тяжелые шаги Алексея эхом отдавались от стен.

— Сюда, — шаги приблизились, а затем он схватил меня за руку, пытаюсь помочь встать на ноги. — Нет, сначала посмотри, как там Жиль. Мне кажется, он ранен.

Он убрал руку. Я услышал еще один стон, за которым последовала череда ругательств.

— Нужно вернуться в квартиру и промыть тебе глаза. Кто напал на вас?

— Колетт, — пробормотал я, стараясь, чтобы меня не вывернуло наизнанку от боли, терзающей мое тело. Неужели швы разошлись? Игнорируя жжение в глазах, я опустил руку к низу живота и с облегчением выдохнул. Сухо, значит, кровь не идет.

— Кто? — переспросил Алексей.

— Моя умершая жена.

Наступила тишина. Слышно было только затрудненное дыхание и звук, который издал

не поверивший мне Алексей. Я бы сам не поверил, если бы не видел ее собственными глазами.

— Пойдем, нужно доставить вас обоих в больницу.

— Жиль в порядке? — спросил я, и, морщась и опираясь на стену, встал.

Алексей заворчал.

— Не уверен, но выглядит он неважно.

— Отнеси его в машину. Я буду идти за вами, — как будто я был в состоянии. Сейчас мне хватило бы прикосновения перышка, чтобы упасть, я даже не в состоянии стоять на ногах.

— Не шевелись. Я сейчас вернусь, — Алексей прошел мимо меня и я слушал, как удаляются его шаги, пока он спускался по лестнице, оставляя меня наедине с терзающими мыслями о том, что моя жена жива. Я должен немедленно предупредить Эрика.

Несколько минут спустя Алексей вернулся и в буквальном смысле снес меня по ступеням и усадил в машину. Аккуратно разместив мою задницу на пассажирском сиденье, он как бешеный понесся в больницу, пока я просвещал его насчет того, что произошло, когда я вышел из квартиры Колетт.

Она жива. Женщина, которую я презираю больше всех на свете, жива. И теперь она хочет вернуть нас. После того как предала меня и лгала нам, выбросила нас так, словно мы были ничем иным, как собачьим дерьмом под ее ногами. Какого черта? Она, очевидно, окончательно сошла с ума.

Ремингтон

Спустя сутки, я приехал в Марсель, чувствуя себя чертовски униженным тем фактом, что нас с Жилем обхитрила какая-то женщина. И не просто какая-то женщина, а та, которую я считал мертвой. Затем на смену унижению пришла ярость и решимость. Теперь, когда я знаю, кто виновница, будет гораздо легче разобраться с нападениями. Я все еще не мог поверить, что она инсценировала свою смерть. Но с какой целью?

Я покачал головой, отгоняя эти мысли, и снова сосредоточился на встрече с Селеной, Адрианом и матерью. Я потер живот рукой, пытаюсь облегчить неприятное ощущение там. Швы еще не сняли, но доктор настоятельно рекомендовал избегать любой физической нагрузки. Жилия тоже отпустили из больницы. Колетт выстрелила из тайзера и попала ему в подмышку, незащищенную бронежилетом. Доктора утверждали, что ему повезло, что он просто потерял сознание и не получил никаких повреждений. (*Примеч. тайзер (тазер) — полицейский электрический пистолет, стреляющий металлическими пулями, которые в действительности являются электродами, несущими на себе заряд*).

Я быстрым шагом направлялся по коридору к палате Селены. Сделав глубокий вдох, я ухватился за ручку, и сердце в груди бешено застучало при мысли, что я снова увижу ее красивую улыбку и эти выразительные глаза, когда она посмотрит на меня. В палате слышались голоса и смех, в основном женский.

Не в силах больше ждать, я открыл дверь и замер на пороге, увидев открывшуюся мне сцену. Она сидела на кровати, спину подпирали несколько подушек, а Марли сидела напротив нее, скрестив ноги.

Боже мой. Она жива и даже еще красивее, чем я помню. Я прошелся взглядом по ее телу, на котором был только больничный халат, не скрывающий ее округлостей, и нахмурился. Она сильно похудела.

Ну что же, ладно, у меня впереди целая жизнь, чтобы вернуть ей былой вес и заботиться о ней.

Черт! Я уже строю воздушные замки, планирую будущее, хотя понятия не имею, хочет ли она развития наших отношений. Но я буду убеждать ее, даже если мне придется приложить для этого максимум усилий.

— Ремингтон?

Селена

Я прекратила слушать, что мне говорит Марли в ту же секунду, когда почувствовала, что он за дверью. Ремингтон. Я почувствовала энергию, которая всегда сопровождает его. Меня тянуло к этой двери, сердце бешено забилося, а дыхание стало прерывистым. В ту минуту, когда он пересек порог, волоски на моей руке приподнялись, узнавая его.

Я разглядывала его, и он показался мне гораздо сексуальнее, чем я помнила. Иисусе, от выражения его лица по всему телу разлился жар. Мне не хватало это выражения одержимости на его лице. Затем оно сменилось мрачным взглядом, которым он прошелся вдоль моего тела, напоминая мне, что за этим красивым лицом скрывается мой мистер Высокий Мрачный Красавец, готовый выскочить в любую секунду.

Что дальше?

— Ремингтон?

Его взгляд метнулся обратно к моему лицу. Выражение, мелькнувшее на его лице, выражало смесь голода, облегчения и безысходности. Затем оно исчезло так же быстро, как появилось, и он улыбнулся. Святые угодники, улыбка вышла порочной, и мое тело само по себе качнулось в его сторону. Словно нас связывают невидимые нити. Видимо, по этой причине я и влюбилась. Только что он, казалось, пытался как можно скорее оказаться рядом и вот уже он уже тянется к моим губам, желая поглотить меня целиком.

Черт, поверить не могу, что так завелась.

Он бросил сумку, которую держал в руках и рванул ко мне, в четыре больших шага преодолев разделяющее нас расстояние. Кровать качнулась и я предположила, что Марли встала с нее, чтобы не оказаться на пути у Ремингтона, который несся ко мне, словно ураган.

— О, Селена, — пробормотал он, перед тем как обхватить мое лицо своими большими ладонями. Он посмотрел мне в глаза, и я увидела, как в его глазах борются между собой неверие и надежда. Затем он улыбнулся такой улыбкой, которая способна вышибить из меня дух. Как я могла забыть это лицо? Эту улыбку?

— Ты помнишь меня?

Я кивнула, широко улыбаясь.

— Должно быть, я сошла с ума, если забыла тебя. Забыла твою улыбку и твое мощнейшее оружие.

— Ты о чем?

— Ямочки.

Он застонал — самый сексуальный звук, который я слышала с тех пор, как ко мне вернулась память — и его губы обрушились на мои. Я вцепилась в его плечи, притягивая его ближе к себе, и закинула руки ему на шею, удерживая его. Его язык скользнул по моим губам.

— Открой рот, мне нужно попробовать тебя на вкус. Боже мой, я так сильно скучал по тебе, — прошептал он хрипло рядом с моими губами.

В ту секунду, когда его язык коснулся моего, все во мне вспыхнуло. Я притянула его к себе, отчаянно и жадно целуя. Когда он, в конце концов, отстранился, в комнате раздавались только звуки нашего затрудненного дыхания, пока мы пытались восстановить его.

— Я так по тебе скучала, — призналась я, прижимаясь губами к его колючему подбородку.

Он выпрямился, изучая меня прищуренными глазами.

— Ты здесь. Как ты себя чувствуешь?

— Да, а ты здесь, рядом со мной. Я чувствую себя действительно чудесно.

— Ни в каком другом месте я быть и не мечтаю, — сказал он, а затем улыбнулся. — Кажется, мы выгнали твою сестру из палаты.

Я посмотрела по сторонам и захихикала.

— Определенно выгнали, — у меня закружилась голова, поэтому я откинулась на подушки, наслаждаясь прикосновением Ремингтона — он гладил меня большим пальцем по щеке, а второй рукой ласкал шею.

— Ты ведь знаешь, что я бы никогда намеренно не причинила боль тебе или Адриану, правда? — спросила я, теребя край тонкого одеяла, которым была укрыта до талии.

Подцепив пальцем мой подбородок, он вынудил меня поднять голову и посмотреть ему в глаза. Что-то мелькнуло в его глазах. Страх, полагаю. Он быстро исчез, сменившись нечитаемым выражением, словно он защищался от того, что я собиралась сказать.

— Знаю.

— Ты был прав. Я не имела права позволять Адриану называть меня мамой, особенно если планировала вскоре вернуться в Штаты. Неправильно с моей стороны поставить свои интересы выше его. Боже, как я могла быть такой глупой и беспечной, — я выпустила одеяло из рук и обхватила ладонями его лицо. — Ненавижу себя за то, что так поступила. Мне совсем не нравится, какой безрассудной я себя порой ощущаю; это чувство в буквальном смысле затуманивает здравый смысл. Во мне много различных эмоций и я мечусь между ними, но точно знаю, что никогда не причиню вам обоим боль. Я скорее умру, чем случится нечто подобное. Пожалуйста, прости меня.

Он продолжал изучать меня, и я не могла понять, о чем он думает.

Черт возьми, пожалуйста, скажи что-нибудь.

Наконец-то, он прижался к моим губам в поцелуе, а я наклонилась вперед, отчаянно желая его.

— Извинения приняты. Я знаю, что ты никогда не причинишь нам боль. Не намеренно. Тебе не свойственно причинять боль другим или использовать ситуацию для своей выгоды, — пробормотал он мне в губы, а затем встал, унося с собой свой запах, и пальцами откинул волосы с моего лба. — *Ты красавица.*

Ремингтон

Выпрямившись, я стянул с себя куртку и швырнул ее на близстоящий стул, а затем развернулся и наблюдал, как Селена устраивается на подушках, закрыв глаза и улыбаясь. В то мгновение, когда она сказала, что никогда умышленно не навредила бы мне или Адриану, я подумал, что она приняла решение и не желает иметь со мной ничего общего.

Я бы не стал ее винить, если бы она приняла такое решение. Я не сумел защитить ее, как обещал. Своим признанием и извинениями Селена лишила меня способности дышать, но я все равно продолжал ждать, что она скажет, что уходит от меня.

Но она не сказала.

Черт, не знаю, что делать с тем, как я себя на данный момент ощущаю.

— Я люблю тебя, — тихо призналась она.

Внезапно в голове не осталось ни одной мысли.

— Открой свои красивые глаза, Селена. Посмотри на меня.

Она подчинилась.

— Я люблю тебя, — повторила она, и на ее лице появилось удивленное выражение. Ее глаза распахнулись и увлажнились от слез.

— Что случилось? — спросил я, изучая ее лицо, обеспокоенный тем, что что-то не так. Я не осознавал, насколько велико мое желание услышать эти слова из ее уст, пока не услышал их. Но выражение ее лица беспокоило меня. Я быстро подошел к ней. — Ты пугаешь меня, *ma belle*.

— Я люблю тебя, — снова повторила она эти слова. — Ох, Боже мой, Ремингтон. Я люблю. Тебя, — и затем расплакалась.

Захваченный врасплох, я заключил ее в объятия, и она, всхлипывая, прижалась лицом к моей груди.

— У вас, ребята, все в порядке? — улыбаясь, спросила показавшаяся в дверях Марли.

Я покачал головой, давая ей понять, что понятия не имею, что здесь происходит.

Она улыбнулась еще шире и сказала:

— Настроение скачет, — после чего снова исчезла, выглядя очень довольной собой.

Селена отстранилась, посмотрела на меня глазами, полными слез, и шмыгнула носом.

Я ждал, по-прежнему не понимая этого всплеска эмоций.

Что с ней сделали, пока меня не было?

— Мне так жаль, — и не успел я спросить, за что она извиняется, как она продолжила. — Ненавижу, когда не в состоянии контролировать свои чувства. Боже, я стараюсь, но боюсь, что могу оттолкнуть всех от себя. Я действительно не хочу никого обидеть. А медсестра пыталась убить меня. И я скучала по тебе. О, Боже, я люблю тебя, — после чего начала смеяться и плакать одновременно.

Селена любит меня? Она продолжала эту сбивающую с толку демонстрацию эмоций, но я никак не мог понять, рада она или огорчена. В груди зародилась паника. Я должен успокоить ее.

Обхватив ладонями ее лицо, я провел большим пальцем по губам, а затем крепко поцеловал ее и отстранился.

— Я знаю, Селена. Знаю, что ты любишь меня.

— Знаешь? — она изумленно посмотрела на меня. Но, по крайней мере, плакать перестала. — Когда... как?..

И я сделал единственное, что могло бы помочь мне вернуть мою Селену.

— Разве можно меня не любить? — улыбнулся я ей.

Она прищурилась.

— Вижу, твое эго раздулось неимоверно, пока я тут лежала. Что ж, мне уже лучше, поэтому, думаю, пришло время вернуть ему его исходные размеры, — она попыталась выбраться из моих объятий, но я лишь крепче сжал ее. — Отпусти меня, пока твое раздутое эго не спихнуло меня с кровати.

Я рассмеялся, обернул руки вокруг нее и, прижимая к себе, поцеловал в подбородок.

— Я тоже люблю тебя, — я проложил дорожку поцелуев по ее шее, слегка прикусывая нежную кожу. Она вздрогнула и застонала. — Боже, ты такая сексуальная и я так сильно хочу тебя. Я так скучал по тебе, — я вздрогнул, когда ее рука опустилась на мою промежность, и начала через джинсы потирать член. — Не стоит начинать то, чего не сможешь закончить, маленькая шалунья, — я схватил ее руку и легонько прижал ее своей ладонью к кровати. Селена захлопала ресницами, и я рассмеялся над ее очевидным флиртом.

Ее лицо сразу же вытянулось.

— Это из-за рубашки? Знаю, что сейчас я выгляжу не очень сексуально...

Какого черта?

— Прекрати, — зарычал я. — Я. Люблю. Тебя. Слышишь меня? Тебя, — я склонил голову, пытаясь встретиться с ней взглядом. — Не знаю, когда это случилось, но уверен, что люблю тебя и никогда никуда не отпущу. Ни за что не откажусь от тебя, — заверил я, глядя в ее карие глаза. — Я так привязан к тебе, что уже не знаю, где заканчиваюсь я и начинаешься ты.

Она заморгала, и в ее глазах снова заблестели слезы. Она прижалась своим лбом к моему.

— Это... это так красиво. Боже, мне так жаль. Мне сейчас очень тяжело контролировать свои эмоции. Доктор говорит, что ничего страшного в этом нет, особенно после травмы мозга, но я терпеть не могу это состояние. Порой я боюсь, что распугаю всех, кто меня окружает. Вот я плачу, а в следующую секунду уже смеюсь. Или чертовски возбуждена. Вчера вечером я смотрела по телевизору фильм и, непроизвольно до неприличия возбуждись, начала стонать. Марли пришлось вывести Адриана из палаты, — она покачала головой. — Предупреждаю, сейчас я далеко не в порядке.

Я прилег на кровать и притянул ее к себе, больше всего на свете желая успокоить ее.

— Шшш, меня так легко не напугать.

Селена потерла глаза и уткнулась головой мне в грудь. Эти перепады в настроении доведут меня до приступа. Необходимо переговорить с доктором, чтобы понять, что происходит.

Она подняла голову и посмотрела на меня.

— Как ты? Как Калев? Жилу удалось найти ту женщину?

Черт!

Я не ожидал этих вопросов. Убедившись, что на моем лице не отражается страх и злость, которые кипят во мне, я рассказал ей, что произошло после того, как я уехал из Марселя полторы недели тому назад, опуская подробности о Колетт. Я все еще не пришел в

себя от шока, после того, как увидел ее.

Принимая во внимание нынешнее настроение Селены, не уверен, что будет правильным рассказать ей сейчас о «чудесном» воскрешении моей жены и о том, что она по-прежнему не оставляет попыток убить ее. Надеюсь отвлечь Селену, я наклонился, поцеловал ее в висок и начал покусывать мочку уха.

— Ты разговаривала со своими родителями? — пробормотал я ей на ушко.

Она вскрикнула, когда я провел языком по чувствительному местечку за ухом.

— Разве обязательно говорить о моих родителях, когда такое вытворяешь со мной?

Я снова прикусил мочку ее уха, пробрался под ее халат и обхватил ладонями ее грудь.

Боже, как мне этого не хватало.

— Расскажи мне, — я щелкнул по соску, вынудив ее резко втянуть воздух сквозь зубы.

— Да! — сорвалось с ее губ. — Они прилетят в Париж меньше чем через неделю. Мама обещала сообщить точную дату.

— Хорошая девочка, — перед тем как отправиться в Лондон, я поручил Эрику организовать все необходимое для их приезда.

Дверь открылась, но мой рот был занят прокладыванием дорожки поцелуев по ее груди. Кто-то кашлянул. Я замер, а Селена судорожно попыталась прикрыться.

— Мсье Сен-Жермен, вижу, вы вернулись и пребываете в добром здравии, — я выпрямился, услышав голос доктора Бланшетта. К щекам прилил жар, пока я пытался восстановить самообладание перед тем, повернуться к нему лицом.

Я придал лицу нейтральное выражение, изобразив ухмылку перед тем, как посмотреть ему в лицо. Селена прижалась лбом к моей спине, фыркнула и прошептала:

— Господи, ты выглядишь так сексуально, когда вот так ухмыляешься. Не хочешь отправиться в ванную заняться там по-настоящему развратными вещами? Мы можем просто отослать доктора из палаты.

Пытаясь подавить улыбку, я быстро посмотрел на нее.

— Веди себя прилично, неумная шалунья.

Я сосредоточил свое внимание на докторе, выражение лица которого было очень осуждающим. Очевидно, его несколько не удивил тот факт, что я целовался взапус с его пациенткой. Мои губы дрогнули, пока я старался подавить улыбку, он же наоборот еще сильнее нахмурился. Я кашлянул.

— Доктор Бланшетт.

— Все прошло хорошо? — спросил он, имея в виду операцию Калеба.

Я кивнул и вздрогнул, когда Селена опустила руку мне на задницу. Член в джинсах затвердел еще сильнее. Мне снова пришлось кашлянуть, чтобы скрыть свое участившееся дыхание. Как жаль, что на мне нет пальто, которое скрыло бы, что творят со мной ее прикосновения.

Черт! Эта женщина — проблема.

Я быстро схватил своей рукой ее руку и переплел наши пальцы, а затем поцеловал тыльную сторону ее ладони. Доктор моментально опустил взгляд в пол и улыбнулся.

— Как вы себя чувствуете, мадам Майклз?

— Фантастически, — ответила Селена, целуя меня в плечо.

Доктора, кажется, не взволновали ее слова. На самом деле, он словно ожидал чего-то подобного. Я выгнул бровь, наблюдая, как он бочком приближается к нам и снимает с шеи стетоскоп. Я встал с кровати, и он приступил к осмотру.

— Вы поразительно быстро поправились, — в его голосе прозвучало искреннее удивление. — Думаю, через несколько дней вы сможете отправиться домой, — он повернулся и посмотрел на меня. — К транспортировке все готово. Мы можем отпустить ее, но мне бы хотелось, чтобы наша медицинская команда присутствовала при перелете, просто чтобы наблюдать за ее состоянием, пока она не окажется в больнице Парижа.

Я нахмурился.

— Считаете, что в ее состоянии нежелательно путешествовать?

Он покачал головой.

— Она в норме, но мне хочется перестраховаться, особенно в таком случае, как у мадам Майклз, когда пациентка пребывала в коме.

Я кивнул, ощущая облегчение.

— Перелет запланирован через два дня. Так у нас будет достаточно времени, чтобы провести контрольные анализы и убедиться, что все в порядке.

— Какой перелет? — оживленным голосом поинтересовалась Селена.

— В Париж, — терпеливо улыбаясь, объяснил ей доктор. — Помните, я упоминал вашу транспортировку? Мы с вашим мужем обсудили возможность того, чтобы вас лечили в Париже. Адриану тоже пойдет на пользу, если он вернется к привычной обстановке.

После этих слов Селена посмотрела на меня, широко распахнув глаза. Она беззвучно произнесла «Моим мужем?» и подмигнула мне с улыбкой на лице. Я покачал головой, фыркнув себе под нос.

Доктор понаблюдал за этим нашим общением и рассмеялся.

— Можем мы переговорить в коридоре, мсье?

— Ремингтон? Ты снова уходишь? — спросила она, округлив глаза, и почти сразу же расплакалась.

Я бросил взгляд на доктора.

— Что, черт возьми, с ней не так? Она не похожа на *прежнюю* Селену.

— Именно об этом я хотел поговорить с вами, — он бросил взгляд в сторону Селены, — встретимся снаружи.

В два шага преодолев расстояние, я присел на кровать и притянул ее к себе на колени.

— Шшш... я никуда не уйду. Доктор хочет обсудить детали по транспортировке, — я поцеловал ее в волосы и крепко прижал к груди, так как каждый ее всхлип разбивал мое сердце. Несколько мгновений спустя она подняла голову и посмотрела на меня, ее нижняя губа дрожала.

Но даже от такой Селены захватывало дух.

— Ты должна понять, что я никогда не оставлю тебя. У меня никогда не получалось оставаться вдали от тебя и я не собираюсь пытаться сделать это сейчас. Ты, *ma belle*, свет моей жизни. Путеводная звезда, которая зовет меня домой, когда я в тысяче километров от тебя. Я без памяти влюбился в тебя и все еще продолжаю влюбляться, но знаешь что? Мне все равно, потому что я уверен, что ты всегда будешь рядом. Ты не дашь мне погибнуть, потому что я никогда, слышишь, *никогда* не дам погибнуть тебе. Слышишь меня? Мы гарантия безопасности друг для друга.

Она неуверенно улыбнулась мне.

— Гарантия безопасности?

— Да. Гарантия безопасности, — я прижал подушечку большого пальца к ее нижней губе, а затем наклонился вперед и пристально посмотрел ей в глаза. — А теперь поцелуй

меня и пообещай, что будешь в порядке, когда я выйду за эту дверь, — велел я мягким голосом.

Она подняла руки к моему лицу, обхватила ими меня за шею и потянула меня вниз, желая отчаянно и страстно поцеловать. Сердце в груди бешено забилося, я никогда в жизни не был так возбужден. Застонав, я протиснул руку между нашими телами и поправил свой член.

— Мы в порядке?

Она втянула воздух сквозь зубы и быстро кивнула, когда я начал пальцами поглаживать внутреннюю сторону ее бедра.

— *Боже мой*, как мне всего этого не хватало. Касаться тебя. Я так изголодался по тебе, — пробормотал я в ее губы, перемещая руку выше. — Черт, ты такая мокрая.

— Боже, я так возбуждена, что это уже не смешно. Это ведь не делает меня испорченной? Мы же в больнице и кто-нибудь может войти сюда, — расстроено вздохнула она.

— Потому что ты скучала по мне так же сильно, как я скучал по тебе. Нашим телам плевать на правила.

Она убрала руки с моей шеи и плюхнулась на кровать. Схватив подушку, она зарылась в нее лицом и закричала.

Я встал с кровати и рассмеялся.

— *Я очень сильно люблю тебя, моя принцесса.*

— *Я тоже люблю тебя,* — ее голос звучал приглушенно из-за подушки. — Я так сильно люблю тебя.

Бросив на нее последний взгляд, я вышел в коридор, где меня дожидался доктор. Коротко кивнув полицейским, дежурящим у двери, я сосредоточил все свое внимание на Бланшетте, придав лицу скучающее выражение, чтобы скрыть панику, охватившую меня из-за состояния Селены.

— Почему кто-то пытался убить мою жену? Меня заверили, что она будет в безопасности, — рявкнул я, не в состоянии контролировать свои эмоции. Мысль о том, что Селена может исчезнуть из моей жизни, сводила меня с ума.

— Медсестру допросила охрана больницы, а также полицейские и ваша охрана. Она впервые замешана в подобном. Следуя инструкциям, которые я дал медсестрам, она, как обычно, взяла шприц из шкафа, где мы храним большинство препаратов, прописанных мадам Майклз. Должно быть, кто-то другой подменил лекарство на яд. Медсестра клянется, что понятия не имеет об этом. Но ее все равно задержали для дальнейшего расследования.

— Надеюсь, что она не виновна, потому что, помоги ей Боже, если это она собиралась отнять у Селены жизнь, — я сделал глубокий вдох, стараясь унять ярость, стремящуюся прорваться наружу. — Что такое только что происходило в палате?

— Ваша супруга, — он приподнял брови, давая мне понять, что не верит в эту мою версию о жене, — в данный момент испытывает проблемы с контролем эмоций. Посткоммоционный синдром. Для пациентов, перенесших травму головы, совершенно естественно страдать от перепадов настроения. Также у нее часто случаются приступы головной боли и головокружения, а порой ее даже тошнит. Она не может вспомнить кое-какие вещи, но со временем память полностью вернется к ней.

— Она также подвержена страху разлуки. Психотерапевт считает, что это нарушение могло быть вызвано несколькими причинами, в основном нападением, потерей ребенка и

страхом потерять близких, которых она любит. Если вы хотите обсудить ее случай, вам лучше переговорить с ним. Он сможет объяснить вам все подробнее.

Я кивнул, переваривая информацию.

— Как много времени потребуется, чтобы она снова стала прежней?

Он покачал головой.

— Могут пройти месяцы или годы. Никто не знает. Мы делаем все возможное, чтобы облегчить некоторые из этих симптомов, включая медикаментозное лечение, но, принимая во внимание, что она подвержена депрессии, за ней нужно очень тщательно присматривать. Мы договорились, чтобы психотерапевт посещал ее два раза в неделю, с тех пор, как она вышла из комы, просто чтобы убедиться, что она идет на поправку.

— Что мне нужно сделать, чтобы помочь Селене в ее состоянии?

— Я бы предложил окружить ее знакомыми лицами или убедить заняться тем, чем она занималась до происшествия. И проявить терпение. Она работает над чем-то, что называет «проект ребенок». Ее рисунки, полагаю? Мне кажется, они успокаивают ее. Возможно, ей кажется, что это что-то, что она в состоянии контролировать, — он задумчиво поджал губы. — И ваш сын. Он положительно влияет на нее. Она рассказывала вам о своем сне?

— Каком сне?

Он переступил с ноги на ногу.

— Она видела и прикасалась к Инес. Ребенку, которого потеряла несколько лет назад.

Серьезно? От этой информации сдавило грудь.

— И что из этого следует?

— Психотерапевт считает, что у мадам Майклз в подсознании неразрешенная проблема. У нее не было возможности попрощаться с ребенком. Это ее способ сделать это.

Иисусе! Через что еще Селене пришлось пройти, пока она была в коме?

— Пожалуйста, скажите мне, чем я могу помочь ей.

Он улыбнулся и, впервые с тех пор, как я вышел из палаты с комом в горле, паника немного отступила.

— Продолжайте вести себя так, как сейчас, и с ней все будет в порядке. Мы все равно хотим провести несколько основных анализов, прежде чем выдать заключение. Я увижусь с вами обоими завтра утром. Если что-нибудь пойдет не так, попросите дежурную медсестру вызвать меня.

После нашего разговора он извинился и ушел, но когда я развернулся, намереваясь вернуться в палату, меня остановил резкий крик.

— Папа!

Я развернулся и увидел, как по коридору ко мне мчится мой сын, а за ним не спеша идет моя мать. Улыбнувшись, я устремился ему навстречу, подхватил его на руки и крепко обнял.

— Я так сильно скучал по тебе, мой маленький боец, — сказал я ему, зарываясь лицом в его волосики. Он завертелся у меня на руках, и я поднял голову, чтобы посмотреть ему в глаза.

Он прижал свои крошечные ладошки к моим щекам и уткнулся своим лобиком в мой.

— Я тоже скучал по тебе, папа. Ты привез мне подарок из Лондона?

— Да, привез. Адель просила крепко-крепко тебя обнять, — он с недоверием уставился на меня, а затем нахмурился, напомнив мне самого себя. Я рассмеялся.

— Пойдем, у меня в сумке для тебя кое-что есть, — я поморщился, когда одна из его ножек зацепила рану, и быстро опустил его на пол.

— Как твои дела, сынок? — поприветствовала меня мама и расцеловала в обе щеки.

— Теперь, когда я вижу всех, кто важен для меня, чертовски прекрасно.

— Следи за языком, рядом твой сын, — пожурила она меня, как делала всегда, когда я ругался. Я засмеялся, и мы зашли в палату Селены.

— Ну, как тут дела? — спросил я мать, пытаюсь оценить ее реакцию, пока она наблюдала, как Адриан карабкается на кровать и залезает Селене на колени. Он обвил ручонками ее за шею и звонко чмокнул в щеку.

— Ты подразумеваешь, подружилась ли я с твоей «женой»? — она посмотрела мне в глаза и ее губы подрагивали, словно она пыталась подавить улыбку.

Я снова рассмеялся.

— Мне важно твое мнение.

Она поджала губы.

— Что, если я скажу тебе, что она мне не понравилась? Что ты по уши влип? — выражение ее лица смягчилось, когда она произнесла эти жестокие слова, от которых мое сердце забилося в груди как сумасшедшее.

— Но тебе она нравится, — я подверг сомнению ее слова. — И ты думаешь, что она мне подходит.

Она игриво закатила глаза, затем обернулась, чтобы понаблюдать за сценой, разворачивающейся перед ней. Адриан болтал без умолку. Очевидно, он забыл о подарке из Лондона.

— Селена интересна мне все больше и больше, — она бросила на меня взгляд, в ее глазах плескалось сочувствие. — Она рассказала мне о ребенке.

— Да? Ты поэтому изменила о ней свое мнение?

Мать покачала головой.

— Нет. Селена сама сумела его изменить. Она очень отличается от... ну ты понял. В любом случае, она такая добрая, забавная и порой довольно таки робкая. Хотя иногда ее перепады настроения очень огорчают. Не то чтобы я винила ее за это. Она изо всех сил старается сдерживать их, и, видимо, огорчается еще сильнее, когда понимает, что не в состоянии контролировать это.

Я улыбнулся.

— Она нуждается во мне. Я рад, что она тебе нравится, потому что я не позволю ей уйти. Я не отпущу ее без боя.

Ремингтон

Последние два дня прошли так, как я и мечтал с тех пор, как вернулся из Лондона, хотя мне так и не удалось избавиться от мыслей о Колетт. В конце концов, я все же рассказал обо всем Эрику и матери, но попросил их не упоминать об этом при Селене. Ей и так пришлось пройти через слишком многое. Она, кажется, успокоилась, если не принимать во внимание перепады в настроении, из-за которых она рыдает навзрыд или внезапно начинает смеяться без всяких видимых причин.

Мы все упаковали и теперь просто ждали доктора Бланшетта с медицинским заключением. Селена подвержена «страху расставания» и я ее прекрасно понимаю, особенно после того, как медсестра пыталась убить ее. Мы решили, что полетим двумя группами: Адриан, Эрик и я будем вместе с ней, а Жиль со своими ребятами, моей матерью и Марли полетят в Париж отдельно от нас. Адриан весь извертелся, пока мы ждали доктора, поэтому я попросил Эрика отвести его на ближайшую игровую площадку, пообещав позвонить им, когда мы закончим беседовать с врачом.

Отец выбрал именно этот момент, чтобы позвонить мне. Я ответил на звонок, пытаюсь подготовиться к урагану праведности и помпезности, который из себя представляет господин Ремингтон Ньюпорт.

— Сын, — выдал он свое стандартное приветствие. Я закатил глаза, отчего Селена скорчилась от смеха.

— Отец.

— Ты мне не перезванивал, — обвинил он, и в его голосе я различил нотки раздражения.

— Я сейчас занят. Ты хотел сообщить мне что-то важное?

Он вздохнул, и я представил себе, как из его ушей валит пар.

— Я хотел лично поблагодарить тебя за то, что ты сделал для Калеба. Для *меня*.

На этот раз вздохнул уже я, когда дверь открылась, и вошел доктор Бланшетт.

— Я не могу сейчас разговаривать. Слушай, я, правда, сейчас занят. Перезвони, когда придумаешь, как отблагодарить меня без помощи денег.

Я сбросил звонок и быстро отмахнулся от желания выразить отцу все кровожадные мысли, крутившиеся у меня в голове, а затем встал, чтобы поприветствовать доктора.

— Готовы сделать это? — спросил он и на его губах появилась улыбка.

Мы с Селеной обменялись взглядами и улыбнулись. Я схватил ее за руку и нежно сжал, затем поцеловал в приоткрытые губы и прошептал:

— Я рядом.

Не обращая внимания на топчущегося у порога доктора, я опустился на колени, и она удивленно распахнула глаза.

— Ремингтон? Чт... Что ты делаешь?

— Я всегда буду рядом, что бы ни случилось. Выходи за меня замуж, — наверное, я должен был быть удивлен спонтанностью и безрассудством всей этой ситуации. Но не был. Мне казалось совершенно естественным предложить Селене выйти за меня замуж. — Я всегда относился к тому типу мужчин, которые скрупулезно планируют все. Но с тобой я

совершаю поступки, на которые даже представить не мог, что когда-нибудь решусь. Рядом с тобой мне хочется вести себя спонтанно, безрассудно и, главное, честно. Я обещал всегда говорить тебе только правду. Вот я, стою на коленях перед тобой и прошу тебя выйти за меня замуж, потому что не могу представить, что следующую сотню лет своей жизни проведу без тебя рядом. Выходи за меня замуж, Селена Майклз.

Она прижала ладонь к губам, а ее глаза заблестели от слез. Она метнула взгляд туда, где стоял доктор, затем обратно ко мне, и быстро вытерла щеки.

— Ремингтон, ведь ты понятия не имеешь, приду ли я когда-либо вообще в норму. Я люблю тебя. Я так сильно люблю тебя. Если бы несколько месяцев назад, кто-нибудь сказал мне, что мужчина, и не какой-нибудь мужчина, а ты, будет стоять передо мной на коленях, уговаривая выйти за него замуж, я бы подумала, что этот человек сумасшедший. Но вот он ты, стоишь передо мной на коленях, — она наклонилась и поцеловала меня в губы. — Что, если со мной что-нибудь не так? Я не могу так поступить с тобой. Просто не могу.

— Ты разве еще не поняла? Я в любом случае тебя добьюсь. И важно не то, что здесь, — я прижал палец к ее голове, — Важно то, что тут, — я прижал ладонь к ее груди, чувствуя, как быстро колотится ее сердце под моей рукой.

— Ой, да ладно тебе, сестричка. Просто скажи «да» и избавь беднягу от страданий! — прокричала Марли от двери. Бросив взгляд в сторону двери, я увидел, что она и моя мать стоят рядом с доктором, который выглядит очень довольным собой. Глаза матери увлажнились, а затем она всплеснула руками.

Селена закусила подрагивающую нижнюю губу, взглядом изучая меня, и на ее лице отчетливо проступил страх.

Я поцеловал костяшки ее пальцев, и она вздрогнула.

Боже, до чего же мне нравится ее реакция на мои прикосновения.

— Я властный, ревнивый и очень велик шанс, что однажды я просто прикую тебя к себе наручниками. Я даже могу зарычать, если какой-нибудь мужчина осмелится смотреть на тебя дольше трех секунд. Если ты согласишься, твоя жизнь может стать Раем или Адом, в зависимости от того, как ты будешь рассматривать ее. Но в одном я уверен точно — я люблю тебя. Я буду любить тебя так, как никто и никогда не любил. Буду оберегать и баловать тебя и делать все, чтобы ты крепче любила меня. Ты забудешь о моих склонностях неандертальца, — я прервал себя на полуслове, заметив, как округлились ее глаза от моего признания. — Это я. Вот такой, какой есть.

Она прикусила нижнюю губу и продолжала изучать меня взглядом. Я же старался подавить желание наклониться и захватить в плен ее губы, «мучая» ее до тех пор, пока она не согласится выйти за меня замуж.

— Черт, да! — крикнула Селена, и я выгнул бровь в ответ на проявленный ею энтузиазм. Я все еще пытаюсь разобраться, что волнует эту новую Селену. Она широко улыбнулась, и эта улыбка согрела меня, коснувшись моего сердца.

В комнате раздались аплодисменты. Я вскочил на ноги и, присев на кровать, притянул Селену к себе на колени.

— Могу я теперь поцеловать свою невесту? — спросил я разрешения, склонив голову набок.

— Никогда не доверяй мужчине, когда он говорит, что хочет просто поцеловать тебя, — прошептала она мне в губы этим своим голосом с придыханием, который я так люблю, напомнив мне мои же слова, которые я сказал ей, как мне теперь кажется, много лет тому

назад.

— Включая меня. Потому что я не смогу просто поцеловать тебя. Я тебя трахну и займусь с тобой всякими непристойностями, — низким голосом пробормотал я в ее губы, а затем поцеловал и двинулся выше, поцелуями собирая слезы с ее щек.

Доктор Бланшетт деликатно кашлянул. У меня начало складываться впечатление, что у него с этим какие-то проблемы. Я с трудом оторвался от Селены и бросил взгляд через плечо. Он стоял, улыбался и похлопывал себя по руке белым конвертом.

— Что ж, я бы хотел сообщить вам результаты последнего проведенного нами теста.

Боже, умоляю, пусть все будет в порядке.

— Большая часть мозговой ткани полностью восстановилась. Просто постарайтесь не напрягаться следующие несколько месяцев, — он улыбнулся Селене отеческой улыбкой. — Также у нас есть результаты еще одного теста, которые вполне могли, а может и не могли, быть причиной головных болей и тошноты, — я сосредоточил на докторе все свое внимание, не в силах отвести взгляд. Не в силах даже дышать. — Вы готовы поприветствовать нового члена вашей семьи?

Я моргнул, и эхо его слов прозвучало у меня в голове. Рука Селены напряглась в моей ладони.

— Что вы только что сказали? — мой голос был не громче шепота.

— Я... Я беременна?

Доктор кивнул, его взгляд заметался между мной и прелестной женщиной возле меня.

— Вы уверены? — уточнил я у доктора, искренне надеясь, что он не ошибся в результатах.

Он кивнул.

— Ремингтон? — произнесла Селена мое имя и в ее голосе слышалась неуверенность.

Глаза обожгли слезы. Я часто заморгал и только потом повернулся к ней лицом.

— Мы беременны, — прошептал я. — Мы, черт возьми, беременны! — выкрикнул я, подхватывая ее на руки и крепко целуя. — *Боже мой*, это... — я потянулся к ее животу, не отрывая от нее взгляда, — мы сделали ребенка.

Я обхватил ладонями ее лицо и вытер слезы, струящиеся по щекам. Затем вдруг до меня дошло, что она ни слова не сказала. Ее глаза были широко распахнуты, а нижняя губа дрожала. В сердце что-то екнуло.

— Селена?

Она не смотрела на меня. Напротив, она повернулась к доктору. В груди что-то сжалось и надежда, которую я испытывал всего несколько секунд назад, превратилась в неуверенность.

— Но я же принимала противозачаточные таблетки, когда мы... эм... — она метнула нервный взгляд туда, где стояла моя мать. Мама извинилась и вышла, Марли же осталась стоять, радостно улыбаясь, очевидно, все еще пребывая не седьмом небе от счастья от такой новости. — Марли, — Селена попыталась привлечь внимание сестры, и указала подбородком на дверь.

Охнув, Марли выскочила за дверь. Я хмыкнул себе под нос. Селена просто тигрица в постели, но в то же время очень стеснительная. Я обхватил рукой ее попку и игриво сжал.

— Держи себя в руках, Сен-Жермен, — она повернулась к доктору, ожидая, что он объяснит ей сложившуюся ситуацию. Последний раз мы занимались сексом в тот день, когда случилось несчастье. В тот день она не приняла таблетку. Доктор объяснил, что сперма

может «жить» в теле женщины до пяти дней.

— Я же это знаю, — пробормотала она и покраснела. — Но с ребенком все будет в порядке? Я имею в виду, что я же была без сознания почти целую неделю и...

— Если вы будете следить за своим здоровьем, все будет в порядке.

— Ты в порядке? — поинтересовался я у нее.

Селена завертелась у меня в руках. Я догадался, что она с трудом сдерживается, чтобы не сломаться.

— Я просто так боюсь поверить, что все будет хорошо, как вдруг что-то случится...

— Даже не думай о подобном, хорошо? Давай просто порадуемся хорошей новости и воспримем это, как должное, — сказал я, прекрасно понимая ее реакцию.

К нам подошел доктор Бланшетт.

— Как ваш лечащий врач, я буду сопровождать вас в Париж.

Я кивнул и взял у него конверт, который он мне протянул.

— Спасибо вам за все, доктор, — поблагодарил его я.

Он кивнул и улыбнулся.

— Примите мои поздравления. Я договорился об УЗИ через полчаса. Я пришлю медсестру с креслом за мадам Майклз. Уверен, вы захотите ее сопровождать, месье Сен-Жермен? — его глаза весело блестели.

Я кивнул и поцеловал Селену в лоб.

Боже мой, мы увидим нашего малыша. Когда я поднял голову, доктор уже ушел. Все мое внимание было сосредоточено на эмоциях на лице Селены, которые сменяли друг друга, пока она рассказывала мне, как она взволнована, напугана и счастлива одновременно.

— Ты готова к этому? — спросил я у нее, когда медсестра прикатила кресло. — Готова увидеть нашего малыша?

Она кивнула, и по ее щекам неиссякаемым потом потекли слезы.

— Наше маленькое чудо.

Ремингтон

Прошла неделя, и сегодня Селену должны выписать из больницы уже здесь, в Париже. Я тоже чувствую себя лучше. Через две недели у меня назначена встреча с доктором в Лондоне. Я решил, что как только Селену отпустят из больницы, я заберу и отвезу ее домой. Но сначала мне хочется лично встретить ее родителей в аэропорту. Жиль тоже пришел в себя после нападения на него с тайзером и перцовым баллончиком, хотя его гордость, впрочем, как и моя, очень плохо восстанавливается. Алексей наблюдал за квартирой последние две недели, но Колетт больше ни разу не появилась. Она словно сквозь землю провалилась. После того, что она сотворила в Провансе, я не собираюсь ослаблять бдительность. Колетт опасная женщина, она не испытывает ни грамма вины за все совершенные ею поступки. У меня до сих пор в голове не укладывается, что она жива. Я же сжег ее кости.

Только они принадлежали кому-то другому.

Вздвигнув от этой мысли, я задвинул ее куда подальше, сосредоточившись на встрече со своими будущими свекром и свекровью. Я улыбнулся, подумав о них, припарковал машину на свободном месте и быстро вытащил из кармана телефон. Открыл сообщения и напечатал:

«Как дела у моей невесты и матери моего ребенка?»

Ухмыльнувшись, нажал «отправить».

Через несколько секунд на экране появилась фотография Селены, которая притворно надула губы. В ее глазах сверкало озорство, отчего надутые губки выглядели просто смешно. Я опустил взгляд на приписку под фото.

«Мне чертовски тебя не хватает».

Я напечатал:

«Дождаться не могу, когда смогу обнять тебя».

На экране возникло еще одно сообщение. **«Только обнять меня?»**

Я улыбнулся и пробормотал:

— Непослушная, дерзкая девчонка.

«Нет. Сначала я раздену тебя, нет, сорву эти крошечные шортики, которые ты надеваешь на ночь. Затем покрою всю тебя от макушки до кончиков пальцев ног поцелуями, буду касаться тебя, пока все твое тело не занеет. И, в конце концов, *ta belle*, я надену на твои запястья наручники, а затем войду в тебя. А когда ты не сможешь больше терпеть, и твое тело начнет дрожать подо мной, я позволю тебе прикоснуться ко мне. А потом буду жестко трахать тебя. Боже мой, дождаться не могу, когда ты начнешь выкрикивать мое имя. Слишком давно я не слышал, как ты это делаешь».

Я прекратил печатать и поерзал на сиденье, задышав чаще.

Я заставлю тебя кончать так часто, что ты будешь умолять меня остановиться. Но даже тогда, я, возможно, и не удовлетворю твои мольбы. Только когда окончательно буду сыт тобой».

Я нажал «отправить» и сделал несколько глубоких вдохов, чтобы выровнять дыхание.

Черт! Скоро я увижусь с родителями Селены, а я возбужден, как никогда раньше. В аэропорту.

Я быстро прочитал ответ.

«Черт, Ремингтон. Это так горячо. Я там такая влажная. Хочешь знать, чем я сейчас занята? Упс, как раз пришла медсестра».

Я уставился на экран, дыша все чаще и чаще.

Пришло еще одно сообщение. **«Я кончила. Ты просто Бог, Ремингтон».**

Я быстро напечатал ответ.

«Не забывай об этом, когда я буду рядом с твоим красивым телом».

Следующие десять минут я провел, борясь с желанием прочитать ее следующие сообщения и пытаюсь успокоиться.

А уже через пятнадцать минут я входил в здание аэропорта, где собирался встретить Инес и Энтони.

Ремингтон

Стоя среди встречающих, я с нетерпением и в то же время со страхом наблюдал за выходом, ожидая встречи с родителями Селены. Я никогда не видел ее родных, поэтому это будет первая встреча с родственниками со стороны жены.

Когда в проходе показался Энтони, я сразу же понял, что этот мужчина отец Селены, возможно, по тому, как он так же, как и его дочь, взглядом осмотрел помещение полное народу, а затем оглянулся через плечо, словно выискивал кого-то. Следом за ним появилась женщина, и его лицо засияло, когда он обнял ее рукой за плечи, притягивая к себе.

Я поднял руку, чтобы помахать и позвать их, но перевел взгляд на женщину рядом с Энтони и застыл. Сердце бешено забилося, а в ушах зашумела кровь.

Колетт?

Я моргнул, а боль, зародившаяся в груди, распространилась по всем частям тела. Затем я выдохнул и изучил ее лицо. Карие глаза, волосы скорее седые, нежели темные.

Нет, не Колетт.

И тогда у меня пропали все сомнения. Это мать Колетт.

Они смотрели по сторонам, изучая толпу, и наши взгляды встретились. На лице Инес расцвела широкая улыбка, и она помахала мне. Мне показалось, что она подталкивает своего мужа, прося его поторопиться. Но я не мог и шагу сделать. Горло болело, и я чувствовал себя так, будто сейчас отключусь. Я не мог сделать ни единого вдоха.

— Ремингтон Сен-Жермен? — назвала мое имя Инес и улыбнулась, но чем дальше я стоял, тем более неуверенной становилась ее улыбка, а затем и вовсе исчезла.

Они обменялись взглядами и неловко переступили с ноги на ногу.

— Может быть, это не он, — предположил Энтони.

— Но... посмотри на фотографию. Это точно он, — Инес сунула мужу под нос фотографию, которую Эрик отправил, чтобы им было легче узнать меня.

Наконец, я моргнул и закрыл рот.

— *Прошу прощения*, вы застали меня врасплох, — пробормотал я.

Как у меня получится продержаться до тех пор, пока... пока что? Пришлось признать правду, которая смотрела мне прямо в лицо. Если быть очень честным с собой, мысль о возможном родстве Колетт и Селены всегда маячила на задворках моего сознания. А я всегда игнорировал этот факт. Даже после отчета Жилия о том, что Селена родилась во Франции, я по-прежнему отказывался признать правду, потому что одна только мысль, что два человека, живущие в разных частях света, два человека, чья судьба позаботилась поставить на моем пути, могут оказаться родственниками, казалась чистым сумасшествием. Я снова вспомнил, как несколько недель тому назад, когда мы с Селеной обедали в ресторане, она упомянула, что родилась в Нью-Йорке, что полностью противоречило отчету Жилия.

Я неловко протянул им руку.

Черт. Мне нужно взять себя в руки, по крайней мере, чтобы нормально поздороваться.

Инес сократила расстояние между нами и притянула меня в свои объятия. Я не привык, чтобы незнакомцы или почти незнакомые мне люди приветствовали меня так радушно. Я

утонул в ее объятиях, а затем она отпустила меня, и отец Селены пожал мне руку, настороженно смерив меня взглядом. Он схватил свой чемодан и вскинул голову. Я предложил взять сумку Инес, а затем провел их сквозь скопление людей. Когда мы вышли из здания аэропорта, я повел их к машине, чувствуя, как Энтони всю дорогу взглядом сверлит мне спину. Он довольно суровый отец. Могу себе представить, как он поджаривает меня на медленном огне.

Что ж, по крайней мере, именно так поступил бы я, если бы какой-нибудь мужик встречался с моей дочерью, а затем подверг ее жизнь опасности.

— Как дела у моей дочери? — спросил Энтони, пока я укладывал их вещи в багажник.

— Очень хорошо. Сегодня ее должны выписать из больницы, и она дожидаться не может встречи с вами, — он прищурился и посмотрел на меня.

А теперь мне нужно заткнуться.

Черт подери! Я сам на себя не похож. *Обычно меня ничто не может разволновать.* Я бывал в гораздо худших ситуациях, чем эта, и спокойно с ними справлялся.

После того, как все вещи оказались в багажнике и все заняли свои места, я выехал с парковки, оплатив талон, и направился к центру города. Я смотрел вперед, не в силах взглянуть им в глаза, и изо всех сил боролся с желанием выпалить то, что беспокоило меня. И что еще хуже, у меня никогда не получалось поддерживать непринужденную беседу.

Мы приехали в загородный дом и, быстро разгрузив машину, занесли все вещи внутрь. Когда взгляд моей матери остановился на Инес, я понял, что она догадалась. Ее глаза широко распахнулись, нижняя губа задрожала, и она повернулась и посмотрела на меня. Представив их друг другу, я попросил маму отвести Адриана на прогулку и взять с собой Эрика в качестве охраны.

Я прекрасно понимал, что у меня не получится скрыть все. Мне следует поговорить с ними до того, как я привезу Селену из больницы. Поэтому, как только багаж оказался в отведенных для них комнатах, я спустился к ним.

— Я бы хотел переговорить с вами, прежде чем Селена приедет домой.

— Что случилось? С ней все в порядке?

— Все чудесно.

И у нее от меня будет ребенок. Я постарался не заикливаться на этом, потому что подозреваю, что могу просто пуститься в пляс.

Они обменялись взглядами, которые я могу описать только как настороженные, но мне хотелось узнать правду. Селена заслуживает знать, но сейчас она не в том состоянии, чтобы беспокоить ее всем, что происходит. К тому же, Колетт все еще не поймали, что уже само по себе опасно. Если и существует способ спасти мою Селену, защитить ее, возможно, это он и есть.

Позабывшись, чтобы они с удобствами разместились на диване, а на столике стояли освежающие напитки, я опустил на стул напротив них. Наклонившись вперед, я оперся локтями о стол и внимательно посмотрел на двух людей, чьи жизни я сейчас разрушу. Устрою своего рода апокалипсис, который уничтожит их мирную жизнь.

Я прочистил горло.

— *Месье и мадам* Майклз, — начал я и остановился. Черт. — Энтони и Инес. Я испытываю к вашей дочери очень сильные чувства, поэтому все это будет очень трудно, — на лице Инес появилось обеспокоенно выражение, а ее супруг обнял ее рукой за плечи, притягивая к себе.

Хорошо. Ей понадобится поддержка.

Она нервно рассмеялась.

— Ты заставляешь меня нервничать.

— Простите. Это не намеренно, — время сорвать защитные барьеры. — Я еще раз приношу свои извинения за то, что подверг вашу дочь опасности. Но недавно произошли события, которые пролили свет на все происходящее. Поэтому я перейду к делу и спрошу: где родилась Селена?

Инес ахнула, и все краски резко схлынули с ее лица.

— Что?

— К чему все это, Ремингтон? — хмурясь, спросил Энтони.

Я сжал челюсти, крепко зажмурился, а когда снова открыл глаза, на меня смотрели две пары глаз.

— Я наткнулся на кое-какую информацию о Селене. И о вашей другой дочери. Не Марли.

Энтони вскочил со своего места и вплотную подошел ко мне, в его глазах сверкало удивление и гнев. Он ткнул пальцем мне в лицо, глядя на меня.

— Какого черта, ты... — поколебался он. Он тыкал в меня пальцем, не произнося при этом ни слова и тяжело сглатывая. Затем он убрал руку, провел ею по волосам, и, остановившись на задней части шеи, начал потирать ее.

Я выжидал, мое сердце бешено стучало.

— У тебя нет никакого права копаться в жизни других людей, — с горечью сказал Энтони, глядя на свою жену. — Не буди лихо, пока оно спит тихо.

Я машинально посмотрел туда же, куда и он.

Твою мать.

Я поднялся и, обойдя стол, присел на корточки перед Инес.

— Мне очень жаль. Я причин вам боль, но это не входило в мои намерения.

— Она в порядке, — прервал меня Энтони, притягивая жену в свои объятия, словно пытаюсь защитить от меня. Я налил в стакан воды и передал его Инес. Энтони принял его, яростно сверкнув глазами, а затем повернулся к жене и что-то тихо ей прошептал.

Я уселся обратно на стул, выжидая, пока Энтони и Инес придут в себя.

— Я в порядке, — наконец-то сказала Инес, выпрямляясь. — Все в порядке, Энтони. Думаю, пришло время. Но сначала я хочу узнать, какая информация у вас есть.

Энтони с негодованием замотал головой, успокаивающе потирая руки жены и целуя ее в лоб.

— Я больше не могу держать это в себе. Пожалуйста, любимый. Только... — она повернулась лицом ко мне, расправила плечи, и на ее лице появилось решительное выражение. И в этот момент я понял, от кого моя женщина унаследовала свою отвагу.

Моя женщина.

Моя Селена.

Сердце в груди ёкнуло.

Чертовски верно. Селена моя. Клянусь, что буду защищать ее всеми возможными способами. Даже если придется докопаться до истины этой тайны.

Это заявление только укрепило мою решимость. Сложив ладони домиком, я постарался казаться терпеливым и спокойным, хотя на самом деле, все, чего мне хотелось — вытрясти из них информацию.

— Я готова. Пожалуйста, расскажи мне, — попросила Инес, не сводя с меня глаз.

Я сделал глубокий вдох, а затем начал свой рассказ с той самой секунды, когда встретил Селену в холле отеля, опуская детали, из-за которых я бы выглядел, как похотливый дьявол. Закончив, я рассказал им о Колетт — девушке, с которой познакомился, на которой женился и которую затем потерял через пять лет.

— И какое отношение Селена и Колетт имеют друг к другу? — спросил Энтони.

— Выяснилось, что Колетт не погибла, как я думал. Это она та женщина, которая напала на Селену.

— Где она? Почему ее не арестовали?

Я потер лоб, пытаюсь ослабить напряжение, сковавшее голову, и рассказал им, что произошло, когда в последний раз Жиль, Алексей и я посетили ее квартиру.

— Боже мой! Она, похоже, опасна! Кто эта женщина?

Я внимательно смотрел на Инес и впервые в жизни жалел, что не сохранил хоть какие-нибудь фотографии Колетт для такого случая.

— Я тоже задавал себе этот вопрос, пока не увидел вас, Инес. Колетт ваша точная копия.

— Ох, Господи, нет. Нет. Этого не может быть, — Энтони крепко обнял ее и поцеловал в лоб, шепча успокаивающие слова. Наконец, она отстранилась и промокнула глаза платочком, который передал ей муж, а затем неуверенно улыбнулась мне. — Полагаю лучше начать с начала, — она тяжело вздохнула, и сжала руку мужа, словно нуждалась в каждой крупице энергии, которую можно было получить.

— Двадцать шесть лет назад, мы... Энтони, я и... моя малышка... собрались и переехали из Парижа в Нью-Йорк.

Я прекратил дышать и ждал. Руки сами по себе сжались в кулаки.

Энтони прокашлялся.

— Инес... моя жена, как раз родила Селену, — он сделала паузу, его лицо исказилось от боли, и потребовалось какое-то время, прежде чем он смог продолжить. Инес облокотилась на мужа, тихонько всхлипывая.

— У меня было две дочери, — подхватила рассказ Инес. — Старшей девочке было четыре года. Она у меня от мужчины, с которым я была в отношениях до Энтони. Ее звали Диана.

— Звали?

Она кивнула.

— Звали. Зовут. Как-то осенью Диана все утро была беспокойна, и я повела девочек на прогулку, надеясь, что немного свежего воздуха пойдет им на пользу. Мы отправились в ближайший парк. Там проводился детский фестиваль, и было очень много народу. Я отвернулась буквально на несколько секунд, максимум на десять, чтобы поправить одеяльце и защитить Селену от прохладного воздуха, а когда оглянулась, Диана уже исчезла. Исчезла, как будто ее никогда и не существовало. Никто не видел ее, и никто не видел, чтобы ее кто-то забирал, как и того, чтобы она уходила. Несколько месяцев полиция вела поиски и в итоге сообщила, что это безнадежный случай. Боже, ей было всего четыре годика.

Я откинулся на спинку стула и обхватил голову руками.

Иисусе!

— Как долго вы искали свою дочь?

— Достаточно долго. В итоге, мы уехали. Я не могла оставаться здесь. Слишком много

воспоминаний.

Я встал и начал мерить шагами комнату. Ноги казались слабыми, а по спине струился пот.

Боже мой! Я женат на одной сестре, а теперь собираюсь жениться на другой? Я попытался понять ситуацию, но у меня ничего не вышло. Так странно, не правда ли?

— Где... Колетт сейчас? — спросила Инес.

Я покачал головой.

— Мой друг владеет охранной фирмой, но ему не удалось отыскать ее, — я бросил взгляд на часы, я затем снова посмотрел на Инес. — Я должен забрать Селену из больницы, но я бы хотел попросить вас не обсуждать это все с ней. Не уверен, что она окончательно поправилась. И, Боже, помоги мне, я намерен защищать ее всеми доступными мне способами.

— Но она же ее сестра, — возразила Инес.

— Которая пытается убить ее. Сейчас в жизни Селены происходят некоторые перемены, — я раздраженно вздохнул. — Пусть она сама вам расскажет, — ни в коем случае я не собирался отбирать у нее это право. Сначала она очень волновалась, гадая, как родители воспримут новость о том, что она беременна, после того, через что ей пришлось пройти за последние два года. Затем она воодушевилась и сообщила мне, что сама им обо всем расскажет.

Показав родителям Селены их комнаты, я вышел из загородного дома и поехал в больницу, но в итоге просто кружил по городу. Пятнадцать минут спустя я заехал на парковку, не в силах дальше вести машину. Подробности того, что случилось с Дианой/Колетт, не выходили у меня из головы и впервые после того, как я встретил Селену, я задался вопросом. Меня потянуло к ней только из-за ее схожести с Колетт? Но как такое возможно, если я ненавижу Колетт всей душой, и люблю Селену всем сердцем? Ничто не указывает на их родство, и только тест ДНК может доказать, что они сестры.

Черт. Я уронил голову на руки, лежащие на руле. Мне нужно срочно принять решение. Селена заметит мое состояние, начнет волноваться, а в ее состоянии это совершенно излишне. Я намерен защищать ее, даже если ради этого мне придется поступиться собственными правилами.

Я собираюсь солгать своей невесте.

Я резко сел, когда до меня дошел смысл моих мыслей. С тех пор, как встретил ее, уже не единожды я нарушал свои правила.

Я люблю ее.

Я завел машину и поспешил в больницу. Желание увидеть ее только крепло от того, что мы находились вдали друг от друга.

Ремингтон

Я сидел, держа за руку свою невесту и наблюдая, как она общается с сестрой и родителями. Большим пальцем руки я поглаживал тыльную сторону ее ладони, не в силах отказать себе в этом удовольствии. Последние дни она вроде бы стала поспокойнее, и перепады настроения случались реже благодаря когнитивно-поведенческой терапии, которой она следовала после того, как очнулась от комы. В тот вечер, когда я привез ее из больницы, Инес и Энтони пожелали переговорить со мной. Они выразили свое беспокойство по поводу Селены и ребенка и по поводу того, что я сделал предложение слишком быстро, с учетом того, что мы знаем друг друга не так уж и долго. И у них было право волноваться. Представляю себе, через что им пришлось пройти после того, как Селена потеряла ребенка и развелась с мужем. И хотя я был твердо намерен показать им, что она значит для меня гораздо больше, чем трехмесячная интрижка, мне хотелось, чтобы окончательное решение было за ней. Она все объяснила своим родителям вчера, когда между ними состоялся разговор на эту же тему. Встретив ее, я каким-то образом догадался, что она изменит мою жизнь. Но все же я не думал тогда, что сделаю ей предложение. Это только доказывает, какое сильное влияние она оказывает на меня.

Поднеся ее руку к губам, я поцеловал костяшки пальцев. Я не из тех, кто стесняется проявлять свои чувства на публике. Я люблю ее и хочу, чтобы все вокруг знали, что она принадлежит мне. Мое сердце пропускает пару ударов всякий раз, когда она оборачивается ко мне и улыбается, словно знает, что мне это необходимо.

И мне, правда, это необходимо.

Каким-то образом я чувствовал себя нужным, когда она поворачивалась, чтобы показать, что она помнит, что я рядом с ней. Мне не хотелось вмешиваться в воссоединение семьи. К тому же мой мозг по-прежнему пытается разобраться с ситуацией с Колетт. Каждый раз, когда я думаю о ней — а это случается довольно часто — меня охватывает ужас. Что, если Селена уйдет, когда узнает правду? Время на исходе. Мне нужно придумать, как рассказать ей обо всем, но сейчас необходимо сосредоточиться на том, что происходит вокруг меня, прежде чем Селена заметит, что что-то не так. После того, как мы вернулись из Марселя, она уже спрашивала меня несколько раз, все ли в порядке, и я был вынужден ответить «да». Мне ненавистна ложь, особенно когда я лгу ей. Но на этот раз я вынужден пойти против собственных правил.

Мы не стали рассказывать Адриану про ребенка, так как Селена переживала, что что-то может случиться, и хотела дождаться, пока ее выпишут из больницы здесь в Париже.

Как только вошел, он сразу же помчался к нам, поцеловал меня, а затем рванулся к Селене, запрыгнул ей на колени и крепко обнял ее.

— Я скучала по тебе, тигренок, — сказала Селена, широко улыбаясь, когда маленькие ручонки Адриана обвили вокруг ее шеи. Мое сердце сжалось, пока я наблюдал за ними обоими.

Моей невестой и моим сыном.

Мы с Селеной обменялись взглядами, и я кивнул ей, чтобы она сообщила ему новости. На данный момент я понятия не имею, как Адриан отреагирует на то, что у него появится

братик или сестричка.

— Мы должны кое-что тебе рассказать, Адриан, — сказала Селена, и он сосредоточенно посмотрел на нее.

— Мы поедem в Евро-Дисней? — предположил он, широко распахнув полные надежды глазки.

Я ухмыльнулся, как и все в комнате.

— Нет. Новость не столь знаменательная, — призналась Селена, отбрасывая волосы с его лобика. — Ты же знаешь, что твой папа и я собираемcя пожениться.

Он кивнул и улыбнулся.

— Я буду нести кольца, не забыла?

Селена рассмеялась.

— Да, конечно помню. И так, как ты отнесешься к тому, что у тебя появится маленький братик или сестричка?

— Очень маленький? — нахмурившись, спросил он.

— Совсем малыш.

— Малыш, — он сморщил носик и посмотрел на живот Селены. Как только он открыл рот, с его губ непрерывным потоком потекли вопросы. Он хотел знать, как будут звать малыша, можно ли ему будет спать в комнате маленького, будет ли он или она есть обычную еду, как все остальные. Последний вопрос буквально ударил меня под дых. Он опустил взгляд и прошептал:

— Ты, мама и бабуля, вы будете по-прежнему любить меня, когда появится малыш?

— Всегда. Ничего не изменится, когда родится ребенок.

— Я поделюсь с ним своими игрушками, — он робко улыбнулся и именно в этих словах я услышал, что он жаждет компанию, хочет иметь братьев и сестер.

К восьми часам Селена начала зевать. Пожелав всем спокойной ночи, я провел ее наверх, а впереди нас шел Адриан.

— Можно мне сегодня поспать в твоей кровати? — спросил Адриан, сбросив ботинки и носки и запрыгнув на кровать.

Я схватил его и зацекотал.

Селена быстро переоделась и через несколько минут уже тихо посапывала, а Адриан беспокойно ерзал у меня под боком, пока я пытался почитать ему сказку. Я вздохнул, чувствуя умиротворение и наслаждаясь мгновением. Я решил задвинуть мысли о Колетт куда-нибудь подальше.

Ремингтон

Пока Селена дремала, заехал Жиль и привез документы, подтверждающие, что Колетт и Диана на самом деле один и тот же человек. После того, как мы наведались в квартиру Колетт в первый раз и Алексей отвез нас в больницу, Жиль дал ему указания сразу же вернуться обратно и поискать что-нибудь, что можно было бы использовать для ДНК-теста.

Невероятно больно наблюдать, как Инес пытается смириться с тем фактом, что ее давно утраченная дочь все еще жива и пытается навредить Селене. Меня снова озарило. Две женщины, родные сестры по матери, обе играют некую роль в моей жизни. Я любил первую, потерял ее и теперь презираю за все то, что она причинила моему сыну и мне. Затем появилась вторая. Мы нашли друг друга, я люблю ее и не собираюсь отпускать. У судьбы довольно извращенное чувство юмора.

— Так что ты думаешь по поводу вот этого? — поинтересовалась Селена, своим вопросом отвлекая меня от мрачных мыслей.

Я оторвал взгляд от бухгалтерских книг, лежащих на моем столе, и посмотрел на блокнот, который она демонстрировала мне с дивана в другой части комнаты.

— Сексуально. Что это?

Она закатила глаза.

— Лифчик, — гордо заявила она и продолжила рассказывать о том, что она сделала несколько звонков, пытаясь найти швею для своих проектов.

На столе завибрировал мой мобильный, прерывая наш разговор. Я нахмурился, увидев, что на экране высветилась надпись «Неизвестный абонент».

— Сен-Жермен.

— Приятно слышать твой голос.

Я замер, вцепившись одной рукой в стол.

Черт! Колетт. У меня так много вопросов и я хочу получить на них ответы. Но я не могу допрашивать Колетт в присутствии Селены.

— Ладно. Можешь подождать минутку? Я узнаю, сможет ли она поговорить с тобой.

— Она там, да? Сука, которая пытается отобрать у меня тебя и Адриана, — я представил, как она ухмыляется, пока произносит это.

От ее слов перед глазами все потемнело от ярости. Я сжал телефон в руке, быстро чмокнул Селену в губы и вышел из комнаты, сделав вид, что звонивший хочет поговорить с моей матерью.

— Где ты? — спросил я, когда поднялся наверх и меня никто не мог услышать.

Она рассмеялась.

— Думаешь, я дурочка? Ну да ладно, как ты, любовь моя? Тебе понравились ирисы? Помнишь, тебе нравилось присылать мне их в знак признания нашей любви?

В горле образовался комок.

— У тебя нет права задавать мне этот вопрос и никогда не будет, — я сделал глубокий вдох и попытался успокоиться. Да, я действительно предпочитал ирисы, когда мы с Колетт встречались. Также я посылал ирисы женщинам, с которыми встречался после ее мнимой смерти. Я видел, как гроб опустили в могилу, черт подери. Не позволю ей отвлечь меня

упоминанием о цветах.

— Где ты была все эти годы?

Повисла долгая пауза.

— Я хочу вернуться домой.

— Сначала расскажи мне все, — я старался не показывать ей своего нетерпения, иначе она могла прервать звонок.

Она вздохнула.

— Тянула время, чтобы получить прощение. Я приехала в Париж неделю спустя после крушения и сразу поехала домой, спеша сообщить тебе, что не погибла. Но увидела, как та женщина... мадам Жирар, покидает дом и поняла, что она рассказала тебе обо мне и своем муже. Ремингтон, это ничего не значило. Я всегда любила тебя...

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

Гнев застлал мне глаза, сводя на нет все ее мольбы.

— Замолчи, черт тебя подери, замолчи, — рявкнул я в телефон. Она сделала, как я велел. — Как тебе удалось пробраться в замок?

Она рассмеялась. Я раздраженно заворчал.

Что смешного в моем вопросе?

— Я проскользнула внутрь, пока Адриан и тот парень, который охраняет его и сучку, — она сделала несколько глубоких вдохов, словно пытаюсь держать себя в руках, — были возле бассейна, и забрала диск.

Я крепко зажмурился, надеясь облегчить тупую головную боль, которая разлилась в затылочной части. Затем открыл глаза и посмотрел на потолок.

— Ты что не понимала, что Адриан мог пострадать? Твой собственный сын?

Она всхлипнула.

— Мне так жаль. Моим единственным намерением было напугать ту женщину, чтобы она уехала. Я не собиралась никому вредить. Но она не уехала, и это только разозлило меня еще сильнее, — последнее предложение она произнесла ледяным голосом.

Боже мой, эта женщина сумасшедшая. Неужели она не испытывает угрызений совести за содеянное?

— Ты никогда не задумывалась над своими поступками и никогда не будешь, — процедил я сквозь зубы. К черту терпение. — Из-за того, что ты натворила, я чуть не потерял двоих людей, которых люблю. Боже, да ты больна. Тебе нужна помощь, — я запнулся и глубоко вздохнул. — Как тебе удалось пройти незамеченной мимо охраны? Ты чуть не убила Селену, — я вцепился в подлокотник кресла, когда до меня дошло. *Я чуть не потерял Селену.*

Я вскочил и начал мерить шагами комнату — ярость грозила разорвать меня на части. Я не слышал ничего, кроме шума крови в ушах.

Успокойся. Может, по крайней мере, удастся выпытать у нее больше информации, например, где она живет или что-нибудь, чтобы Жиль смог ее отыскать.

— Зачем, Колетт? Зачем ты подстроила свою гибель? — задал я вопрос, который мучал меня с того момента, когда я узнал, что это она строит козни в моей жизни. — Как ты могла так поступить с родным сыном?

— Моя работа обеспечивала мне свободу, которую я хотела. Когда я уехала из Парижа, я почувствовала себя свободной. Никаких привязанностей. А затем упал самолет, и я поняла, что если вернусь домой, потеряю ту свободу, которая у меня есть.

— Поэтому ты разыграла свою смерть. Чего я не могу понять, если ты так хотела свободы, почему ты просто не попросила развода? Я бы не стал препятствовать.

— Слушай, я допустила ошибку, ладно? Помнишь, ты говорил, что любишь меня так сильно, что последуешь за мной на край света? Что будешь всегда ждать меня, не важно, как много времени у меня займет вернуться домой? — спросила она. Слова путались, так она торопилась их произнести. Она продолжила изливать на меня поток слов, но я не мог понять, о чем она говорит.

Связность речи пропала минут пять назад, сменившись тем, что мне показалось сумасшествием.

— Мы были молоды. К тому же это было до того, как я узнал, что у тебя есть привычка разрушать семьи. Тебе было мало одного меня. Всегда мало.

Она довольно долго молчала. Неужели сбросила звонок?

— Так значит, это правда — ты любишь ее. Это потому, что она похожа на меня?

Я сцепил зубы.

— Нет. Я люблю ее потому, что она твоя полная противоположность.

— Если ты не будешь моим, тогда не будешь принадлежать никому, — в ее голосе снова зазвучал лед, а затем она сбросила звонок.

Селена

Машина остановилась перед загородным домом. Заглушив двигатель, Ремингтон положил руку мне на колено и легонько сжал его. Доминирующе. Властно. И мое тело вспыхнуло, как и всегда, когда он прикасается ко мне. Я задрожала, откинула голову и повернулась посмотреть на него.

Боже. Это выражение на его лице.

Он продолжал смотреть на меня, блуждая по лицу голодным взглядом, а затем провел языком по нижней губе и прикусил ее.

Черт подери! Я не в силах больше терпеть. Выглянув в окно, я убедилась, что поблизости никого нет. Ближайший сосед живет ниже по улице. К тому же, деревья, растущие вокруг, защищают нас от нежелательных взглядов.

Затем я отстегнула ремень безопасности, выскользнула из пальто, перелезла через приборную панель и забралась Ремингтону на колени. Зарывшись пальцами в его волосы, я потянула их так, как он любит. Он вздрогнул и закрыл глаза, а в глубине его горла зародилось рычание.

Боже, как мне нравится этот звук.

— Спасибо, что так терпелив со мной, — он медленно открыл глаза и лениво наблюдал за мной, зажав нижнюю губу между зубами. — Я знаю, что со мной трудно, я часто бываю не в духе и, возможно, новый уровень сложности проблем...

Он прижал палец к моим губам, вынуждая замолчать.

— Ты не проблема. Твоему телу нужно время, чтобы приспособиться к ребенку. Как сегодня голова? Не кружится?

— Кружилась с утра, но сейчас я в норме. Доктор выдал мне болеутоляющее, — я поерзала у него на коленях, прижимаясь к выпуклости под джинсами. — Ты и я — мы неизбежно должны быть вместе. Так было предначертано. И потребовался удар по голове, чтобы я поняла это.

— Так и есть, — ладонями он заскользил по моим ногам, пробрался мне под платье и остановился на бедрах. — Я понял это в ту секунду, когда встретил тебя в отеле «Л'Арк». Те чувства, которые я испытал тогда, повергли меня в ужас, но, как выяснилось, у меня не было причин бояться.

Я изучала его лицо. Какие мысли кроются за этими зелеными глазами? Уже не первый день он ведет себя загадочно и отстраненно. Пару раз у меня получилось загнать его в угол, но каким-то образом ему удавалось уйти от ответов. А мои непоседливые мысли не сильно помогали, потому что я напрочь забывала, о чем мы говорили. Я не сомневаюсь в его чувствах ко мне. Этот мужчина пользуется любой возможностью, чтобы побаловать меня, при этом серьезно относится к рекомендациям врача, что уже довольно мило.

Нет. Происходит что-то еще, и меня злит, что я не знаю, что беспокоит мужчину, который славится своей внимательностью.

— Что происходит, малыш?

Выражение его лица сразу же изменилось.

— Что ты имеешь в виду?

Я улыбнулась.

— Ты совсем не умеешь притворяться. На «Оскар» не тянет, серьезно. Почему ты не хочешь рассказать мне в чем дело?

Он вздохнул, убрал руки из-под моего платья и положил их мне на бедра. Опустив взгляд на мою грудь, он облизнул нижнюю губу.

— Теперь, когда ты дома, где тебе самое место, я буду в порядке.

— Я дома уже пять дней.

Он сжал челюсти. Мне знаком этот взгляд. Он не собирается ничего мне рассказывать. Последние несколько дней я только и делала, что волновалась. Ради ребенка мне лучше прислушаться к совету доктора.

— Надеюсь, что в ближайшее время ты все же соберешься с духом и поговоришь со мной, — я потянула подол платья, задирая его до талии.

— Что ты делаешь, *ma belle*? — спросил он хриплым голосом, в котором сквозило удивление и желание. Он смотрел на меня из-под полуприкрытых век, а его руки тем временем вцепились в мои бедра, нежно их сжимая.

— Это зависит от того, что ты хочешь, чтобы я сделала, Сен-Жермен, — я поерзала на его коленях, пока не почувствовала, что его огромный член упирается туда, где я хочу его больше всего.

Он выгнул бровь.

— Чувствуем себя немного дерзкими, да?

— Дерзкой и безумно возбужденной.

— Черт подери! Мне хочется проделать с тобой кое-что очень неприличное.

— Да? Например?

Он поерзал на сиденье, приподнял бедра и одновременно потянул меня вниз, прижимая к выпуклости на своих джинсах.

— Например, жестко трахнуть тебя. Боже, как же мне этого всего не хватало. И думаю, я должен наказать тебя за то, что дразнила меня по телефону, — он переместил руку вперед и прижал ладонь к моей киске, настойчиво потирая ее.

— Эта сладкая киска, — он убрал руку, обхватил меня за шею и притянул к себе. Прижавшись к моему рту, он жадно меня поцеловал, а затем прикусил мою нижнюю губу, и я ответила, желая ощутить его, его язык и его член во мне. Он одобрительно зарычал, приподнимая бедра, вращая ими. Я прижалась к нему, мечтая об удовлетворении, которое только он может мне дать.

— У тебя будет от меня ребенок. *Наш* ребенок, — пробормотал он мне в губы. Я ощущала, что он улыбается. — Ты будешь выглядеть такой красивой, такой чертовски идеальной. Не то чтобы у меня не захватывало дух от тебя сейчас, но, *Боже мой!* Я уже вижу возможности.

— Возможности чего?

— Что ты сведешь меня с ума своей фигурой и прочими прелестями.

— Черт возьми, Ремингтон. Я хочу, чтобы твой большой член заполнил меня сию секунду. Знаешь, как много времени прошло с тех пор, когда ты проводил Ремингтон-восстановление меня? Века.

Его плечи затряслись, а затем он откинул голову назад и с его губ сорвался этот низкий глубокий звук. Боже, его смех настолько красив. Афродизиак, потому что я полностью возбуждена.

— Теряешь баллы, Сен-Жермен.

Он ухмыльнулся.

— Я думал, мы оставили систему баллов позади.

— Тебе бы этого хотелось. Но как иначе я заставлю тебя делать то, что я хочу? — спросила я, наклоняясь к нему и целуя его в подбородок. Я застонала, когда его щетина заколола мне лицо, а затем прикусила его за подбородок.

Он обхватил мое лицо своими ладонями, чтобы удостовериться, что я смотрю ему в глаза. Яростно. Страстно.

— Я всегда буду исполнять все твои желания. С баллами или без них, — и чтобы подтвердить сказанное, он положил руку туда, где она была раньше, проскользнул в трусики и ввел в меня палец, внимательно наблюдая за мной.

— Глубже. Сильнее.

Он замер.

— Я не хочу поранить тебя.

— Не поранишь. Обещаю.

Его толчки поначалу казались неуверенными, затем стали смелее. Он прижался губами к моей шее, оставляя на ней дорожку поцелуев и пробормотал:

— Ты не боишься, что нас кто-нибудь увидит? — я отрицательно помотала головой, еще сильнее возбуждаясь от мысли, что мы занимаемся столь неприличными вещами. — Когда ты стала такой дерзкой, *ma belle*?

— В тот момент, когда ты пообещал мне три месяца разврата и гедонистического удовольствия. Ну же, Сен-Жермен.

— Мне безумно нравится, что ты такая чувствительная.

Я склонилась вперед, покусывая его подбородок.

— У меня для тебя сюрприз.

Он выгнул бровь.

— Что, видимо, означает, что ты мне ничего не расскажешь.

Я кивнула.

— Позже. Сейчас я просто хочу, чтобы ты заставил меня кончить. Боже, мне так нравится, когда ты во мне.

Ремингтон зарычал, быстрее двигая пальцами, трахая меня сильнее и сильнее. Он присосался к моей шее и, целуя, стал спускаться вниз по моему горлу. На плече он замедлился и нежно прикусил его.

Я вскрикнула, кончая, и тут же его порочные губы обрушились на мой рот, поглощая мой крик поцелуем.

— Ты в порядке? — спросил он хриплым обеспокоенным голосом.

Я кивнула, улыбаясь, не в силах дышать.

— Ты заработал несколько бонусных баллов.

Он вытащил из меня пальцы и облизал их, греховно сверкнув своими зелеными глазами.

— Ммм, твой вкус неповторим.

Я поежилась на его коленях, снова чувствуя возбуждение, но не успела ничего сделать по этому поводу, как раздался звук захлопываемой дверцы машины и я, вздрогнув, стала осматривать окрестности вокруг машины.

Ремингтон хмыкнул.

— Я думал, тебя не пугает перспектива быть застуканной за сексом в машине.

— То, чем я хочу заниматься, предназначено только для твоих глаз, — я подмигнула ему и натянула плащ, затем поправила одежду, открыла дверцу машины и вышла наружу, поеживаясь от пронизывающего холода.

Он последовал за мной, поднял воротник пальто и быстро обнял меня за талию, притягивая к себе, пока закрывал дверь и активировал сигнализацию.

— У меня такое чувство, что я не очень нравлюсь твоему отцу.

Я рассмеялась.

— Ему просто нужно немного времени, чтобы он в итоге вознаградил тебя улыбкой. Он не знает тебя, как я.

Его рука на моей спине напряглась, и с губ сорвался тихий стон.

— Что тебе надо? — процедил он сквозь зубы.

Я повернула голову в сторону подъездной дорожки, пытаюсь определить, что стало причиной столь резкой смены настроения Ремингтона. По тропинке к нам шел его отец. Он остановился возле нас, переводя взгляд с сына на меня.

— Сын, — поздоровался он.

— Что тебе надо? — снова повторил свой вопрос Ремингтон, и, клянусь, температура понизилась еще градусов на двадцать.

Ох, ничего себе.

Ремингтон умеет сделать так, чтобы его собеседник почувствовал себя ничтожеством. Я незаметно взяла его за руку и переплела наши пальцы. Он взглянул на меня и его взгляд немного смягчился, а тело слегка расслабилось.

— Ты не отвечал на мои звонки, — сообщил Ремингтон-старший, сцепив руки перед собой и слегка склонив голову набок. Он напомнил мне босса мафии.

— Вижу, ты намеков не понимаешь, — ответил Ремингтон. — У меня нет на это времени, — он развернулся, собираясь уйти.

— Сын, — его отец сделал шаг вперед и ступил на дорожку, ведущую к дому. — Ремингтон.

Ремингтон остановился, его хватка на моей руке усилилась. Он выругался по-французски, затем выпустил мою ладонь и развернулся лицом к отцу.

— Калев в порядке?

Его отец кивнул.

— Хорошо. Больше мне нечего тебе сказать. Мы попрощались еще в Лондоне. Не припоминаю, чтобы звал или приглашал тебя в свой дом.

Ремингтон-старший смотрел на сына в течение нескольких секунд, затем нахмурился и быстро опустил взгляд на носки своих туфель.

Я положила руку на поясницу своего мужчины и легонько надавила, затем прижалась к нему и поцеловала в плечо.

— Дай ему шанс, малыш, — прошептала я ему на ухо. Он обернулся и, нахмурившись, посмотрел на меня. — И прекрати хмуро смотреть на меня. Я же сказала, что это заводит меня. Ты ведь не хочешь, чтобы я продемонстрировала свои таланты на глазах у твоего отца, правда? — я подмигнула ему. Его губы изогнулись, пока он старался подавить улыбку, при этом по-прежнему хмурясь.

Нас прервал звук открывающейся двери. Я повернулась, как раз, когда из двери вылетел Адриан

— Папа! Мама! — крикнул он и понесся к нам. Ремингтон обошел меня и подхватил

Адриана прежде, чем его крошечное тельце врезалось в меня. Кажется, этот мужчина готов защищать меня от всего. И, наблюдая за ними, мне сдавило грудь. *Господи, как же я люблю их.*

— Это... мой... внук?

Ремингтон покачал головой.

— Мы ничего не будем выяснять в присутствии моего сына.

Ремингтон

ДЕРЬМО!

Я не могу решать этот вопрос здесь. Какого черта он хочет? Последний раз, когда мы виделись в Лондоне, он, как обычно, вел себя, как высокомерная задница. Он едва ли сказал мне с десятков слов, не то чтобы меня это волновало. Я ездил туда ради Калеба, и это единственное, что имело значение.

— Ремингтон? — я повернулся, услышав шокированный голос матери, которая появилась в дверях. Ее глаза широко распахнулись, и взгляд заметался между мной и отцом, но она быстро пришла в себя, расправила плечи и устремилась к нам быстрой целенаправленной походкой. — Ремингтон Ньюпорт. Что ты здесь делаешь?

— Я надеялся, что у меня появится возможность переговорить с нашим сыном, — отец перевел взгляд на меня, затем на Адриана и, наконец, на Селену. — Послушай, мне просто необходимо сказать тебе кое-что, и затем я уеду и больше не стану беспокоить тебя.

— Кто это, папочка? — осторожно спросил Адриан, не сводя взгляда с моего отца.

Черт возьми! Не так я себе представлял встречу Адриана с дедушкой. Я спустил Адриана на землю и подтолкнул его к Селене.

— Отведи его в дом, пожалуйста.

— Не стоит...

Я замер и резко развернулся в поисках источника такого знакомого мне голоса.

— Колетт? — даже мне мой голос показался испуганным. Мне не следовало удивляться, что она появилась здесь, но я все равно удивился. Я стоял и беспомощно наблюдал, как мое прошлое сталкивается с моим настоящим. Она появилась из-за угла дома и уверенно направилась к нам, но в ее глазах отражались совсем иные чувства.

Ее глаза покраснели, а безумный взгляд заставил меня встать поближе к Селене. Губы Колетт покрасила ярко-красной помадой, отчего ее лицо казалось неестественно бледным. Изможденный образ довершал темный плащ длиной до колен, скрывавший ее хрупкую фигуру.

— Что ты здесь делаешь? — я сделал два шага, чтобы прикрыть собой Адриана и Селену.

Я бросил взгляд на свою мать, надеясь, что она поймет мой сигнал и вернется в дом. Но она не сводила глаз с Колетт.

— Хмм, давай подумаем. Что я здесь делаю, — растягивая слова, произнесла Колетт. — Я здесь, потому что хочу быть с тобой и Адрианом. Ремингтон, любимый, я так долго ждала, когда мы сможем быть вместе. Когда мы снова станем семьей.

Я услышал, как Селена резко втянула воздух. Блядь. Где парни Жилия? Именно сегодня я попросил их встретить меня у дома, и теперь случилось это.

— Не волнуйся, Ремингтон. Твоей охраны здесь сейчас нет.

Я оглянулся через плечо.

— Мама, Селена. Идите в дом и заберите с собой Адриана.

— Нет, никто никуда не идет. Мы должны расставить все точки над «i» здесь и сейчас, и мне нужны свидетели в тот момент, когда ты, наконец-то, согласишься снова быть со

мной. Привет, Адриан, помнишь меня?

Где-то за моей спиной захныкал Адриан.

— *Немедленно* идите в дом!

— Я же, черт возьми, сказала нет! — услышав щелчок, я быстро обернулся. Колетт стояла метрах в пяти и целилась в нас из пистолета.

— Убери пистолет. Мы с тобой пойдем куда-нибудь и поговорим, хорошо? Они нам не нужны, — предложил я, надеясь задобрить ее своими словами.

— Ремингтон, *нет*, — услышал я умоляющий и полный беспокойства голос Селены. — Колетт? Твоя *погибшая* жена? Что происходит? И... о, Боже, ее лицо... я помню ее... этот голос. Это она напала на меня в Провансе. Она... она похожа... на мою мать.

— Селена? — позвала Инес свою дочь голосом, столь похожим на голос самой Селены. — Это ты? Мы слышали шум на улице и решили проверить, что происходит.

— Мама? О, мама, — ее голос звучал так, будто она готова расплакаться, но затем Селена сердито спросила: — Почему эта женщина так похожа на тебя?

Я услышал резкий вдох, но не мог себе позволить обернуться. Ни за что на свете я не отведу взгляда от Колетт. Она уже достаточно причинила боли моим близким.

— Диана? — в унисон произнесли Инес и Энтони.

— Она та женщина, о которой ты говорил нам, Ремингтон? — спросила Инес, и в ее голосе послышались надежда и тоска.

— Что? Ремингтон, ты знал кто она? Как давно ты знаешь?

Все вышло из-под контроля. Я вытащил из кармана телефон и убедившись, что Колетт отвлеклась на драму, разворачивающуюся перед нами, набрал номер Жилия и спешно засунул телефон в передний карман рубашки, молясь, чтобы Жиль ответил на звонок.

— ЗАТКНИТЕСЬ, ВАШУ МАТЬ! — проорала Колетт, ее лицо покраснело, а глаз выпучились. Я поверить не мог, что в эту женщину когда-то много лет тому назад был влюблен. — А теперь, кто-нибудь, кроме коровы, пытающейся увести у меня мужа, может рассказать мне, кто, черт возьми, эти люди?

Неужели она настолько слепа, что не замечает сходства между Инес и собой? Или сумасшествие так овладело ею, что она не замечает ничего, кроме своего эгоизма?

— Колетт. Меня зовут Инес и я уверена, что ты моя дочь, Диана.

— О, мой Бог, Колетт... *она* моя сестра? — спросила Селена. — Значит... ты женился... на моей сводной сестре? — Селена часто задышала и я начал волноваться, что она потеряет сознание.

Я должен завести ее в дом. Колетт уже продемонстрировала, на какие чудовищные поступки способна. Но слова, которые затем произнесла Селена, повергли меня в шок.

— Так ты поэтому выбрал меня? — произнесла она чуть слышно.

Конечно же, она не может снова верить в это. Я же люблю ее.

— Нет. *Боже мой*, как тебе такое только в голову пришло?

— Доказательство тому прямо перед нами, Ремингтон! — голос Селены дрожал. — Все так запуталось.

Это, кажется, отвлекло Колетт. Она нахмурилась, ее взгляд остановился на моем плече, а затем она приоткрыла рот.

— Это еще что за фокусы? — закричала она. — Ты кто такая? — она направила пистолет туда, где стоял я.

— Выслушай меня, пожалуйста, — заговорила Инес. Краем глаза я заметил, как Энтони

придвинулся к жене, наполовину закрыв ее своим телом. — У меня была дочь, ее звали Диана. Она пропала, когда ей было четыре года. Много лет полиция искала ее, но безрезультатно. Я не видела тебя с тех пор и до сегодняшнего дня. Ты — Диана, я чувствую это сердцем. Ты моя точная копия.

Колетт прищурилась, словно прокручивала в голове ее слова.

— Значит, вы прекратили поиски этой Дианы спустя сколько... несколько лет поисков? И где же ты была все эти годы? Очевидно, не во Франции. Моя мать рассказывала мне, что меня удочерили, что какая-то женщина отдала им меня за некую сумму денег, — глумливо ухмыльнулась она. — Я нанимала частного детектива, чтобы найти своих настоящих родителей. Он не смог разыскать тебя, но сказал, что у него есть доказательства, что ты покинула страну. А поскольку у меня не было денег, я остановила расследование. Неужели я так мало значила для тебя?

— Пожалуйста, пойми, мы оставили наши контактные данные в полиции, на случай если...

Колетт взмахнула пистолетом.

— Довольно, довольно. Слишком поздно. Слишком, черт подери, поздно, — она перевела взгляд на меня. — Хмм, муж. Вижу, ты и моя *сестра* теперь вместе, да? Ты пытался заменить меня? — она сделала шаг ко мне. — Она больше не нужна тебе, ведь я здесь.

— Знаешь, для той, кто утверждает, что любит своего мужа, ты выбрала довольно забавный способ продемонстрировать это, — сказала Селена, и встала передо мной.

Я схватил ее за руку и затолкнул себе за спину, прорывав под нос:

— Господи, Селена. Ты добиваешься того, чтобы тебя убили?

Она проигнорировала меня и вывернулась так, что из-за моей спины торчала только ее голова.

— Ты бросила его. Изменяла ему. Ты лгала ему, инсценировала свою смерть. Какая женщина так поступает с мужчиной, которого любит? Так вот, послушай меня, сестричка, — она ткнула пальцем в направлении Колетт, — ты обращалась с ним, как с куском дерьма. Но знаешь, что? Ты оказалась достаточно слепа, чтобы отказаться от этого особенного мужчины. А теперь у него есть я. У него есть Адриан и чертова семья, которая его любит. Ты получишь его и Адриана только через мой труп.

Наступила тишина. Уверен, что все могли слышать, как бешено стучит сердце в моей груди.

— Селена, — позвал я, не в силах выдать из себя больше ни слова. — Это была самая чертовски невероятная речь, которую я когда-либо слышал.

— Заткнись. С тобой я разберусь позже.

Поверить не могу, но даже после того, как мне заткнули рот, я понял, что возбужден и что люблю ее только сильнее.

— Ну-ну. Почему бы тебе не прекратить прятаться за спиной «твоего мужчины» и не выйти вперед. Скажи мне это в лицо.

— Черта с два она это сделает, — прорывал я. — Тебе нужен я. Ты получишь меня, — я сделал шаг вперед, проигнорировав удивленный возглас за своей спиной.

— Не делай этого, Ремингтон, — *моя мать*.

— Папа, останься с нами. Она сделает тебе больно. У нее пистолет, — *Адриан*.

— Я произнесла эту речь не для того, чтобы ты принес себя в жертву, малыш. Если ты

идешь, то и я тоже.

— Не будь душой, Селена, — прорычал я через плечо. Она ахнула, и ее глаза удивленно распахнулись. Надеюсь, она понимает, чего я пытаюсь добиться. Если и существует способ убедить Колетт, то мне, по крайней мере, нужно продемонстрировать ей, что на самом деле мне плевать на Селену. Хотя, возможно, уже слишком поздно после того, как половину времени я защищал ее.

Но я должен попытаться.

Я проигнорировал все уговоры. Должен был. Иначе эта женщина, которая пытается отнять у меня мою семью, сделает что-нибудь ужасное.

Колетт изучала меня, очевидно, обдумывая мои слова.

— Пойдем, Колетт, — я сделал несколько шагов, чтобы убедиться, что своим телом закрываю ту, в кого она целится. Как только Колетт вытащила пистолет, я сразу понял, что она пришла не по мою душу, а чтобы закончить то, что начала несколько лет назад, когда стала присылать анонимные смс-ки и письма. — Только ты и я.

Я посмотрел в ее глаза, улыбнулся и подошел еще ближе, оказавшись прямо перед ней.

— Убери пистолет.

Она покачала головой. Краем глаза я заметил, как в нескольких метрах от парковки притормозила машина Жилия.

Вовремя, черт возьми.

Двое его парней выскочили из машины, а затем появились Эрик и Жиль. Как только они заметили, что происходит, Жиль несколькими жестами что-то показал своим парням.

Я снова сосредоточил все внимание на Колетт, но продолжал краем глаза наблюдать за Жилем и Эриком.

— Куда бы ты хотела пойти и поговорить? Нас никто не будет отвлекать, я обещаю. Помнишь то кафе, где на следующий день после того, как мы познакомились, прошло наше второе свидание?

Она кивнула, ее глаза заблестели, а на губах появилась улыбка. Я услышал, как всхлипнула Селена, и этот звук почти разрушил мою решимость увести Колетт подальше от дома. От моей семьи.

Но только почти.

— Хорошо. Мы можем поехать на моей машине, — я установил маячок, на случай, если случится что-нибудь непредвиденное. Меня можно будет отследить.

Она метнула взгляд на мой «Фантом» и снова посмотрела на меня.

— Садись в машину и включай зажигание.

— Сначала отдай мне пистолет. Если хочешь поехать со мной, тебе придется отдать мне оружие.

Я не доверяю ей. Когда мы с Колетт только познакомились, она рассказала мне, что окончила курсы стрельбы из пистолета и лука. Мы даже несколько раз посетили местный тир, пока я не осознал, что это совершенно не мое, и не сдался. Поэтому я знаю, что она идеально прицеливается и для нее не составит труда попасть в цель с расстояния десять метров. Она опустила пистолет и протянула его мне рукоятью вперед. Я с облегчением выдохнул и принял его.

Одно дело сделано. Теперь нужно увести ее подальше от того, что принадлежит мне.

Я обогнул машину, подошел к водительской двери и сел на сиденье, а затем быстро потянулся, открыл дверь с пассажирской стороны и застыл. В руках у Колетт был еще один

пистолет, и она целилась в Селену. Я выпрыгнул из машины, и мне показалось, будто все происходит как в замедленной съемке. В воздухе прогремел выстрел, разрывая тишину. Селена, Инес и моя мать упали на землю. Эрик бросился к Колетт, и, схватив ее, боролся с ней, пытаясь отобрать пистолет, а Жиль и двое его ребят бежали к Селене, Инес, моей матери, Энтони и моему отцу. Но где же Адриан? Пошел ли он в дом, как я велел ему?

Боже, пожалуйста, не поступай со мной так.

Пока бежал к Селене, я молился, глядя по сторонам и ища взглядом Адриана.

— Мадам Майклз, вы в порядке? Мадам Майклз! — спрашивал Жиль. Пока я бежал к ней, было такое ощущение, словно ноги не слушаются меня так, как должны.

— Адриан! — выкрикнул я, и сердце ушло в пятки. — Адриан!

А услышав, как Жиль спрашивает Селену, в порядке ли она, на меня нахлынула еще одна волна страха. Где мой сын?

— Мадам Майклз! Откройте глаза, — Жиль мягко похлопал ее по щекам.

— Кто-нибудь, помогите! — раздался голос моей матери. Я оглянулся через плечо туда, где она присела на колени рядом с моим отцом.

— Какого черта? — сначала я должен убедиться, что Селена и Адриан в порядке.

Я протолкнулся мимо огромных тел охранников к Селене, которая лежала на земле, крепко прижимая к себе Адриана. Она лежала спиной по направлению к тому месту, откуда Колетт произвела выстрел.

— О, Господи.

Я опустился на колени и начал ощупывать ее, проверяя, не ранена ли она, а затем проделал то же самое с Адрианом. Селена безостановочно дрожала, но по-прежнему не открывала глаза. Я прикоснулся к ее щеке, давая понять, что это я.

— Все позади, Селена. Открой глазки и посмотри на меня, — в груди зародилась паника, когда она не отреагировала. — Ну же, *ma belle*.

— Папа? — тонким голоском позвал меня Адриан. Селена сразу же распахнула глаза. Она часто заморгала, а затем встретилась со мной взглядом.

Боже мой! После того как раздался выстрел и пока не услышал голос Адриана, мне показалось, что я умер, и не один раз.

— Ты в порядке? — спросил я, когда забрал у нее Адриана и быстро проверил, не ранен ли он, попутно спрашивая, болит ли у него что-нибудь. Убедившись, что он в порядке, я крепко обнял его и похвалил за то, как храбро он себя вел. Велев матери глаз с него не спускать, я повернулся, чтобы помочь Селене подняться.

— Но ведь Колетт выстрелила, *да?* — спросил я в недоумении, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Нужна помощь! — крикнул Эрик. Я быстро обернулся и увидел, что он опустился на колени возле моего отца. Колетт без сознания лежала на земле, обе ее руки надежно сковывали наручники.

— Месье Ньюпорту срочно нужна медицинская помощь, — сообщил Эрик, держа руку на плече отца. — Вызывайте скорую.

— Что случилось...

Черт подери, нет! Я в ужасе уставился на расплывающееся красное пятно на плече отца и на кровь, окрашивающую асфальт, затем быстро вытащил телефон из кармана, собираясь вызвать скорую, но сразу же засунул его обратно. Пожалуй, я быстрее доберусь до больницы, чем они приедут сюда.

— Посади его в машину и зажми рану.

Эрик кивнул. Я повернулся к Селене и увидел, что она невидящим взглядом уставилась в пространство.

— Колетт — моя *сестра*? — прошептала она. — Колетт была твоей женой?

— Давай поговорим об этом позже, ладно? — она не ответила и я, схватив ее за подбородок, заставил посмотреть мне в глаза, а сам при этом отчаянно пытался сдержать нотки страха, сквозящие в моем голосе. — Нам нужно отвезти тебя в больницу.

— Я нормально себя чувствую, — возразила она и провела рукой по животу.

— Я не могу рисковать тобой и ребенком. Мы едем немедленно, — не знаю, сколько сил ей пришлось приложить, чтобы упасть на землю и прикрыть Адриана.

Она кивнула и позволила мне помочь ей подняться с земли.

— Адриан в порядке? А остальные? Мама и папа? — Селена начала задавать вопросы, испуганно вертя головой по сторонам, как только я усадил ее в машину. Заверив ее, что все в безопасности и что Жиль уже везет Колетт в полицейский участок, я сказал матери, в какую больницу мы направляемся, и мы уехали.

— Ты там в порядке?

Я услышал стон, полный боли.

Спустя несколько мгновений после того, как мы выехали, я посмотрел на Селену. Она сидела, откинув голову на подголовник и крепко зажмурил глаза, руки она сжала в кулаки и прижала к коленям. Мне хотелось подбодрить ее, прикоснуться к ней, потому что я не знаю других способов, как успокоить ее, но она вздрогнула и отдернула руку, словно мое прикосновение внушало ей отвращение.

И я не мог ее винить, если так оно на самом деле и было. Я не рассказал ей правду, но не жалею о своем решении. А сейчас тем более, когда знаю ее реакцию на правду. Несколько секунд спустя она переплела свои пальцы с моими, и я с облегчением выдохнул.

Я посмотрел на отца в зеркало заднего вида. Он привалился к Эрику, его остекленевший взгляд встретился с моим.

— Ты принял пулю, предназначавшуюся Селене. Зачем ты сделал это, отец? — задал я вопрос.

— Потому что я должен был спасти женщину, которую ты любишь. Хотя бы раз в жизни, я хотел сделать что-то бескорыстно. Я пытался дозвониться до тебя, чтобы поблагодарить за операцию Калебу, но ты не отвечал на мои звонки и письма. Такой же упрямый, как и твой старик-отец, — он ухмыльнулся, затем улыбка пропала, и он застонал, а его дыхание стало рваным. — Я расспросил Адель о твоей жизни, о твоём сыне. Селене. Я был глупцом и сожалею о всех годах, которые провел вдали от тебя. Я был гордым и совершал ошибки, но мне бы хотелось повернуть время вспять и переиграть все. Адель рассказала мне о несчастном случае с Селеной и о женщине, которая строила тебе козни. При дальнейшем расследовании я выяснил, что Селена беременна. Мне хотелось защитить тебя, защитить ее и всех, кого ты любишь. Я был тебе плохим отцом... — он замолчал и начал задыхаться. — Боже, мне так много нужно тебе сказать...

Слезы обожгли мне глаза.

— Все в порядке. Мы сможем поговорить позже. Просто... пока побереги силы.

Я бросил взгляд в зеркало и увидел, как он упрямо качает головой.

— Нет. Я не успокоюсь до тех пор... до тех пор, пока не буду знать, что ты простил меня за то, что я был... черт возьми! — вскрикнул он, и его лицо скривилось от боли. Голова

запрокинулась, и единственный звук, который стал слышен в машине — его тяжелое неровное дыхание.

Я автоматически вдавил педаль газа, когда в зеркале заднего вида встретился взглядом с Эриком. Он покачал головой, и мое зрение затуманилось от страха.

— Ты спас меня в ту минуту, когда спас ее, отец.

Я прощаю тебя.

Десять минут спустя я уже заезжал на парковку. Эрик выскочил из машины и побежал предупредить персонал больницы. Через несколько минут отца уже грузили на носилки и спешно везли в отделение.

— На этой каталке могла быть я, Ремингтон, — пробормотала Селена, слепо глядя на дверь машины широко раскрытыми глазами.

Я вздрогнул от этой мысли и быстро обнял ее. Она сразу же откликнулась и крепко обняла меня в ответ.

— Я бы сошел с ума, если бы думал об этом. Ты в безопасности.

Она отстранилась.

— А твой отец нет. Он принял на себя пулю, предназначенную мне, — ее глаза наполнились слезами. — Что, если он не выздоровеет? Я не...

Я обхватил ладонью ее подбородок, вынуждая сконцентрировать свое внимание на мне.

— Он Ремингтон Ньюпорт, и борец по натуре. Отец не стал бы тем, кто он есть, если бы не боролся.

Селена

Ответив на вопросы медсестры возле стойки регистрации, Ремингтон обнял меня за талию. Я напряглась, но затем расслабилась, пока он вел меня в зону ожидания, где напротив телевизора были расставлены стулья. Он убрал руку с талии и переплел свои пальцы с моими, а затем его обеспокоенный взгляд встретился с моим.

— Поговори со мной, — наконец пробормотал он, легонько сжимая мою ладонь. — Как ты себя чувствуешь? Как ребенок?

Он выглядел изможденным, поэтому мне не хотелось обременять его еще и своим плохим самочувствием.

— Устала. Хочу забыть весь сегодняшний день.

— Мне бы тоже хотелось, чтобы произошедшее сегодня никогда не происходило.

Внезапно я и правда почувствовала себя уставшей. События сегодняшнего дня навалились на меня, и затылок начало болезненно покалывать. Я закрыла глаза и прижалась спиной к стене.

— Я не могу сейчас сделать это.

— Иди ко мне, — он потянул меня за руку, но я отрицательно покачала головой, — позволь мне обнять тебя, пожалуйста. Я чуть не потерял тебя, Селена. Каждый раз, когда я вспоминаю, как близок был... *Боже мой*. Я не вынесу, если сейчас же не обниму тебя... Мне это необходимо.

Я открыла глаза, встретилась с ним взглядом и резко втянула в себя воздух, заметив боль в его глазах. Придвинувшись к нему и положив голову ему на плечо, я вцепилась в его рубашку, когда голову прострелила боль. Восприняв это, как знак, он подхватил меня и усадил себе на колени, не заботясь о том, что в комнате полно народу. Я прижалась к нему, радуясь его силе и теплу.

— Хочешь правду? — пробормотала я ему в рубашку. — Я так зла на тебя сейчас, и, если честно, в ужасе. Я одинаково сильно люблю тебя и зла на тебя.

— Все позади. Колетт больше не навредит тебе, — ладонью он выводил круги на моей спине. — У тебя есть право злиться на меня, но, пожалуйста, не игнорируй меня.

— Я бы никогда не смогла игнорировать тебя, даже если бы захотела.

Мы оба замолчали, слышно было только пиканье приборов, вызывающий врачей голос из динамика и шарканье ног по полу...

— Селена Майклз?

Мы с Ремингтоном вскочили на ноги и посмотрели на высокую темноволосую медсестру. Ее глаза задержались на Ремингтоне чуть дольше положенного, и она едва заметно покраснела. А он ей даже не улыбнулся. На самом деле он даже решительно выпятил челюсть, его красивые зеленые глаза потемнели от тревоги, а губы вытянулись в тонкую линию.

Его рука, лежащая на моем бедре, напряглась, притягивая меня ближе к нему, словно сообщая этой женщине и всем прочим в комнате, кому я принадлежу. Она повернулась ко мне, прошлась по мне взглядом сверху вниз, но все, о чем я была в состоянии думать, это «*сможешь предложить ему что-то лучше этих изгибов*»? Несмотря на то, что я была зла на

Ремингтона, по моему телу распространилось тепло. Он такой неотразимый, этот мужчина.

Медсестра, в конце концов, сосредоточила свое внимание на мне и скупой улыбнулась. А мне даже не хватило сил хмуро на нее посмотреть. Я по-прежнему злилась на Ремингтона, была обеспокоена легкими вспышками боли в животе и сражалась с жуткой головной болью.

— Следуйте за мной, пожалуйста. Я провожу вас в смотровую.

Ремингтон убрал руку с моего бедра и, схватив меня за руку, последовал за медсестрой. Мы остановились перед смотровой номер три.

— Я положила рубашку на кровать, — сообщила медсестра. — Доктор скоро подойдет к вам, — она посмотрела на Ремингтона. — Предпочитаете ждать вашу жену снаружи?

— Ни в коем случае, — рявкнул он и, толкнув дверь, завел меня внутрь, но я успела заметить, как медсестра дернулась, словно ее ударили.

Ремингтон такой неандерталец, и за это я люблю его еще сильнее. И нет, я не собираюсь говорить ему об этом. Мне нужно придерживаться своего гнева еще какое-то время. Ребячество, знаю, но, Боже мой, Колетт? До сих пор поверить не могу, что он скрывал это от меня.

Как только дверь захлопнулась прямо перед носом у медсестры, Ремингтон развернулся, нежно прижал меня к двери, словно боялся, что я сломаюсь, и уткнулся лицом мне в шею.

Сделав глубокий вдох, он пробормотал:

— Мне не нравится, когда ты злишься на меня.

— Тебе следовало подумать об этом перед тем, как скрывать от меня информацию о твоей бывшей супруге. Мы же договорились всегда говорить друг другу только правду, помнишь?

Он вздрогнул, и с его губ сорвался судорожный вздох.

— Существует такая разновидность правды, которая больше ранит, нежели помогает. Эта правда причинила бы тебе боль, *ma belle*. Возможно, даже разрушила бы, а я поклялся защищать тебя. Также я говорил, что буду стараться говорить тебе правду. Мне не удалось сдержать свое первое обещание, но я был чертовски уверен, что не следует рассказывать тебе о Колетт. Я хотел защитить тебя, — его напряженное тело теснее прижалось ко мне. Он не пытался поцеловать или прикоснуться ко мне, только его грудь и бедра едва касались моих.

Я быстро закрыла глаза, когда накатило головокружение и тошнота, и положила голову Ремингтону на плечо. Он мгновенно расслабился, словно это невинное движение придало ему сил.

— Мне нужно воспользоваться ванной.

Он поднял голову и обхватил пальцами меня за подбородок, всматриваясь измученным взглядом мне в глаза.

— Я знаю, что поступил неправильно. Надеюсь, ты понимаешь, что при других обстоятельствах я бы все рассказал тебе. Но ты тогда только вышла из комы, и я не хотел ухудшить ситуацию, поэтому должен был нести этот крест.

Все, что он говорил, имело смысл. Но все же...

— Я не хочу, чтобы ты нес этот крест в одиночку.

— Знаю.

Закусив щеку изнутри, чтобы не дать слабину, я зарылась рукой в его волосы, потянув голову на себя, и поцеловала Ремингтона в лоб.

— Мне нужно переодеться.

Он убрал руку от моего лица и сделал шаг назад, наблюдая, как я отхожу в сторону. Я

оглянулась через плечо. Он остался стоять на месте, прижав руки, сжатые в кулаки, к бедрам. Боже, я так сильно его люблю, но ситуация такая противоречивая. Мне просто нужно немного времени, чтобы свыкнуться со всем, что случилось.

Ты хотя бы представляешь себе, что я чувствую, когда вижу, как ты уходишь от меня?

Я помнила эти его слова, поэтому могу себе представить, насколько ему сложно стоять там, пока я удаляюсь от него.

Я уже открыла рот, собираясь заговорить, но тут же закрыла его, не в силах сказать хоть что-нибудь. Повернувшись, я зашла в ванную и закрыла за собой дверь.

Быстро открыв кран на полную мощность, я вцепилась в раковину, когда по пищеводу поднялась волна тошноты. Я дернулась вперед и меня вырвало.

О, Господи, я, наверное, умру. Желудок опять скрутило спазмом, и все его содержимое снова оказалось в сливе раковины.

— Селена?

Черт.

— Я в порядке, — я прополоскала рот. — Ты не мог бы подождать меня в комнате ожидания?

Я слышала шаги за дверью. Скорее всего, он ходит по палате, вцепившись руками в волосы. Спустя несколько мгновений, он сказал:

— Я не уйду, пока не буду знать, что ты в порядке.

— Я в порядке.

— Я хочу видеть тебя, — прорычал Ремингтон с другой стороны двери.

Я вздохнула. Упрямец Ремингтон держит марку.

Вытерев руки и лицо бумажными полотенцами, я стянула брюки, затем трусики и застыла. Рука автоматически взлетела вверх и я вцепилась в раковину для поддержки, когда снова накатила дурнота, угрожая уничтожить меня.

Весь гнев и беспокойство, которые я испытывала в течение всей поездки в больницу, испарились. Свободной рукой я вцепилась в кромку трусиков.

Боже, нет, нет, нет! Пожалуйста, не поступай так со мной.

Не в силах вдохнуть в течение нескольких секунд, я не отводила взгляда от пятен крови на белой материи. А затем с моих губ сорвался всхлип.

— Селена? — перепуганным голосом позвал меня Ремингтон. Дверная ручка яростно затряслась. — Открой, *ta belle*. Пожалуйста.

Я быстро вытерла щеки и полностью сняла трусики.

— Я выйду через минуту, — выдавила из себя я, собирая свою одежду.

Последовала долгая пауза.

— Ты плачешь. Открой эту чертову дверь, — ручка снова начала крутиться. — *Твою мать!*

— Я не плачу, — возразила я, мой голос прозвучал приглушенно, пока я надевала на себя рубашку. — Пожалуйста, мне просто нужно несколько секунд, ладно? — он и так взволнован из-за своего отца, и я не собираюсь становиться для него еще одной обузой. Я схватила свитер и прижала его к лицу, чтобы заглушить рыдания.

— Ни черта подобного. Открой эту дверь или я ее вышибу, — процедил он сквозь зубы с другой стороны двери.

— Дай мне минуту, черт возьми, Ремингтон!

Он грязно выругался на французском, но, видимо, решил выполнить мою просьбу. Поплескав воды в лицо, я промокнула салфетками под глазами, чтобы избавиться от следов слез. Бросив взгляд в зеркало, я поняла, что Ремингтон бросится ко мне, как только я открою дверь.

Я справлюсь с этой ситуацией. Справлюсь, как обычно это делаю. С легкостью.

Что, если... Боже мой, что, если я потеряю ребенка?

Внезапно я поняла, что мне нечем дышать. У меня просто не получается вдохнуть воздух в легкие.

Кислород.

О, мой Бог, мне нужен кислород.

Но я не могу сделать ни единого вдоха.

Вжавшись спиной в стену, я соскользнула на пол, не обращая внимания, что меня охватил озноб, как только моя попа коснулась холодного пола. Я опустила голову между коленей, делая глубокие вдохи.

— Селена!

Мне не следовало запира́ть дверь.

— О, Господи, — простонала я, дрожа и задыхаясь.

Внезапно в помещение ворвался поток воздуха, овеявая мои голые ноги, и дверь в ванную с грохотом распахнулась, ударившись о стену. Несколько мгновений спустя Ремингтон уже сидел на полу и усаживал меня к себе на колени.

— Она в порядке? — взволнованно спросил женский голос на французском. — Мне вызвать доктора?

— Она будет в порядке, — ответил Ремингтон, обхватывая меня руками и крепко обнимая. — Попросите доктора дать нам пару минут. Все в порядке, я рядом, — он поцеловал меня в волосы, беспрестанно поглаживая ладонью по спине.

Послышалось шарканье ног, а затем дверь захлопнулась, но у меня не было сил поднять голову. Я свернулась калачиком у Ремингтона на груди, уткнулась ему в плечо и слушала его успокаивающий голос, уговаривающий меня дышать. Я пыталась следовать его советам, впитывая в себя его тепло и силу.

— Чувствуешь себя лучше? — спросил он.

Я кивнула и подняла голову, чтобы посмотреть на него.

— Что случилось? — спросил он, и паника исказила его лицо.

Мой взгляд метнулся туда, где лежали мои трусики, и я снова утратила способность дышать.

Я почувствовала тот миг, когда он увидел трусики. Он резко втянул воздух сквозь зубы и напрягся. Рука на моей спине замерла и сжалась в кулак, а затем он разжал ее и крепко прижал меня к своей груди. Ремингтон поцеловал меня в лоб, затем отстранился и посмотрел на меня покрасневшими глазами. Его волосы растрепались, а рубашка помялась. Казалось, он постарел с тех пор, как мы целовались и обнимались в машине. Я еще никогда не видела у него такого выражения лица и ненавидела, что ему приходится проходить через все это.

— Все будет хорошо, — сказала я, выдавив из себя улыбку. Я отбросила волосы с его лба, зажала их между пальцев и легонько потянула. — Мы с тобой столько всего пережили. Мы со всем справимся, да?

Подняв руку, я стерла слезы, скопившиеся в уголках его глаз. Ремингтон глубоко

вздохнул и кивнул.

— А теперь поцелуй меня и давай выбираться отсюда, — предложила я, как мне показалось, спокойным тоном. Мне нужно вернуть моего Ремингтона обратно. Да, ему можно плакать, но волноваться одновременно об отце и обо мне это уже перебор. Возможно, он будет волноваться меньше, если я немного взбодрюсь, хотя внутри мне кажется, будто я умираю.

Он медленно прижался ртом к моим губам и мягко и нежно поцеловал меня. За этим поцелуем крылось столько эмоций, что у меня перехватило дыхание. Отстранившись, я прижалась лбом к его груди.

— Ты моя самая любимая девочка в мире, — хрипло пробормотал он мне на ухо. — Я так сильно люблю тебя, черт возьми, ты ведь знаешь это, *да?*

Я подняла голову и улыбнулась ему, зная, что у меня получилось поднять ему настроение.

— Конечно же, я знаю, что ты любишь меня. Как можно меня не любить? Я поразительное создание.

Его губы растянулись в ленивой улыбке, и, святые Небеса, после *этой улыбки*, от которой у меня всегда перехватывает дыхание, усталый Ремингтон исчез.

— Ты хочешь заставить меня кончить? Потому что именно это случилось в тот раз, когда ты продемонстрировал мне свои ямочки.

Он откинул голову назад и рассмеялся. Боже, так... так впечатляюще. Поверить не могу, что я завелась, даже при таких обстоятельствах. Когда речь заходит об этом мужчине, я превращаюсь в шлюху.

— Ты никогда мне этого не рассказывала.

— Если бы я рассказала, ты бы включил это в свой и без того впечатляющий арсенал «оружия» и использовал на мне, когда тебе заблагорассудится, — сказала я, отталкиваясь от него и вставая.

— А теперь, когда я знаю, бойся меня, *ma belle*, — он встал, схватил больничную рубашку и протянул ее мне.

— Как будто это меня пугает. Только не заносись, малыш.

Он ухмыльнулся, и не успела я оглянуться, как Ремингтон подхватил меня на руки и вышел из ванной. Остановившись у кровати, он уложил меня на нее, а затем отошел в сторону и посмотрел на меня, как он обычно поступает — так, словно видит впервые.

— Ты неподражаема, Селена.

— Ты тоже не плох, — я поерзала на кровати, чтобы усесться поудобнее, и наблюдала, как он зашел обратно в ванную и вернулся с моей одеждой в руках. — На самом деле мы с тобой *подходим друг другу, как рама-лампа-лампа-ка-динга-да-динга-донг...* — Иисусе, да я в ударе. Я не очень хорошо переношу беспокойство.

Он улыбнулся, аккуратно складывая одежду стопкой на стул возле стены.

— «Бриолин»? (*Примеч. переводчика — имеется в виду мюзикл «Бриолин» 1978 года. Селена напевает строчку песни из этого мюзикла*).

Я кивнула и потерла ладонями руки, пытаясь согреться. Ремингтон схватил свитер с крючка со стены возле двери и накинул его на меня.

— Моей маме нравится этот фильм. Я знаю наизусть большинство песен оттуда, — я прочистила горло и понизила голос.

Лицо Ремингтона выражало смесь удивления и беспокойства.

Я опустила взгляд на колени и сглотнула комок, застрявший в горле...

— Я очень нервная. Скорее всего, тебе придется привыкнуть к этому, потому что я частенько нервничаю, — я бросила на него взгляд из-под ресниц.

Он удивленно выгнул бровь.

Боже, обожаю, когда он так делает.

— И ты, видимо, полагаешь, что это волнует меня? Я чуть не заорал во все горло там, — он указал в сторону ванной, — но ты привела меня в чувства. Ты... *Боже мой...* — он покачал головой, словно не мог подобрать слов, чтобы выразить то, что ему хотелось сказать, а затем начал расхаживать вдоль кровати.

— Ты тоже, — сказала я, вытянула ноги и попыталась натянуть на них рубашку, так как она задралась и оголила бедра. Его глаза вспыхнули и потемнели, когда он проследил за моим движением, отчего мне стало жарко, и я покраснела. Предпочитаю видеть его таким, нежели сломленным, как несколько минут назад. — Иди, посиди со мной.

— Отсюда вид лучше, — он намеренно уставился на мои ноги, а затем схватил стул, на котором лежала моя одежда, и придвинул его к кровати. Именно в этот момент в палату вошел доктор. На вид ему можно было дать лет тридцать пять, может, чуть больше. У него были песочного цвета волосы, и выглядел он очень сексуально, если вам, конечно, нравятся серферы.

Ремингтон рядом со мной напрягся.

— Даже не думай об этом, — прошептала я себе под нос.

— Не думать о чем? — невинно спросил он, но супер властная хватка на моем бедре говорила об обратном.

— Пугать его своим фирменным взглядом.

— Понятия не имею о чем ты, — я почувствовала его теплое дыхание на раковине моего уха, когда он прикусил мочку.

Я вздохнула, борясь с желанием повернуться и прижаться губами к его губам.

— Я люблю тебя. Я все еще зла на тебя, но я люблю тебя.

Он расслабился и рычание, доносившееся из его горла, затихло.

Доктор представился и обменялся с нами рукопожатиями, после чего я изложила ему краткую версию того, что произошло, и в конце рассказала о пятнах крови на нижнем белье. Он уже был в курсе моей истории болезни, так как мы приехали в ту же самую больницу, в которой я лежала пять дней назад. Он попросил меня лечь на спину, а сам потянул к себе столик, на котором лежал поднос из нержавеющей стали.

Ремингтон бросил на поднос взгляд, в котором сочеталось нечто среднее между свирепостью и ужасом. Я поджала губы, пытаюсь не улыбнуться, хотя это ни в коей мере не было смешно. Как ему это удастся?

Подготовившись, доктор подвинул ближе к себе аппарат для сонограммы. Я еще крепче вцепилась в руку Ремингтона и не могла отвести от него взгляда, пока доктор продолжал свои манипуляции.

— Вот ваш ребенок, мадам Майклз, — раздался голос доктора в полной напряжении комнате и я, оторвав взгляд от своего жениха, моргнула и посмотрела на экран.

Доктор взглянул на меня, а затем на Ремингтона и улыбнулся.

— Очень здоровый и активный, — он взял несколько салфеток с близстоящего стола, но не успел протянуть руку к моему животу, как Ремингтон с собственническим выражением на лице выхватил салфетки из пальцев доктора.

Бедный парень! Он, очевидно, не понял, что такогостряслось, когда, моргая, смотрел в мрачное лицо моего жениха.

Ребенок оказался в порядке, но в связи с моей предыдущей историей болезни и сегодняшним падением, врач посоветовал постельный режим, по крайней мере, в течение следующих нескольких недель. Попросив нас назначить встречу с гинекологом через два дня, он встал со стула. Ремингтон тоже быстро вскочил на ноги, а доктор сразу же засунул руки в карманы халата и отступил на шаг назад.

— Давайте уточним. Моя невеста должна находиться в постели следующие несколько недель. Верно?

Ему обязательно говорить таким надменным тоном?

— Да.

Ремингтон протянул доктору руку и тот медленно, с опаской протянул свою.

— Спасибо, — Ремингтон схватил мою одежду, и как только дверь за доктором закрылась, запер ее и направился ко мне. Быстро переодевая меня, он бормотал что-то касательно указаний доктора, затем вышел из палаты и вернулся, толкая впереди себя инвалидное кресло.

— Боже, Ремингтон. Я же не инвалид, — начала возражать я, встав с кровати.

Он выгнул бровь, и посмотрел на меня взглядом, от которого у меня появилось желание подчиниться ему. И я поддалась его напору.

— Напомни мне воспользоваться отбеливателем, чтобы вывести из памяти взгляд, которым он смотрел на твою киску, — проворчал он, когда шел позади меня, толкая кресло по коридору в сторону зала ожидания.

Жар прилил к моему лицу.

— Ремингтон, он просто выполнял свою работу.

— Я такое вытворял с твоей киской, — продолжал он, словно и не слышал, что я только что сказала. — Такое, что это дает мне некоторые определенные права.

— Ты ведь понимаешь, что тебе придется сильно постараться, чтобы восполнить утраченные баллы?

Он замолчал. Я оглянулась через плечо и увидела, что его лицо снова приняло затравленное выражение.

— Я знаю, — тихо сказал он.

Селена

Мы приехали домой около девяти вечера после того, как отца Ремингтона перевели в отделение интенсивной терапии. Пуля прошла в нескольких сантиметрах от сердца. Когда мы уезжали, он уже засыпал, поэтому Ремингтон пообещал ему, что навестит его на следующий день.

Адриан уже спал. Сообщив родителям, сестре и Эстелле, что все в порядке, Ремингтон извинился и направился в свой кабинет, но перед этим наградил меня одним из своих знаменитых взглядов. Этим взглядом он будто говорил мне, «*оставайся на месте, я вернусь*». Он отнесся к совету доктора со всей серьезностью. Как только он вышел, я встала и пошла на кухню.

— Как ты? — поинтересовалась мама.

— Нормально, — ответила я, пожав плечами.

— Ремингтон довольно своеобразный мужчина. Я сомневалась в нем, но увидев, как он заботится о тебе, я бы не могла пожелать лучшего мужчины для своей дочери. Он в буквальном смысле молится на землю, по которой ты ходишь. И хотя он слишком хмурый для такого молодого мужчины, это не умаляет его привлекательности, — призналась мне мама.

Я устало улыбнулась и налила в стакан воды из-под крана.

— Он такой.

Она вздохнула.

— Ты злишься на нас за то, что мы не рассказали тебе правду, — я оглянулась через плечо и увидела, что она стоит, прислонившись к кухонному столу, и, нахмутив брови, изучает меня.

— Я разочарована, — я присоединилась к ней и села на стул.

— Я бы поступила точно так же, если бы знала, что это поможет мне защитить тебя.

— Забавно. Он сказал то же самое.

— Селена, — она взяла меня за руку, и я встретилась в ней взглядом. — Не трать время впустую, злясь на него. Я уважаю его за то, как он поступил, и тот факт, что он не рассказал тебе, особенно с учетом твоего состояния, доказывает, насколько ты ему небезразлична. Иногда любящие тебя люди совершают поступки, которые кажутся непонятными, но со временем все встает на свои места.

Я знала это. Все, что она сказала — правда. Последние шесть лет я провела, пытаюсь любить мужчину, который не любил меня. Тем не менее, вот мужчина, который делает все, что в его силах, чтобы защитить меня, даже идет против своих собственных правил. Боже, ну почему все так сложно?

— А... что с отцом Дианы? Он жив?

Она кивнула.

— Присядь. Нам нужно поговорить, — я сделала, как она просила. — Твой отец знает о нем. Также я рассказала все Марли, когда она приехала из города. Я была замужем за отцом Дианы три года, когда поняла, что у нас с ним нет будущего. Он не принес бы нам ничего хорошего. Он всегда подозревал меня в том, что я что-то делаю у него за спиной. Часто

приходил домой пьяным и бил меня. Иногда он, казалось, пребывал в отчаянии и заставлял меня клясться, что я не брошу его. Утверждал, что его преследуют, так как он обнаружил какие-то правительственные секреты. С ним явно что-то было не в порядке.

Мое сердце часто билось, когда она закончила свой рассказ.

— У него была шизофрения?

Она пожалала плечами.

— Я не осталась, чтобы выяснить, так ли это. Он напугал меня, и я поняла, что если не уйду, то рано или поздно он причинит нам боль. Последнее, что я слышала о нем, это что его поместили в изолятор в психиатрической клинике. Больше я никогда не интересовалась им.

Я быстро встала со стула, обошла вокруг стола и крепко обняла ее.

— Мне так жаль, мама.

Она отстранилась и улыбнулась.

— Тут не о чем жалеть. Я встретила твоего отца и все изменилось. Он изменил все в лучшую сторону, и точно так же, благодаря Ремингтону, в твоих глазах снова появился блеск.

Мы еще немного поболтали, пока я не поняла, что мне трудно держать глаза открытыми.

Я утомленно зевнула. Пожелав маме спокойной ночи, я извинилась и направилась вверх по ступенькам. Внезапно рядом со мной возник Ремингтон. Я почувствовала его прикосновение, когда он мизинцем обхватил мой мизинец, а я бесстыдно вцепилась в него так, словно от этого зависела вся моя жизнь.

Как только мы оказались в спальне, я остановилась возле кровати.

— Тебе вовсе не обязательно делать это. Я в состоянии подняться по лестнице и не упасть, понимаешь?

— Я буду носить тебя вверх и вниз по лестнице на руках. Я следую рекомендациям доктора, знаешь, постельный режим и никаких волнений. Я готов исполнять любые твои желания и приказы. В любое время дня и ночи, — то, как он смотрел на меня, помогло моему сердцу смягчиться, и гнев, который я испытывала, немного растаял.

Я закатила глаза и отвернулась, пряча улыбку.

Он избаловал меня и, на самом деле, я вовсе не против. Если честно, я жажду этого. Хочу, чтобы меня баловали. Я начинаю понимать, чего мне не хватает, но сегодня мне нужно личное пространство.

Схватив футболку и шортики, я направилась в ванную чистить зубы.

— Куда ты собралась?

Я подняла голову и увидела в зеркале его хмурое отражение.

— Мне нужно побыть одной, чтобы подумать. Я не могу спать здесь сегодня ночью.

Он запустил ладонь в волосы и еще сильнее нахмурился, а затем встретился со мной взглядом в зеркале.

— Хорошо. Но это только сегодня ночью?

Я опустила взгляд на зубную щетку в своей руке.

— Просто дай мне время, ладно?

Он кивнул и прислонился к стене, скрестив руки на груди, а я поняла, что он не уйдет, пока я не окажусь в кровати, безопасно завернутая в одеяло.

— Спи тут, — предложил он, следуя за мной по пятам из ванной. Он схватил свою сексуальную черную пижаму, целомудренно поцеловал меня в губы и откинул тяжелое покрывало, чтобы я могла забраться в кровать. Убедившись, что я удобно улеглась, он

натянул одеяло мне до подбородка, выпрямился и внимательно посмотрел на меня.

Господи, неужели ему обязательно смотреть на меня с такой любовью? С такой надеждой, обожанием и желанием? Этот мужчина одним своим существованием и дыханием растопил мою защиту. Я поняла, что ни в коем случае не смогу жить вдали от него.

— *Спокойной ночи, Селена*, я буду в комнате напротив, — он развернулся и направился к двери.

— *Спокойной ночи*, Ремингтон.

Когда он вышел, я выключила лампу на тумбочке возле кровати. И сразу же ощутила, как мне не хватает его теплого тела. Но сегодня ночью мне нужно побыть без него. Мне нужно подумать, потому что я в замешательстве и, прежде чем смогу продолжать жить дальше, я должна смириться со всем, что произошло, вплоть до настоящего момента.

Он уже не один раз заверял меня, что выбрал меня вовсе не из-за внешности. Я верю ему, по крайней мере, где-то в глубине души. Я вижу, как он смотрит на меня с чистой, ничем не прикрытой любовью.

Я так старалась не сорваться до этого мгновения, огромный подвиг с моей стороны. Последние пару недель все шло так хорошо. Я не позволяла своим своенравным эмоциям взять надо мной верх. Но больше так не могу. В груди, там, где неутомимо бьется сердце, разлилась боль. Я уже не уверена, какие чувства испытываю. Шок от того, что увидела Колетт, женщину, которая пыталась убить меня и которая оказалась моей сводной сестрой. Образ пятен крови на моих трусиках. Облегчение, которое я испытала во время УЗИ...

Я зарылась лицом в покрывало и тихонько заплакала.

В дверь тихо постучали, а затем раздались почти бесшумные шаги по плитке пола.

— Селена? Ты еще не спишь? — спросила Марли. — Я видела, как Ремингтон заходил в другую спальню, и решила зайти проверить как ты. Только не говори мне, что выгнала своего будущего мужа из постели, — она мягко улыбнулась.

— О, Марли, — я стянула покрывало с лица и включила свет.

— О, Господи, что случилось? — она быстро села на кровать. — Ты сожалеешь, что прогнала его, да?

Моя сестра так похожа на меня в своих попытках избегать серьезных ситуаций.

— Тебя разве не злит тот факт, что у нас есть сестра, о существовании которой мы не знали?

— Иди сюда, — позвала она и потянула меня за руку. Я села и посмотрела на нее. — Мне так жаль, что Колетт пыталась убить тебя. И еще мне очень жаль, что я не смогла быть с тобой в больнице. Я безумно за тебя волновалась, но рада, что все закончилось хорошо. Да, я психанула, когда мама рассказала мне о Диане, а затем чуть с ума не сошла, когда услышала, что она и есть Колетт. Жена Ремингтона, которая якобы умерла, а затем превратилась в сталкера. Но знаешь что? Теперь она получит помощь, в которой нуждается. Я знаю, что ты зла на Ремингтона, но, думаю, это судьба. Иначе, зачем бы Бог направил двух женщин, состоящих в родстве, на путь Ремингтона?

Я закусила щеку изнутри, обдумывая ее теорию.

— Думаю, завтра утром я смогу мыслить более ясно. Ремингтон не останется вдалеке. Я слишком хорошо его знаю.

Она обняла меня и, поцеловав в щеку, встала с кровати.

— Чертовски верно, он не станет. Я люблю тебя, сестричка.

— И я тебя, малышка, — ответила я, нагнулась над тумбочкой и выключила свет, но

перед этим все же успела заметить ее хмурое лицо. Марли ненавидит, когда я называю ее малышкой, но иногда я не в силах удержаться от поддразниваний.

Несколько часов спустя, когда небо озарил рассвет, я перевернулась со спины на бок и уставилась в темноту. Мне так и не удалось сомкнуть глаз. Мне так сильно хочется сократить расстояние между мной и комнатой, где ночует Ремингтон, но я не стану ничего делать.

Я услышала, как открылась дверь, затем послышались тихие шаги, пока кто-то направлялся ко мне. Несколько секунд спустя я почувствовала, как кровать прогнулась, а затем горячее упругое тело прижалось к моей спине. В ноздри ударил его запах, и у меня перехватило дыхание.

Я сделала вид, что сплю, надеясь понять, что у Ремингтона на уме. Он прижал меня к себе, положил руку мне на живот, и, застонав, поцеловал меня в плечо.

— Я знаю, что потерял баллы, солгав тебе. Но я намерен снова заработать их, а затем еще некоторое количество, чтобы хватило до конца жизни, — он поцеловал меня в шею.

Я прижалась к нему и вздохнула. Я не спала с тех пор, как зашла в спальню. Только гордость удерживала меня, не позволяя прокрасться в комнату напротив. Всю свою жизнь я хотела мужчину, который будет любить и обожать меня такой, какая я есть. Я мечтала об этом. О мужчине, который захочет баловать меня, не прося при этом ничего взамен. И я нашла его в лице Ремингтона, но почему-то сопротивляюсь.

— Она объяснила тебе, почему решила инсценировать свою собственную смерть?

Он вздохнул и его голос прозвучал утомленно.

— Очевидно, она считала, что если вернется ко мне, то лишится возможности жить так, как ей хочется.

— Я все равно не понимаю.

— Я тоже. Она кажется несколько... неуравновешенной. Что-то не сходится в этой ситуации.

Голос Ремингтона прозвучал так подавленно, что мне захотелось развернуться и успокоить его. Я решила и пересказала ему то, что рассказала мне мама об отце Колетт. После этого Ремингтон затих, словно обдумывал мои слова.

— Я понятия не имел, — в итоге признался он. — Она казалась нормальной. Иногда она становилась взволнованной и чрезмерно подозрительной и тогда умоляла никогда не бросать ее. Мне это казалось очаровательным... Господи! — его тело рядом с моим задрожало.

— Я не позволю ей выиграть. Она столько всего сделала и почти победила. Я все еще зла на тебя Ремингтон. Я понимаю, что ты пытался защитить меня. Я понимаю это теперь, но все равно не могу избавиться от злости. Возможно, это все моя гордость, я не знаю, просто позволь мне позлиться на тебя еще какое-то время, ладно? Благодаря этому у меня словно есть контроль над ситуацией, хотя я не знаю с чего начать. Ненавижу чувствовать себя беспомощной.

Он вздохнул, и я склонила голову, чтобы встретиться с ним взглядом.

— Злись на меня сколько угодно, но я хочу, чтобы в конце дня ты оказывалась в моих объятиях, где ты можешь продолжать и дальше злиться, пока я занимаюсь с тобой любовью, — он шаловливо улыбнулся мне. — Я совершенно не против. Можешь даже кричать, пока я буду трахать тебя. Можешь кричать, как ты зла на меня, пока я буду погружаться в тебя своим членом.

— Боже, то, что ты сказал, самое сексуальное, что я когда-либо слышала, — призналась я, борясь с теплом, разливающимся между ног. Черт его подери за то, что он заставляет меня хотеть его, несмотря на полный бардак у меня в голове. — Мне нужно начать заботиться о себе, если не ради себя, то ради ребенка.

— Я заслужу твое прощение, — поклялся он хриплым от избытка эмоций голосом.

Ранняя весна

Ремингтон

Селена вошла в нашу спальню, соблазнительно покачивая бедрами. Она прижала палец к моей груди, легонько толкнула, и я откинулся на спину и, прищурившись, посмотрел на нее.

— Что ты задумала?

— Скоро узнаешь, — она опустилась на колени и быстро расстегнула ремень моих брюк. Когда ее пальцы коснулись моего члена, я поморщился от болезненного удовольствия. Весь вечер именно боль сопровождала мое возбужденное состояние, хотя я знал, что у меня нет возможности позаботиться об этом, и все, что мне оставалось — закусить щеку изнутри и делать вид, что это лучший вечер в моей жизни.

Сегодня состоялся ежегодный аукцион анонимных пожертвований для животных. Весь вечер я сидел рядом с Селеной, и так как оказался не в силах держать руки при себе, я постоянно поглаживал ее тело. Затем я затащил ее в дамскую комнату и подарил лучший куннилингус в ее жизни. Она сказала, что я Бог — титул, который я скромно принял — а потом добавила, что мой язык — произведение искусства.

После аукциона, во время танцев в полумраке зала Селена дразнила меня все четыре танца, запустив руки мне в брюки. Она шептала мне на ухо непристойности, провоцируя кончить ей в руку. Затем, прежде чем я успел сделать это, она убрала эту колдовскую ручку, притянула меня к себе за шею и поцеловала, окончательно уничтожая все резервы терпения, которые еще оставались после предыдущей пытки.

И вот теперь, она здесь, одетая в тонкие полоски кружева. Трусики почти не прикрывают ее киску, а груди такие полные, что почти выпрыгивают из этой крошечной штучки, которую она называет лифчиком.

Я мог бы просунуть пальцы под этот тонкий материал, сорвать его с Селены и трахать ее вплоть до воскресенья, но мне любопытно узнать, что она задумала.

Она наклонилась, осторожно балансируя в своих черных туфлях на высоком каблуке, в которых проходила весь вечер, схватила красную помаду с тумбочки и, дразня, аккуратно нанесла ее на свои пухлые губы.

Черт возьми, черт, черт!

— Селена? — от желания мой голос звучал хрипло.

— Шшш. Я кое-что придумала. Собираюсь поразить тебя до глубины души, — мои брови взлетели вверх, я старался не улыбнуться. — Думаешь, ты единственный, кто смотрит порно?

— Ты смотришь порно? Неудивительно, что тебя нет в постели, когда я просыпаюсь среди ночи.

— Ага, ребенок не дает мне спать по ночам, скачет на мочевом пузыре. Божечки, он или она такой непоседа.

Я рассмеялся, пребывая в невероятно возбужденном состоянии.

— Хочу нарисовать тебя вот такой. *Боже мой*, ты такая красивая, — я провел руками по

ее полным бедрам.

— Возможно, я позволю тебе. Мне понравилась первая картина, которую ты нарисовал, — она сжала губки и мои яйца напряглись, пока я наблюдал, как она соблазнительно причмокнула пухлыми губами, покрытыми ярко-алой помадой.

Я закончил портрет несколько недель назад и сейчас он стоит в художественной мастерской. Насмотреться на него не могу.

Она поставила тюбик с помадой обратно на тумбочку, затем обхватила мой член у основания и легонько сжала. Глядя на меня сквозь ресницы, она нагнула голову к самым яйцам, и, лаская языком, двинулась к головке. Я закрыл глаза, мое дыхание стало прерывистым, а пальцы на ногах подогнулись. Я откинул голову назад, когда греховные губы продолжили свои действия, а открыв глаза, наткнулся на наше отражение в зеркале на двери шкафа. Мой взгляд опустился вниз на попку Селены, и я застонал.

— *Боже мой*, ты такая красивая. Только взгляни на свой зад, — я провел руками вниз по ее телу, но она шлепком сбросила их.

— Ляг.

— О, властная Селена вернулась, *да*?

Она не ответила, просто продолжала умело медленно лизать и посасывать меня, вбирая все глубже в рот.

— Ох, блядь, Селена! — воскликнул я, — Боже, ты убить меня хочешь.

Селена застонала, и я зарычал, а затем она пробормотала:

— У тебя такой потрясающий вкус. Не могу передать, как мне всего этого не хватало, — и она снова взяла меня в рот, а моя сосредоточенность улетучилась. Я зарылся рукой в волосы Селены, направляя ее. Она идеально сдавливала рукой, и я больше не мог терпеть. Моя рука в ее волосах сжалась, а бедра приподнялись над кроватью, погружая член глубже в ее талантливый рот.

— Я сейчас кончу, Селена.

Ее рука, обхватывающая мой член, напряглась. Я попытался вырваться, но ее хватка показала мне, что она не планирует меня отпускать. Я мощно кончил, и она приняла все. Проглотила и продолжила нежно посасывать мой член, пока я приходил в себя после оргазма.

Когда ко мне вернулась способность двигаться без ощущения, что колени не слушаются меня, я притянул ее на кровать и поцеловал.

Затем зарылся лицом в свое любимое местечко — основание ее шеи.

— *Я люблю тебя*, Селена.

— *А я люблю тебя*, Ремингтон.

А затем мы уснули в объятиях друг друга. Я, со спущенными до колен джинсами, а Селена в этих своих лоскутках, которые всегда дразнили меня. Одну руку я положил ей на левый бок, почти под самую грудь, а вторую — на живот.

Селена

Я проснулась посреди ночи в жарких объятиях Ремингтона, мои ноги были прижаты его тяжелой ногой. Одна рука Ремингтона лежала на моем животе.

Сколько себя помню, я всегда мечтала о «жили долго и счастливо» в далеком королевстве, где нет негатива, с королем, который своей любовью заставит меня забыть обо

всем. И я нашла своего короля. Да, он не идеален. На самом деле, мне нравится эта его неидеальность. Я обожаю его собственнические замашки, ревность и переменчивое настроение. А еще я в восторге от его смеха.

Я повернулась набок и засунула руку под подушку, притягивая ее поближе к себе. Под ладонью что-то хрустнуло. С любопытством я вытащила из-под подушки сложенный вдвое листок бумаги. Включив прикроватную лампу, я уставилась на помятый конверт, на котором уверенным почерком было написано мое имя.

Почерком Ремингтона.

Он написал мне письмо? Когда?

Я быстро вытащила его из конверта и бросила взгляд через плечо на красивого мужчину, спящего на спине, а затем впилась взглядом в слова на бумаге.

Моя дорогая Селена,

Я проснулся еще до рассвета и наблюдал, как лучи солнца поклоняются твоему греховному пышному телу. Рассвет наступил и прошел, но я все равно не мог заставить себя встать со стула. Даже сидя в метре от тебя, мне тебя не хватало. Звучит безумно, да?

Уже какое-то время я сижу и думаю, как написать тебе это письмо, но то, что я чувствую к тебе, Боже, это невозможно передать словами, не важно, как много я планировал сказать. Поэтому я решил, что сяду и напишу то, что придет мне в голову и выйдет из-под моего пера. Мне не свойственна сентиментальность или спонтанность. Я все скрупулезно планирую, потому что не в состоянии справиться с поражением. Я всегда жил и играл по своим правилам. Но, та belle, с тех пор, как встретил тебя, я нарушил уже не одно собственное правило.

Я бы хотел, чтобы ты могла увидеть себя моими глазами. Та сила, с которой ты собираешь осколки своей жизни, как расправляешь свои крылья и летишь, изумляет меня. Ты сексуальная, уверенная, и в то же время робкая и смелая. И всякий раз, когда я вижу тебя с Адрианом, как он обожает тебя, как начинают светиться твои глаза, я снова клянусь себе, что буду убеждать тебя остаться. Чем больше времени я провожу с тобой, тем сильнее влюбляюсь в тебя, и все еще продолжаю влюбляться. Боже мой! Когда я пытаюсь вспомнить, какой была моя жизнь до того, как я встретил тебя, все, что я могу вспомнить, это глухой монотонный звук. Я не уверен, что конкретно случилось, но между одним вдохом и другим, я уже тонул, погружался в тебя.

Я напуган тем, что чувствую к тебе. Напуган тем, какие сильные эмоции я испытываю. Но затем ты смотришь на меня этими своими глазами, которые словно заглядывают мне в душу, и я забываю, как дышать. Забываю обо всем, отныне существуешь только ты.

Сейчас я разрываюсь между желанием наблюдать, как ты спишь, и желанием забраться к тебе под простыни, накрыть своим телом и скользнуть в тебя членом. Кусать, лизать и целовать каждый сантиметр твоего тела, пока ты не проснешься. Это лишит меня удовольствия смотреть, как ты спишь, но я смогу смотреть в твои глаза, пока ты принимаешь меня в себя.

Я постоянно думаю, какое будущее нас ожидает, но если спросить меня, я привяжу тебя к себе и никогда не отпущу.

Ты завладела моим сердцем еще до того, как у меня появился шанс подарить его тебе.

*Навеки твой,
РСЖ*

О. Господи. Ремингтон взял и написал мне письмо? Улыбаясь, я вытерла слезы, катившиеся по моим щекам. В этом мужчине столько сюрпризов. Письмо датировано двадцать вторым сентября, за несколько дней до происшествия в замке.

Сделав глубокий вдох, чтобы успокоить бешено бьющееся сердце, я засунула письмо туда, где нашла. Я бросила взгляд через плечо, и у меня перехватило дыхание. Зеленые сонные глаза смотрели прямо на меня, губы Ремингтона слегка приоткрылись, пока он изучал меня.

Я улыбнулась.

— Оно красивое, спасибо.

Он улыбнулся, но не сразу.

— Рад, что тебе понравилось, — его голос звучал хрипло ото сна. Сексуально. Я ждала, что он продолжит. — Я хотел отдать его тебе еще вчера, но вечер принял несколько иной оборот, — он подмигнул мне. — Я не смог отдать тебе его раньше из-за того, что произошло. Боялся твоей реакции на мои слова.

— Я пойду в магазин и куплю для него рамочку, — улыбнулась я ему, села на кровать и, притянув его к себе, крепко поцеловала. Затем отстранилась и прижалась головой к его груди.

— Ты потрясающий. И мне очень повезло, что ты появился в моей жизни.

— Нам обоим повезло, что мы появились в жизни друг друга.

Я закрыла глаза, ощущая, как его теплое дыхание овеивает волосы на задней части шеи, до тех пор, пока не поняла, что он уснул.

Мне двадцать шесть лет, но в душе я по-прежнему семилетняя девочка, принцесса, которая жаждет сказку. Идеал. У меня есть мое королевство, и я никому не позволю его разрушить. Я натянула на нас простыню и свернулась калачиком возле Ремингтона. Он пробормотал что-то во сне, поцеловал мои волосы, крепче сжал в своих объятиях и продолжил тихо похрапывать мне в ухо.

Два месяца спустя...

Ремингтон

Я наблюдал, как Селена, которую под руку поддерживал ее отец, вышла из дверей замка. Слева от нее стоял гордо улыбающийся Адриан. Мой сын и моя жена. Мои сокровища. *Боже мой*, она такая красивая. За последние пару месяцев она поправилась и стала прежней. Груды стали полнее, а бедра еще больше округлились. Не в состоянии достаточно быстро осмотреть всю ее, я прищурился и остановил взгляд на животе, округлившемся из-за того, что там растет ребенок — *мой ребенок*.

Захватывающее дух совершенное зрелище.

Марли рядом с Селеной повела плечом и что-то прошептала ей на ухо. Селена кивнула и подняла голову. Она пробежалась взглядом по всей толпе, пока не заметила меня. Тогда

она улыбнулась, и мне пришлось вцепиться обеими руками в сиденье, чтобы не сделать что-нибудь безумное. Например, быстро подойти к ней, перекинуть через плечо и широким шагом подняться наверх в нашу спальню.

После появления Колетт, Селена злилась на меня целый месяц. Перепады ее настроения не особо способствовали ситуации. Мне пришлось очень многое сделать, чтобы реабилитироваться. Я усвоил урок: когда Селена злится, она большая энтузиастка. Заведенная Селена такая же жаждущая, как и та Селена, которая любит меня своим большим сердцем. Я все еще поражен тем, что она простила меня после того, как я утаил от нее правду. Колетт теперь заперта в психиатрическом учреждении, но ей вынесено обвинение в попытке убийства, а так же угрозе жизни людей. Медсестра, которая пыталась убить Селену в больнице в Марселе, признана соучастницей в планах Колетт. Колетт отказывается встречаться с кем-либо, даже со своей матерью, чем разбивает сердце Инес. И сердце Селены тоже, хотя она, вроде бы, быстро забыла об этом. Но я вижу это по ее лицу, в те секунды, когда она считает, что на нее никто не смотрит. Я, наконец-то, подал на развод, потому что хочу жениться на своей невесте, чтобы при этом прошлое не давило на нас.

Жизнь входит в свое прежнее русло. Мое прошлое столкнулось с настоящим, перевернув все с ног на голову. Помню мгновения, когда задумывался, была ли у меня возможность изменить что-нибудь во всем, что произошло, но моя храбрая женщина, моя невеста, превзошла мои ожидания, оставаясь рядом со мной.

Отца выписали из больницы, и он остановился в отеле «Катерина», пока проходит реабилитацию. Наши отношения пошли на лад, большего и желать нельзя.

Я пообщался с братьями несколько дней тому назад и попытался объяснить им все, что произошло с Колетт. Ее лечащий врач считает, что она потеряла связь с реальностью, это и стало причиной ее психотического поведения. Все эти годы она не получала столь необходимую ей помощь и ее состояние ухудшилось. Ее доктор не может точно сказать, что послужило катализатором подобного поведения, и собирается провести еще какие-то анализы. Но Инес считает, что у отца Колетт проявлялись подобные симптомы, поэтому это вполне может оказаться наследственным явлением. Я так и не вспомнил, замечал ли внушающие опасение признаки нестабильности. Или, может быть, замечал, но был ослеплен чувствами к ней и проигнорировал все, что указывало на такое поведение.

Кроме прочего, не мое дело выпытывать информацию у врачей, которых она посещала. Моя жена умерла пять лет назад. Я больше не несу за нее ответственность. Следует заметить, мы так до сих пор и не знаем, почему она стала такой психически неуравновешенной, и когда это случилось впервые. Полиция уже эксгумировала кости, которые я похоронил пять лет назад, и пытается выяснить, кому они принадлежат, что им следовало сделать изначально, особенно с учетом современных технологий.

Мы решили рассказать Адриану правду о том, что его мама жива, просто очень сильно заболела. Мы понимаем, что нам нужно подождать, пока Адриан не станет постарше, чтобы он мог осознать то, что пока сложно дается нам самим. Возможно, к тому времени у нас будут ответы. А, возможно, и нет. Энтони просидел с нами всю ночь, пока мы разговаривали, и теперь в некотором роде он мой союзник и друг. Он хороший человек.

Моя красивая Селена была просто неотразима, когда решила проанализировать личность моей бывшей супруги. Она знает, что я люблю ее за то, какая она есть, а не за ее схожесть с Колетт. Во многих отношениях, она много унаследовала от Энтони, и порой мне теперь любопытно, с чего я взял, что они с Колетт чем-то похожи. Ее потрясающе смелая

попытка защитить Адриана только сформировала еще более крепкие связи между ними, а моя к ней любовь стала только сильнее, хотя я не представлял, что такое возможно. А скоро она станет моей любимой женой, и я безумно счастлив.

Большую часть прошлой ночи я провел, прижавшись ухом к ее животу и надеясь услышать что-нибудь. Сердцебиение, может быть, даже толчок? Я хочу хотя бы *какой-нибудь знак*. Я пропустил все это, когда Колетт была беременна, потому что она ненавидела, когда я так делал.

Кто-то рядом со мной присвистнул, прерывая мои воспоминания. Я обернулся на звук как раз вовремя, чтобы заметить, как жена Эндрю шлепнула его по руке и закатила глаза. Прищурившись, я посмотрел на него. Несмотря на то, что мой мозг кричит мне, что он мой лучший друг и уже женат на невероятно красивой женщине, сердце требует, чтобы я предупредил его.

Все внимание на приз, Ремингтон. Смотри на чертов приз.

Я переключил внимание на богиню с шикарной фигурой. Ее улыбка стала шире и она беззвучно, одними губами, сказала: «Я люблю тебя».

Я подмигнул ей и сделал то, что точно выведет ее из себя. «Еще бы ты меня не любила», — ответил я так же беззвучно одними губами, а она закатила глаза и покачала головой. Она подняла руки и провела ими вокруг головы, давая понять, что моя голова стала невероятного размера от моего раздутого самомнения. Я рассмеялся.

Затем в дверях показалась Грейс и вручила Селене букет из белых и красных роз, похожий на тот, что я прислал в ее номер, когда она только прибыла в отель «Катерина».

— Привет, солнышко, — потрепал меня по руке Люк. Я повернулся к нему. — Помнишь, я сказал тебе, что ты найдешь свой путь. Ты сделал это. Я так счастлив за тебя. Черт, так здорово видеть, что ты часто улыбаешься последнее время.

— Спасибо, брат, — с улыбкой ответил я, чувствуя, как от его похвалы приятно екнуло сердце. Люсьен считает меня сильным. Но он и не подозревает, что я сильный только благодаря ему. Я сильный благодаря всей моей семье, и если бы не они, я бы не был тем, кем являюсь на сегодняшний день. Но я не собираюсь сообщать ему это. По крайней мере, не сегодня. Его это может испортить Селене праздник.

— Когда я смотрю на вас обоих, то понимаю, что ты имеешь в виду. Вы друг от друга глаз оторвать не можете. Если бы я попросил тебя описать ее одним словом, какое слово ты бы выбрал?

Заиграла мелодия, выбранная для начала церемонии, и я переключил внимание на свою невесту. Адриан держал ее за руку, пока она шла по красной ковровой дорожке ко мне.

Эта женщина, которой столько пришлось пережить, все равно в состоянии встать на ноги и идти дальше с высоко поднятой головой. Женщина, которая занимается сексом с такой же страстью, как и любит.

— Одно слово, — я прищурился, взглядом изучая женщину, которая сводит меня с ума тысячами всевозможных способов. Ее отец прошептал ей что-то на ушко, и она рассмеялась, откинув голову. *Боже мой!* Звук ее смеха, как обычно, затронул что-то у меня в груди, и по всему телу растеклось тепло и желание. Все, чего мне хочется, это утащить ее наверх, запереть дверь и наслаждаться каждым миллиметром ее шикарного тела. Сорвать с нее маленький клочок белого кружева, который она называет нижним бельем, и глубоко погрузиться в нее членом.

— Невозможно описать ее одним словом. Она мой дом, безумно красивая, остроумная,

любвеобильная, иногда беспечная, но очень уверенная в себе. У нее огромный аппетит... — в плане еды и меня, но я не собираюсь озвучивать эту мысль. — Но если подвести итог и выразить все одним словом, то я скажу «моя».

Поздний май...

Селена

— Прекрати пинаться, — сонно возмутился Ремингтон, притягивая меня к себе и целуя в плечо, после чего снова провалился в сон.

— Я не специально... ай, — я крепко зажмурилась, когда поясницу охватила резкая боль. Я сбросила его руку с талии и села. — Ох, Господи, твою мать, будь все проклято.

Ремингтон резко сел — вся его сонливость улетучилась — и включил лампу возле кровати.

— Пора? — спросил он, повернулся ко мне и нахмурился, пощупав мой лоб. — *Боже мой*, ты в порядке? Ты вся в поту.

Боль отпустила так же быстро, как и появилась, и я снова расслабилась. Легла обратно и посмотрела на него.

— В порядке ли я?

Моргнув, он с удивлением посмотрел на меня, а затем выражение его лица смягчилось.

— Какие интервалы?

— Десять минут, — пробормотала я, чувствуя себя виноватой за то, что накинулась на него. Последние двадцать четыре часа стали испытанием для нас обоих. Первый раз, когда начались схватки, мы как раз закончили заниматься сексом. Заснула я, блаженствуя от удовольствия, а проснулась в кошмаре, полном боли. Ремингтон пристегнул меня ремнями безопасности к сиденью машины, и мы помчались в больницу только ради того, чтобы доктор сказал нам, что у меня схватки Брэкстона-Хикса (*Примеч. Схватки Брэкстона-Хикса — ложные схватки, которые появляются у некоторых женщин после 20-й недели беременности.*). Ребенок родится не раньше чем через три недели. Мы вернулись домой, но схватки не прекращались.

— Я везу тебя в больницу, — он встал с кровати и пошел к гардеробной. Через минуту он вышел в рубашке, застегивая джинсы. На одной руке у него висела моя одежда. Он сел на кровать и, подсунув руку мне под спину, помог мне. — Давай-ка, сядем, *ma belle*, ради меня.

Я выполнила его просьбу и поморщилась, когда боль охватила поясницу. Он быстро залез на кровать, сел рядом со мной и начал растирать мне спину рукой.

— Лучше? — спросил он, овевая теплым дыханием мою щеку, и поцеловал меня в волосы.

Сделав глубокий вдох, я кивнула, затем выпрямилась и оделась. Он встал с кровати и схватил сумку, которую я собрала несколько недель назад, готовясь к этому событию. Обернув руку вокруг моей талии, он помог мне встать.

— Я чувствую себя, как бегемот.

Он улыбнулся мне, и мои колени как обычно задрожали.

— Очень красивый бегемотик, который скоро станет мамой моего ребенка.

Я напряглась и снова посмотрела на него.

— Хочешь, чтобы я устроила разборки? Потому что я устрою и гарантирую, что буду

наслаждаться каждым мгновением. Что случилось со всеми нежностями и заботой обо мне?

Он запустил ладонь в свои волосы, его губы дрогнули, будто он старался подавить улыбку.

— Я нервничаю.

— Ах, ты, большой неженка. Я знаю, что ты нервничаешь, — сказала я, когда мы вышли из спальни и начали спускаться по лестнице.

— Жаль, что я ничем не могу помочь, чтобы ослабить боль.

Он схватил пальто с вешалки у двери и помог мне надеть мое.

— Я буду скучать по тому, как ты босая и беременная разгуливаешь по дому.

Я подняла голову и увидела, что он мечтательно уставился в пространство.

— Тебе это нравилось, да?

Ремингтон снова улыбнулся, когда мы вышли на улицу, и повел меня к машине. Он зарычал себе под нос, а затем бросил на меня взгляд, полный желаний. Заботливо усадив меня в машину, он быстро обошел вокруг нее и сел на водительское сиденье.

— Будь моя воля, ты бы всю жизнь была беременная и счастливая.

— Пожалуйста, не вынуждай меня убивать тебя. Я хочу, чтобы наши дети выросли при живом отце, а в таких условиях, шанс того, что так и будет, крайне мал.

Его мягкий смешок перерос в полноценный смех.

— Я обожаю то, во что превратились наши отношения. Ты угрожаешь убить меня, а я люблю тебя только сильнее, несмотря ни на что.

Боже, я так сильно люблю этого мужчину.

— Просто езжай, пока я... ох, черт, чертовски больно, больно, больно!! Ооооо, Господи, да двигайся ты уже, газуй, черт тебя возьми!

Веселье испарилось, и вскоре, выехав с подъездной дорожки, наша машина мчалась к больнице. К тому времени, когда мы туда добрались, интервал схваток сократился до пяти минут, и на лице Ремингтона появилось его фирменное выражение — то, которое напоминает мне о нашей первой встрече — он был готов запугать кого угодно, кто встанет на пути появления его ребенка на свет. Но я понимала, что за этим взглядом скрывается волнение. Я знаю, как он ненавидит чувствовать себя беспомощным, но после каждого моего взгляда, которым я старалась дать ему понять, что все будет в порядке, его лицо разглаживалось, а губы изгибались в уверенной улыбке.

— Я скоро вернусь, хорошо? — он наклонился ко мне, поцеловал меня в лоб и выпрямился. Я кивнула, и начала быстро и часто дышать, как учила акушерка на курсах будущих мам, которые я посещала.

Он ушел и вернулся, толкая перед собой инвалидное кресло. Аккуратно усадив меня в него, мы направились в приемный покой, и вскоре одна из медсестер уже показывала нам дорогу в родильное отделение в отдельную палату.

— Прекрати хмуриться, малыш. Я не могу возбудиться, когда вот-вот должна родить, — поддразнила его я, потеряла живот и поморщилась, когда боль эхом отдалась в спине. — К тому же, ты пугаешь персонал, — добавила я, когда заметила, как медсестра обошла нас стороной, словно боялась подходить ближе.

Схватив рубашку, которую медсестра протягивала нам, он встретился со мной взглядом и уголок его губ дрогнул, являя мне слабую улыбку, но она не затронула его глаз.

Ремингтон

— Доктор подойдет к вам через минуту, — сообщила медсестра, улыбаясь моей жене, а затем бросила нервный взгляд в мою сторону.

— Спасибо, — поблагодарил я, пытаясь искупить вину за свое поведение.

Дерьмо!

Я безумно нервничал еще с тех пор, как привез Селену домой из больницы после того, как врач объяснил нам, что она не рождает, а ее тело просто готовится к рождению ребенка. Но сейчас схватки гораздо серьезнее. Как я могу сидеть и смотреть, как она мучается от боли? Не помню, чтобы процесс родов был столь болезненным во время появления на свет Адриана. Только что Колетт было больно, и вот на свет появился Адриан, размахивая кулачками, как чемпион.

Как только Селену уложили на кровать, в палату зашел доктор и, осмотрев ее, широко улыбнулся и сообщил нам, что ребенок уже скоро появится.

Два часа спустя я все еще вытирал пот с ее бровей. Дыхание Селены было затрудненным и, чтобы помочь ей, доктор велел надеть на нее кислородную маску. Он предложил ей сделать кесарево, но моя красивая упрямая жена вознамерилась родить ребенка естественным путем.

Она страшно кричала и ругалась так, что у меня уши горели, когда ругательства и ее испуганные возгласы стрелами пронзали меня.

— Ты такая сильная, *ta belle*, — бормотал я ей в ухо, потирая спину успокаивающими кругами, пока она пыталась дышать так, как ее научила акушерка на курсах будущих мамочек. — Я так тебе обязан. Ты самая сильная женщина, которую я встречал в своей жизни, — ни за что я не хочу видеть, как она проходит через эти муки еще раз.

— В данный момент я не чувствую себя настолько сильной, — сказала она, задыхаясь.

— Тем не менее, а еще я люблю тебя.

Один час спустя...

Не мигая, я смотрел на восхитительное чудо в моих руках.

— Хоуп Эстелла. Превосходное имя для маленькой принцессы, — я склонился и вложил мою девочку в руки жены, затем выпрямился и наблюдал за ними обеими, пока Селена кормила малышку. Мы выбрали первое имя Хоуп, потому что именно ее подарила нам наша девочка. Надежду, что все будет в порядке. — Не хочу, чтобы ты снова переживала подобную боль. Я чувствовал себя беспомощным. Мне это не понравилось.

Она взглянула на меня сквозь ресницы.

— Что, если я скажу, что хочу еще детей?

Я в недоумении моргнул.

— Что?

— Разве она не прелестна? Как маленький ангел.

Я попытался перевести дух, когда ощутил, что паника вот-вот захлестнет меня.

— Ты разве не слышала, что я только что сказал? — она посмотрела на меня, невинно хлопая ресницами. Я уставился на нее взглядом, который призван подчинять всех и вся. Она вызывающе посмотрела на меня в ответ.

— Пять часов назад ты грозила убить меня при любом упоминании о том, что у нас еще будут дети.

Она фыркнула.

— Повынашивай ребенка несколько месяцев, которые покажутся тебе годами, пострадай от неумного аппетита, побегай в туалет каждые несколько секунд, потому что тебя либо тошнит, либо ты хочешь писать, а затем расскажешь мне, хочешь ты прикончить кого-нибудь или нет.

Я посмотрел на нее и ребенка, и мое уважение к Селене увеличилось в десятки раз. Я дожидаться не мог, когда Адриан познакомится со своей младшей сестричкой.

— Ты готова пройти через это еще раз?

По ее щекам заструились слезы.

— Хоть миллион раз.

Я хочу еще детей. Правда хочу. Но мне нужно время, чтобы прийти в себя после того, как со мной чуть не случился сердечный приступ, пока я наблюдал, как ей больно. Чем дольше я смотрел, какой довольной она выглядит, тем сильнее осознавал, что не остановлюсь ни перед чем, чтобы дать ей то, что она хочет.

Все события последних пяти лет вели меня к этому мгновению. Это было трудное путешествие, но в конце я получил все, о чем когда-либо мог мечтать, и даже больше. В палате со мной находятся две бесценные женщины, и Адриан где-то неподалеку. Мне посчастливилось любить и быть любимым. Я чувствую себя цельным, а шрамы, когда-то уродующие мою душу, исцелились благодаря моей неподражаемой жене и ее семье.

— Я понял, что с тобой будут проблемы, как только мы встретились в отеле.

Она подмигнула мне.

— Я тоже.

* КОНЕЦ *

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net